

ХРИСТИАНОС

XX

АЛЬМАНАХ

ISSN – 1407 – 0898

Редакционный совет

Наталия Большакова, главный редактор, Латвия
Священник Владимир Зелинский, Италия
Андрей Десницкий, Россия

Ответственный за выпуск
Василий Минченко

*При перепечатке материалов
ссылка на альманах обязательна*

© Международное Благотворительное Общество
имени Александра Меня
Рига, Латвия, 2011

*Путем,
которыми идет душа
человеческая к Богу,
посвящен этот альманах.
Особенно значима для нас
жизнь христиан нашего времени,
войдем же и мы вместе с ними
в святое любовное
единение с Богом – Отцом
и Сыном и Духом Святым,
Троицей единосущной
и Нераздельной. Аминь*

СЛУЖЕНИЕ СОПРИЧАСТНОСТИ

То, что 20-й выпуск альманаха, если Бог даст его сделать, – будет посвящен теме единства, мы понимали давно. И уже год тому назад, знали, что не только о единстве христиан – чему был посвящен «Христианос-Х» – мы будем говорить на страницах «Христианоса-ХХ». Хотя, конечно, и в этом альманахе есть материалы о христианском единстве и путях к нему.

Но, размышляя о разделении христиан, невозможно не прийти к пониманию того, в чем коренится проблема раскола XI века между Восточным и Западным христианством, дальнейшие расколы внутри Западной Церкви, и нынешний кризис Церкви и мира...

«Всякий раскол и разделение в истории христианства лишают Церковь драгоценных даров, что приводит к нарушению жизненно важного равновесия в христианской общине. И если сказанное верно в отношении всякого крупного раскола, то, прежде всего, это относится к первому великому расколу между евреями и христианами: Церковь осталась без помощи, которую могла бы привести ей еврейская традиция». (Из выступления кардинала Мартини, архиепископа Миланского в Валломброзе, 09.07.1984 г.)

«Христиане должны ощущать себя братьями всех людей, и, прежде всего, в этом состоит их долг, когда они встречаются с евреями. Каждый, кто встречается с Иисусом Христом, встречается с иудаизмом. [...] Еврейская религия не является для нас “внешней”; некоторым образом она “внутренняя” для нашей религии. У нас с ней такие отношения, которых нет ни с одной другой

религией. Вы наши братья по предпочтению и, в некотором смысле, мы можем сказать: “Вы наши старшие братья”». (Из выступления папы Иоанна Павла II в синагоге в Риме, 13.04.1986 г.)

«Мы, христиане, хотим сказать нашим братьям евреям, насколько сильно мы в них нуждаемся, насколько тесно судьба европейской народы остается связанной для христиан с тайной спасения. Мы нуждаемся в них, потому что они несравненным образом сопричастны, телесно и духовно, Священному Писанию, потому что они знают великие благословения, превращающие всю их жизнь в служение Богу, потому что они, вопреки нашему бесплотному дуализму, утверждают единство человека, призванного Богом. Потому что они позволяют нам понять всю человеческую правду Иисуса... Мы нуждаемся в них, потому что они остаются народом, сокрушающим идолов, великим изобличителем идеологий, стремящихся замкнуть всю историю человечества только на себя, – в том числе и на христианство. Вот почему они так часто были призваны “освящать Имя Божье” в самом точном, трагическом смысле этого выражения в европейской традиции – как мученической смерти...» (Из выступления православного французского богослова Оливье Клемана в церкви Нотр-Дам-де-Шанз, 13.10.1980 г., после того, как в парижской синагоге был совершен террористический акт.)

Брат Роже Шютц, веривший, что Церковь есть сопричастность любви, оставил нам такой вопрос: «Вступая в третье тысячелетие, достаточно ли хорошо мы понимаем, что – вот уже 20 веков тому назад – Христос пришел на землю не для того, чтобы основать новую религию, но чтобы дать сопричастность, единство в Боге всем людям?»¹

Можно сказать, что XX век принес новый тип святости, возникший как ответ на вызовы этого грозного столетия.

Возлюбив ближнего, как самого себя (воплощение второй заповеди, проистекающей из первой, отличает святых и мучени-

¹ *Брат Роже из Тэзе*. Бог может только любить. Les Presses de Taizé. 2005 г. С. 92.

ков XX века), эти носители единства, служители сопричастности принесли нам весть о том, что по всему миру живут наши братья-люди, что вера есть открытость сердца и восприятие бытия как единства всего сущего, что путь к Богу лежит через любовь к человеку, что простота повседневной жизни может быть наполнена чудом Божьего присутствия, что если мы научимся видеть Бога в каждом (любом) человеке, мир перестанет быть расколотым и безобразным...

* * *

Прежде, чем читатель встретится с собеседниками и авторами «Христианоса-XX», хочется произнести слова благодарности.

Спасибо нашим читателям, которые сопровождают нас на протяжении этих 20 лет (есть и такие, кто с первого выпуска альманаха с нами, их верность и доверие все эти годы поддерживали нас и давали силы работать). Спасибо всем нашим читателям, независимо от «стажа»!

Мы благодарим наших авторов, переводчиков, друзей и помощников, всех тех, кто молился о нас, кто присыпал пожертвования. На этом трудном пути, длиною в 20 лет, стольких замечательных людей привел нам «Христианос»!

*Редакционный совет
альманаха «ХРИСТИАНОС»*

ЕДИНЫМ СЕРДЦЕМ

«ХВАЛИТЕ ГОСПОДА, ВСЕ НАРОДЫ»

Ради чего мы собрали и публикуем этот материал?

Прежде всего, вероятно, ради явного, неоспоримого свидетельства этих размышлений и молитв о том, что все мы – человечество – члены одной семьи. Все мы – индуисты, иудеи, христиане, мусульмане и все остальные люди – братья и сестры, дети Божии. И любому человеку на Земле доступна возможность от всего сердца обратиться к Отцу. Искренность обращения и жажды «ответа» не зависят от стереотипов, религиозных или идеологических установок.

Есть много способов молитвы; со временем они видоизменяются, – подобно тому, как меняется все в мире. Однако всегда остается неизменной главная цель молитвы: Богообщение. И во все времена и во всех народах присутствовало интуитивное знание о том, что «Бог есть любовь».

Как не выкинешь слова из песни; и как «слишком много нот»¹ не бывает в музыке, – так и в этой подборке молитв и размышлений людей разных эпох, представляющих культуры многих народов мира («языков» в библейской лексике), нам показалось недобросовестным подходом – давать или не давать кому-либо право голоса, в зависимости от богословских взглядов или религиозной самоидентификации авторов. А авторы действительно очень различны. И голоса их наполнены то скорбью, то ликованием, в зависимости от обстоятельств – трагических или радостных – в которых они находятся. Их голоса не сливаются в унисон. Что, впрочем, как и в музыке, не исключает гармонии. Многие из авторов – анонимны. Их безымянность подобна неизвестному воину, – она представляет и нас с вами.

Этой публикацией хотелось дать, хотя бы малое, представление о той необъятной «школе молитвы», что накоплена человечеством на протяжении тысячелетий.

¹ Цитата из фильма Милоша Формана “Amadeus”, США, 1984 г.

Еще для нас важны эти размышления и молитвы праведников разных эпох и народов тем, что мы здесь находим Источник всякой молитвы – Дух Святой, молящийся в нас.

Все эти молитвенные тексты, словно руки, протянутые к Небу, обращенные к Тому, в Кого все едино. К Отцу. К Творцу всяческих.

Мы ни в коем случае не проповедуем идею, что все религии мира одинаковы и нет между ними никакой разницы. Мы просто приглашаем вслушаться в глубину надежд и устремлений, воплощенных в слова этих молитв.

На что откликнутся наши собственные сердца? Чем они отзовутся?

Прислушаемся...

Слова о молитве

Начнем дело молитвы и, преуспевая, постепенно найдем, что не только надежда на Бога, но и твердая вера, и незлопамятность, и любовь к братии, и воздержание, и терпение, и ведение внутреннейшее, и избавление от искушений, благодатные дарования, сердечное исповедание и усердные слезы – через молитву передаются верным.

Прп. Марк Подвижник

* * *

Велико значение молитвы для христианина. Молитва связывает наш дух с самим Источником жизни. Ее не могут заменить ни богословские теории, ни одно лишь служение добру. И то, и другое оживотворяется молитвой, которая хранит нашу веру от уклонов в отвлеченность и морализование.

Каждодневный молитвенный ритм необходим, ибо в противном случае душа легко выпадает из молитвенной жизни, как бы просыпаясь лишь от случая к случаю. В молитве же, как и во

всяком большом и трудном деле, одного «вдохновения», «настроения» недостаточно.

Прот. Александр Мень

* * *

Молитесь Богу с жаждой и любовью,
в тишине, с кротостью, мягко, без насилия.
Возлюбите молитву, беседу с Господом.

Старец Порфирий Кавсокаливим

* * *

Молитва есть бесконечное творчество, высшее всякого иного искусства или науки. Чрез молитву входим мы в общение с Безначальным Бытием. Или иначе: жизнь Самосущего Бога входит в нас по этому каналу. Молитва есть акт наивысшей мудрости, всепревосходящей красоты и достоинства. В молитве – святое упоение нашего духа.

Архим. Софроний (Сахаров)

* * *

Встань рано, помолись и весь день размышляй. Рост будет в тебе, когда будешь поливать себя молитвой и слезами. Надо всегда себя проверять словом Божиим и освящать молитвой. Держа в руках Евангелие, ты держишь свет мира.

Архим. Таврион (Батозский)

* * *

Вот молитва, предваряющая всякую молитву:
«Пусть будет подлинным “я”, которое говорит.
Пусть будет подлинным “Ты”, к которому я обращаюсь».

Клайв Льюис

* * *

Чтобы удержать молитву, надо любить тех людей, которые тебя обижают, и молиться за них до тех пор, пока душа не примирится с ними, и тогда даст Господь непрестанную молитву, ибо Он дает молитву молящемуся за врагов.

Прп. Силуан Афонский

* * *

В молитве учитель – Сам Господь, но надо смирять свою душу. Кто правильно молится, у того на душе мир Божий. У молитвенника должно быть милующее сердце ко всей твари. Молитвенник всех любит и всех жалеет, ибо благодать Святого Духа научила его любви.

Прп. Силуан Афонский

* * *

Молиться за людей – это кровь проливать.

Прп. Силуан Афонский

* * *

Будем постоянно держать себя в исполнении воли Божией. Завтрашнего дня Господь не обещает. Будем всегда готовы, будем радоваться и непрестанно молиться.

Архим. Таврион (Батозский)

* * *

Спешите молиться, старайтесь молиться! Вот сейчас ты молишься – значит, собираешь драгоценности в сундучок на небесах. А будешь нуждаться, Господь откроет его и пошлет тебе необходимое. Может случиться, что захочешь помолиться, а сердце

не сможет. Вот тогда-то Господь и пошлет твою сегодняшнюю молитву, дабы укрепить тебя.

Архим. Таврион (Батозский)

* * *

Господь дал нам духовный меч – молитву, но как трудно владеем мы им, когда разленивается и хладеет сердце наше. Спешит человек, чтобы скорее миновать молитву и взяться за дела дневные, спешит от молитвы. И лишь когда преодолеет он разлечение сердца своего, когда загорится он молитвою, увидит он, что спешить некуда и не к чему, что нет ничего на земле нужнее и сладостнее молитвы.

Прот. Сергей Булгаков

* * *

Не употребляй в молитве твоей премудрых выражений; ибо часто простой и неухищренный лепет детей был угоден Небесному Отцу их.

Св. Иоанн Лествичник

* * *

Лучшая молитва – та, что свободно вырывается из сердца к Богу, когда необходимость и нужда сами вкладывают слова в уста.

Да, молитва, доходчивая до Бога, может быть произнесена без слов, горячим безмолвным криком души – в вздоханиях, томлениях и стенаниях сердца.

Эфраим Преториус²

² Преториус Э. (1657–1723). Жил и трудился в г. Данциге (Гданьске). Историк, библиограф, богослов, лютеранский пастор в период напряженных этноконфессиональных столкновений между немецким и польским населением города. Оставил после себя внушительный корпус сочинений на нем. яз.

* * *

Абсолютное внимание – это молитва.

Дзэн-буддийская мудрость

* * *

Начало молитвы – молчание... Это Бог, говорящий в тиши вального сердца. А потом мы от полноты сердца начинаем разговаривать с Богом. Он слушает.

Начало молитвы – Писание... Мы слушаем, что говорит Бог. И тогда мы снова отвечаляем Ему от полноты сердца. Он слушает.

Это и есть молитва. Он говорит, и мы говорим. Он слушает, и мы слушаем.

Св. мать Тереза Калькуттская

* * *

Плод молитвы – глубокая вера.

Плод веры – любовь.

Плод любви – служение.

Но, чтобы молиться, нужна тишина.

Тишина сердца.

Душе нужно время, чтобы отойти ото всех и помолиться.

Молиться устами.

Молиться глазами.

Молиться всем телом.

И если нет у нас этой тишины, то мы и не знаем, как следует молиться.

Св. мать Тереза Калькуттская

Молитвенные размышления

Ночь приблизилась. За всё, что было, – спасибо! Всему, что будет, – да!

Даг Хаммаршёльд³

* * *

Если кто-то обидел меня или мне навредил
вольно или невольно –
мыслью, словом иль делом –
я их добровольно прощаю.

И сам я прощенья прошу,
если обидел кого-то или кому навредил
вольно или невольно –
мыслью, словом иль делом.

Да буду я счастлив,
Да буду я мирен,
Да буду свободен.

Да будет друг мой счастлив,
Да будет друг мой мирен,
Да будет свободен.

Да будет любой человек на пути моем счастлив,
Да будет любой человек на пути моем мирен,
Да будет свободен.

³ Даг Хаммаршёльд (1905–1961) – шведский дипломат, экономист, писатель, второй Ген. секретарь ООН (1953–1961). Погиб в авиакатастрофе в 1961 г. Единственный в истории человек, ставший лауреатом Нобелевской премии мира посмертно.

Да будет враждующий против меня счастлив,
 Да будет враждующий против меня мирен,
 Да будет свободен.

Да будем мы все, вместе взятые, счастливы,
 Да будем мы все, вместе взятые, мирны,
 Да будем свободны.

Да будет вселенная счастлива,
 Да будет вселенная мирна,
 Да будет свободна.

Метта бхавана
(Медитация любящей доброты
в буддизме)

* * *

Несмотря ни на что, я все еще верю, что в глубине сердца люди в действительности добры.

Я просто не могу строить свои надежды на фундаменте смятения, горя и смерти.

Я вижу, как мир постепенно превращается в пустыню.

Я слышу всё приближающийся грохот, который уничтожит и нас тоже.

Я могу ощутить страдания миллионов, и всё же –
 стоит мне взглянуть в небеса,
 я думаю, что всё это как-то исправится,
 что этой жестокости настанет конец,
 а мир и спокойствие водворятся снова.

Анна Франк⁴

⁴ Из кн. «Убежище».

* * *

Чтобы прийти к наслаждению всем –
ты не желай насладиться ничем.

Чтобы прийти к обладанию всем –
ты овладеть не пытайся ничем.

Чтоб всеохватным стать бытиём –
сам по себе не желай быть никем.

Чтобы прийти к осознанью всего –
знаньем ума не держи ничего.

Чтобы прийти в состоянье бесстрастия –
надо идти, отсекая пристрастия.

Чтобы постичь Непостижимого –
надо идти в неведены мнимого.

Чтоб обрести богатство нетления –
надо идти, оставив имения.

Чтобы дойти до пределов не-я –
надо идти, отвергаясь себя.

Св. Иоанн Креста

* * *

Ничто не страшно,
ничто не больно;
всё исчезает –
Бог остаётся.
Только терпенье
цель покоряет.
Бога стяжавшим
Бога довольно;
Бога хватает⁵.

Св. Тереза Авильская

⁵ В наше время в сокращенном виде эта молитва (на языке оригинала – испанском) стала одним из песнопений общины Тэзе.

* * *

О, Предвечная Троица! Ты глубокое море,
и чем глубже в Тебя погружаюсь – тем больше я обретаю,
и чем больше я обретаю – тем больше ищу.
О, бездна!

О, Предвечное Божество!
О, бездонное море!
Что же еще мог бы Ты дать мне, кроме Себя Самого?
Аминь.

Св. Екатерина Сиенская

* * *

Господи, благодарю Тебя за молитву, за то, что Ты дал нам Имя Твое великое и страшное. Каждый день утро начинается чудом молитвы, из Царства полубытия мы снова возвращаемся пред лицо Божие и, становясь перед Ним, просим Бога о помощи и благословении, и славим и благодарим Его.

Вся жизнь наша погасла бы и потемнела без этой молитвы, смерть вошла бы в существо наше и поглотила. Мы меньше всего умеем ценить те блага, без которых мы не можем жить, таков воздух, солнечный свет, земля родимая. И мы не отдаем себе отчета, не видим, как все наше существо строится молитвой и спасается ею. Зачем же так хладна, так поспешна, так нерадива наша молитва? Отчего мы оскорбляем Бога и себя самих своей холодностью и духовной ленностью? Трудись, не ослабевай, упорствуй в молитве, и она сама будет помогать тебе, сладчайшее Имя Божие как мед будет в твоих устах. Господи, научи нас молиться, дай волю к молитве, внуши к ней любовь!

Прот. Сергий Булгаков

...и сами молитвы

Люблю Тебя, Господи,
Люблю Тебя более всего на свете,
Ибо Ты – истинная радость души моей.
Ради Тебя, Господи,
люблю ближнего моего, как самого себя.

Прот. Александр Мень

* * *

Я верю в солнце, даже когда оно не светит.
Я верю в любовь, даже когда ее не ощущаю.
Я верю в Бога, даже когда Он молчит.

*Молитва неизвестного,
нацарапанная на стене камеры
концлагеря, во время Холокоста*

* * *

От заблуждения веди меня к Истине.
От тьмы веди меня к Свету.
От смерти веди меня к Бессмертию.

Упанишады

* * *

От трусости, которая не смеет лицезреть новую правду,
От лености, что довольствуется полуправдой,
От высокомерия, уверенного, что ему известна вся правда, –
Избавь меня, благой Господь.

Кенийская молитва

* * *

За всё, о чём мы должны были подумать, но не подумали;
 За всё, что мы должны были сказать, но не сказали;
 За всё, что мы должны были сделать, но не сделали;

За всё, о чём не следовало думать, а мы думали;
 За всё, о чём не следовало говорить, а мы говорили;

За всё, чего не следовало делать, а мы делали, —
 За мысли, слова и дела,
 Мы молим, о Бог, о прощении.

Персидская молитва

* * *

Мать богов, Отец богов,
 Древний Бог,
 Простой довесок царства пришел —
 обычный человек.
 Он пришел плача, он пришел в скорби,
 он пришел с виной.
 Может, он поскользнулся,
 может, он оступился,
 Может быть, он коснулся
 птицы зла, ядовитых сетей паука, колючих терновых кустов:
 Это ранит его сердце, это терзает его.
 Владыка, Господь!
 Вечно Сущий, Всегда Находящийся Рядом!
 Забери у него этот груз:
 Услыши бóль обычного человека.

Айтекская молитва

* * *

Я предстою пред Тобой как один из многих Твоих детей.
Посмотри, как мал я и слаб, мне нужны Твои сила и мудрость.

Позволь мне ходить в красоте и чтобы мои глаза всегда созерцали пурпурный закат.

Чтобы руки мои касались с почтеньем Тобой сотворенных вещей.

И пусть мои уши слышат Твой голос!

Даруй мне мудрость, чтоб мог я понять, чему Ты научил мой народ,

и что Ты сокрыл в каждом камне и в каждом листке.

Жажду силы я не для того, чтобы верх взять над братом моим,
Но сразиться со злейшим врагом – собою самим.

Сделай готовым меня всегда предстать перед Тобою,
чтобы были руки мои чисты и искренен взгляд,
чтобы дух мой – лишь скроется жизнь, как закатное солнце,
мог стоять перед Тобой без стыда.

Молитва индейского племени Сиу

* * *

Старец!
Взгляни на нашу сломленность.

Известно нам, что из всего творенья
лишь человеческая семья
Священный Путь оставила.

Известно нам, что это мы те самые,
кто разделён.
И мы те самые,
кто возвратиться может только вместе,
чтобы Священный Путь пройти.

Старец!
Святой!
Научи нас любви, состраданию и достоинству,
чтобы мы могли исцелить Землю
и исцелить друг друга.

Молитва индейского племени Оджибуэй

* * *

Господь, Сильный и Крепкий! Укрепи меня:
Да будет всё живое смотреть на меня дружеским взглядом,
Да буду я смотреть на всё живое дружеским взглядом,
Да будем мы все смотреть друг на друга дружеским взглядом.
*Яджурведа*⁶

* * *

Позволь мне узнавать в окружающих людях, Господи Боже,
сияние Твоего Лица.

Тейяр де Шарден

* * *

Ты моя Мать, и Отец мой – Ты,
Ты мой Друг, и Учитель мой – Ты.

⁶ Яджурведа или Веда жертвенных формул – одна из четырех индуистских Вед. Составлена около X в. до н.э.

Ты мудрость моя, и сокровище – Ты.
Ты всё для меня, о Бог всех богов.

Шри Рамануджса⁷

* * *

Куда б я ни шел – только Ты!
Где бы я ни стоял – только Ты!
Только Ты, снова Ты! Ты всегда!
Ты, Ты, Ты!
Когда всё идет хорошо – Ты! когда всё идет плохо – Ты!
Ты, Ты, Ты!

Хасидская песня

* * *

Хвала Тому, Кто Один лишь достоин хвалы.
Хвала Ему за Его благодать и милость.
Хвала Ему за Его силу и благость.
Хвала Тому, Чье знание всеообъемлюще.

О Всевышний, даруй свет сердцу моему и свет устам моим,
Свет слуху моему и свет зрению моему,
Свет плоти моей, свет крови моей, свет костям моим,
Свет в могиле моей.

Свет спереди, свет сзади, свет справа, свет слева, свет надо мною, свет подо мною.

⁷ Рамануджа (≈1017–1137) – философ, реформатор средневекового индуизма. Утверждал, что полная зависимость от Бога не мешает индивидууму проявлять свободную волю, что преданность – единственно правильный путь к освобождению. Состояние чистой преданности – это состояние, при котором ум постоянно сосредоточен на Господе с чувством глубокой любви. Рамануджа утверждал, что Бог трансцендентен по природе и недоступен чувственному восприятию, невозможно найти доказательство Его существования методом наблюдения.

О Всевышний, возвеличь и умножь свет для меня
 и даруй мне свет, величайший из всех – свет светов –
 Твоего милосердия даруй мне свет, о Ты, Милосерднейший.
Абу Хамид Аль-Газали⁸

* * *

Несокрушима, о Господь,
 любовь,
 что связывает меня с Тобой:
 она, как алмаз,
 сокрушаает молот, что бьет по нему.

Мое сердце входит в Тебя,
 как блеск входит в золото.
 Как лотос в своих водах –
 так живу я в Тебе.

Как птица
 всю ночь не отводит глаз
 от плывущей луны –
 так я затерялась в Тебе.

О, мой Возлюбленный, –
 вернись!

Мираабай⁹

⁸ Абу Хамид Аль-Газали (1058–1111) – исламский богослов и философ персидского происхождения. Один из основателей суфизма, сформулировавший его теоретические основы и добившийся его интеграции с общепризнанным исламом. Считал, что нравственные устои должны основываться на непосредственном общении с Аллахом, а также на личном опыте переживаний. При этом важно обретение просветления или божественной благодати, для которой надо освободиться от всего искусственного.

⁹ Мираабай (≈1500–1547) – святая индуизма. По преданию, принцесса Раджастана, посвятившая себя поклонению Кришне. Великая поэтесса, мистик, автор многих песен.

* * *

Я не молюсь о богатстве,
 я не молюсь о почестях,
 Я не молюсь о наслаждениях,
 ни даже о радостях творчества.
 Я молюсь лишь о том, чтобы всю мою жизнь любить –
 чистой любовью любить Тебя.

*Шри Чайтанья*¹⁰

* * *

О, мой Господь,
 Если я поклоняюсь Тебе из страха ада – сожги меня в аду.
 Если я поклоняюсь Тебе в надежде на рай – затвори предо мною его врата.
 Но если я поклоняюсь Тебе лишь ради Тебя Самого –
 даруй мне зреть красоту Твоего Лица.

*Раби'а*¹¹

* * *

О, Любовь! О, чистая глубокая Любовь!
 Будь здесь, будь теперь, – будь всем.
 Миры растворяются в Твоем незамутненном безбрежном сиянии,

¹⁰ Чайтанья (1486–1534) – святой индуистский аскет-монах и религиозный реформатор Бенгалии XVI в., проповедник бхакти-йоги (чистой любви и преданности Богу).

¹¹ Раби'а аль-Адавийа (717–801) – женщина-суфий, аскет, родилась в Ираке. Великая суфийская святая, поэт. Основной принцип, который Раби'а выдвинула в жизни аскета, состоял в том, что человек должен очень внимательно следить за своими мыслями и побуждениями, выявляя скрытые в них крупицы лицемерия, тщеславия и гордыни. Положила основание традиции в суфизме, где Бог выступает «Женихом», «Возлюбленным», а человеческая душа – «невестой», «возвлюбленной».

хрупкие живые листочки горят Тобою ярче, чем холодные звезды:

Сделай меня Своим слугой, Своим дыханием, Своим сердцем.
Джалааддин Руми¹²

* * *

О, Ты, Чья обитель
 в глубине моего сердца –
 дай мне соединиться с Тобой
 в глубине моего сердца.

Талмуд

* * *

Позволь мне искать Тебя в моем желании,
 Позволь мне желать Тебя в моем поиске.
 Позволь мне найти Тебя, любя Тебя,
 Позволь мне любить Тебя, найдя Тебя.

Св. Ансельм Кентерберийский

* * *

Господь мой и Бог, я не знаю, куда я иду.
 Пути пред собой я не вижу
 и точно не знаю, где кончится он.
 Я также не знаю, что сам заключаю в себе.
 Пусть кажется мне, что я следую воле Твоей,
 но это не значит, что это действительно так.
 Единственно верю: желая Тебе угодить,
 Одним лишь желанием я угождаю Тебе.

¹² Джалааддин Руми (1207–1273) – выдающийся персидско-таджикский поэт-суфий. Его поэзия пронизана идеей ценности человека, независимо от его земного величия; протестом против формализма религиозной обрядности и схоластики.

Надеюсь, что это желание мною и движет во всём.
Надеюсь в поступках своих желания этого не потерять.
И знаю, что только за это одно
я буду направлен Тобою на правды стези,
хотя я могу об этом не знать.
Поэтому я навсегда вверяю себя Тебе.
Пусть даже и кажется мне,
что я потерялся, под сению смертной ходя,
я не убоюсь, ибо Ты не оставишь меня,
и зло, что грозит мне, встретишь Ты вместе со мной.

Томас Мертон¹³

* * *

Мир всем людям злой воли! Да престанет всякая месть, всякий призыв к наказанию и возмездию... Преступления переполнили чащу, человеческий разум не в силах больше вместить их. Неисчислимы сонмы мучеников...

Поэтому не возлагай их страдания на весы Твоей справедливости, Господи, не обращай их против мучителей грозным обвинением, чтобы взыскать страшную расплату. Воздай им иначе! Положи на весы, в защиту палачей, доносчиков, предателей и всех людей злой воли – мужество, духовную силу мучимых, их смижение, их высокое благородство, их постоянную внутреннюю борьбу и непобедимую надежду, осушавшую слезы, их любовь, их истерзанные, разбитые сердца, оставшиеся непреклонными и верными перед лицом самой смерти, даже в моменты предельной слабости... Положи все это, Господи, перед Твоими очами в прощение грехов, как выкуп, ради торжества праведности, прими во внимание добро, а не зло!

И пусть мы останемся в памяти наших врагов не как их жертвы, не как жуткий кошмар, не как неотступно преследующие их призраки, но как помощники в их борьбе за искоренение разгула

¹³ Из сборника «Однокие думы».

их преступных страстей. Ничего большего мы не хотим от них. А когда все это кончится, даруй нам жить как людям среди людей, и да возвратится на нашу исстрадавшуюся землю мир – мир людям доброй воли и всем остальным...

*Молитва, написанная
в нацистском концлагере
заключенным-евреем*

* * *

О Боже, от ранней зари к Тебе я взываю.
Помоги мне молиться,
собери к Себе мои мысли:
я сам неспособен на это.

Во мне только тьма,
с Тобою же – свет;
я одинок – но Ты не оставишь меня;
я малодушен – но помошь придет от Тебя.
я весь в смятении – но мира исполнен с Тобою.
Во мне только горечь – с Тобой же приходит терпенье;
Твои мне пути непонятны,
Но Ты знаешь путь для меня...

Отец Небесный!
Хвала и благодарение Тебе
за тишину ночную.
Хвала и благодарение Тебе за новый день.
Хвала и благодарение Тебе
за доброту и верность всю Твою
в моей прошедшей жизни.
Я много блага принял от Тебя,
теперь же дай принять
меня из руки Твоей и этот тяжкий груз.

Ты дашь не больше, чем смогу я понести.
Ведь так устроил Ты, что детям всем Твоим
всё сущее ко благу служит.

Господь Иисус Христос!
Ты нищ был и убог,
и в узы заключен, покинут, как и я.
И всю людскую боль
Ты знаешь. Ты со мной,
где никого не будет из людей.
Меня Ты не забудешь и найдешь –
Ты хочешь, чтобы я познал Тебя
и обратился полностью к Тебе.
Господь, я слышу зов Твой и иду,
так помоги мне!

Дух Святой!
Дай веру мне,
которой от страстей, отчаянья, пороков
я спасусь. И даруй мне любовь
к Богу и людям, чтобы ею поглотить
всю ненависть и горечь. Даруй мне
надежду, чтобы ей освободиться
от страха и уныния.

Святой и милосердный Бог!
Творец мой и Спаситель, мой Судья
и Избавитель мой, Ты знаешь
меня и знаешь все мои дела.
Ты ненавидишь и караешь зло
и в том, и в этом мире, невзирая
на лица. Ты прощаешь
грехи тому, кто просит искренне о том.
Добро Ты возлюбил. Ему наградой
мир совести сейчас, на этом свете.

В грядущем веке
увенчиваешь праведника Ты.

Перед Тобой всех близких вспоминаю,
всех, кто со мною в узах, также всех,
кто в этом доме занят тяжкой службой.
Господь мой, сжался!
Подари мне вновь свободу
и дай отныне жить мне так,
чтоб оправдаться пред Тобою и людьми.
Господь, что б ни готовил этот день –
Твое я славлю Имя!
Аминь.

Пастор Дитрих Бонхёффер¹⁴

* * *

Боже нашей жизни,
бывают дни, когда наши бремена натирают нам плечи и при-
гибают нас книзу;
когда путь кажется изматывающим и бесконечным,
а небеса – пустыми и хмурыми;
когда наша жизнь лишена музыки,
а наши сердца одиноки,
и души наши утратили мужество.
Затопи светом путь,
устреми взор наш туда,
где небеса полны обетования;
настрой наши сердца на мелодию отваги;
дай нам чувство родства
с подвижниками и святыми каждой эпохи;
и тем оживи наш дух,

¹⁴ Утренняя молитва для соузников в нацистской тюрьме. Рождество 1943 г. В наше время в сокращенном виде эта молитва (на языке оригинала - немецком) стала одним из песнопений общины Тэзе.

дабы мы могли ободрить души всех,
кто странствует вместе с нами по дороге жизни –
ради славы и чести Твоей.

Бл. Августин

* * *

О, сладчайшее Имя Иисусово, премудрость и сила!
Ты насыщаешь сердце мое, Ты укрепляешь ноги мои,
Ты даешь мне мужество начать день сей пред Господом.
О, чудо молитвы, о, чудо Божьего вездеприсутствия!
Я зову Тебя, и Ты уже со мною в Имені Твоем,
я ищу Тебя, и Ты уже в моем сердце и устах моих,
я жажду Тебя, а Ты уже меня напояешь.
О, чудо чудес, оно чудеснее чудес мира,
оно чудеснее солнца и звезд, земли и преисподней!
Любовь Божия, любовь Христова, к нам явленная,
печатлеется в Имені Его и в крестной силе Его,
меня и весь мир осеняющей.
Неустранимо вступаю в мир с этим орудием и,
если пугаюсь, снова ощупываю его,
что оно со мною, и снова иду далее.
Имя, Кресте, сила Христова! Одень меня, облеки меня,
сохрани сердце мое от помышлений лукавых,
наложи на него замок от помыслов нечистых,
запечатлей сердце мое перстнем обручения Твоего,
о, Женише, о, Слове Божий, Господи Иисусе Христе,
Сыне Божий, помилуй меня, окаянного!

Прот. Сергий Булгаков

* * *

Боже любви,
Духом Святым
Ты всегда с нами.

Присутствие Твое
невидимо,
но Ты живешь
в глубине нашей души,
даже когда мы этого
не осознаём.

Иисусе милосердный,
в тяжких испытаниях
Ты никому не угрожаешь, —
Ты прощаешь.
Мы тоже хотим
уметь прощать и хранить
совершенную
простоту сердца.

Дух Святой,
тайна Присутствия,
Ты говоришь
каждому из нас:
«К чему тревожиться?
Одно только нужно:
сердце, которое слушает,
чтобы понять —
Бог любит тебя
И всегда прощает».

Брат Роже Шютц

* * *

Господи, Иисусе Христе!
Ты сказал нам:
где двое или трое собраны во имя Мое,
Я там среди них.
Ты не хотел, чтобы люди шли одиноко по жизни,

Ты собрал нас, чтобы мы были единой семьей.
Дай нам исполнить Твою новую заповедь,
чтобы мы любили друг друга,
как Ты возлюбил нас.
Дай нам терпение, снисхождение и власть над собой.
Дай нам победить себялюбие, гордость и властность.
Да будем едины мы, как Ты един
со Отцом и Духом, по Твоей молитве и заповеди.
Чтобы в этом темном мире
просветился наш свет,
От Тебя идущий,
И люди познали любовь Твою
в любви Отца, в спасении Сына
и в причастии Святого Духа.
Аминь.

Прот. Александр Мень

* * *

Забери, о, Господь, и прими
всю свободу мою,
мою память,
сужденье мое
и всю мою волю, –
всё, что имею и чем обладаю.
Ты дал мне всё.
Тебе, о, Господь, всё это я возвращаю.
Всё Твое – распорядись же всем этим
всесело по воле Твоей.
Дай мне Твою любовь и Твою благодать –
и этого мне довольно.

Св. Игнатий Лойола

* * *

Верую, Господи, но Ты утверди веру мою.
Уповаю, Господи, но Ты укрепи надежду мою.
Я возлюбил Тебя, Господи,
но Ты очисти любовь мою и воспламени ее.
Сокрушаюсь, Господи, но Ты сделай,
да приумножу покаяние мое.
Чту Тебя, Творца моего, вздыхаю о Тебе,
призываю Тебя.
Ты же направь меня мудростью Твою,
защити и укрепи.
Предаю Тебе, Боже мой,
помышления мои, да исходят они от Тебя.
Дела мои да будут по воле Твоей.
Освети ум мой, укрепи волю,
очисти тело, освяти душу.
Да узрю мои прегрешения,
да не прельщусь гордостью,
помоги мне побеждать искушения.
Да славлю Тебя во все дни жизни,
которые Ты даровал мне.
Аминь.

Прот. Александр Мень

* * *

Приди, Свет истинный.
Приди, Жизнь вечная.
Приди, сокрытая Тайна.
Приди, Сокровище безымянное.
Приди, Вещь несказанная.
Приди, Лицо, бегущее от человеческого постижения.
Приди, непрестанная Бодрость.
Приди, всех спасаемых истинная Надежда.

Приди, мертвых Воскресение.

Приди, Могучий: Ты всё всегда делаешь, преобразуешь и меняешь одним только мановением.

Приди, абсолютно Невидимый, Неприкосновенный, Неосыаемый.

Приди, всегда Пребывающий недвижимым, хотя Ты ежесекундноесь передвигаешься

и приходишь к нам, лежащим в преисподней, хотя Сам живешь выше всех небес.

Приди, Имя вожделеннейшее и чаще всего встречающееся; но сказать о Тебе, что́ Ты, или знать – каков и какого рода, нам решительно отказано.

Приди, Радость вечная.

Приди, Венок неувядющий.

Приди, великого Бога и Владыки нашего Багряница.

Приди, Опоясание, как кристалл прозрачное, и расцвеченное драгоценным камением.

Приди, Прибежище неприступное.

Приди, царская Багряница и священного величества Десница.

Приди: нуждалась и нуждается в Тебе жалкая душа моя.

Приди, Одинокий, к одинокому; ведь я одинок, как видишь.

Приди: Ты отделил меня и сделал меня на земле одиноким.

Приди, Ты сделался нуждою моей, и сделал, чтобы я нуждался в Тебе, –

в Тебе, к Которому ни для кого нет доступа.

Приди, Дыхание и Жизнь моя.

Приди, презренной души моей Утешение.

Приди, Радость, и Слава; и беспрестанная Утеша моя.

Св. Симеон Новый Богослов¹⁵

¹⁵ Отрывок из Гимна Святому Духу.

* * *

Приди, Дух любви и мира!

Дух творящий,
Таинственный создатель Царства
Силой Твоих святых даров, помоги Церкви
Мужественно переступить порог нового тысячелетия,
Чтобы нести будущим поколениям
Свет спасительного Слова.

Дух святости,
Божественное дыхание, животворящее космос,
Приди обновить лицо земли,
Пробуди в христианах желание полного единства,
Дабы в мире они стали знамением сокровенного союза с Богом
И действенными инструментами единства всего рода человеческого.

Блаженныи папа Римский Иоанн Павел II

Игумен Матта-эль-Мескин

Священник Матта Эль-Мескин (Матфей Бедняк, 1919–2006) принадлежал Коптской Православной Церкви. Он был духовным наставником монастыря Св. Макария в пустыне скитов (Скитской), Вади Эль-Натрун. Свою первую книгу, «Православная жизнь в молитве», отец Матта опубликовал в 1951 году. Он является автором более 50 крупных сочинений и сотен статей и проповедей.

ХРИСТИАНСКОЕ ЕДИНСТВО

Отче Святый, Ты прославил Сына Твоего, Иисуса, и дал Ему власть над всякою плотью, дабы Он даровал жизнь вечную всем, кто поверил в Него, Бога и Спасителя. Мы благодарим Тебя за то, что Ты удостоил нас, людей, познания единосущного единства между Тобою, Твоим Сыном и Духом Твоим Святым – единства, к которому Ты призвал нас молитвой, вознесенной к Тебе Твоим Сыном: «Да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино, – да уверует мир, что Ты послал Меня» (Ин 17:21).

Поистине мы веруем, что единство, к которому Ты призвал нас, необходимо как свидетельство таинства Твоей работы в человеческой природе – природе, подверженной тлению и дезинтеграции по причине греха и себялюбия. Подобным же образом это единство необходимо, чтобы мир мог уверовать, что не имеет иной надежды, кроме как в Лице Иисуса Христа, Твоего горячо возлюбленного Сына, посланного Тобою, дабы соединить небесное с телесным.

Мы признаем и исповедуем, что пришествие Твоего Сына в наши сердца («верою вселиться Христу в сердца ваши» [Еф 3:17]) должно немедленно творить в нас устремление к единству: «Я в них, и Ты во Мне; да будут совершенны воедино, и да познает мир,

что Ты послал Меня и возлюбил их, как возлюбил Меня» (Ин 17:23). Из этого неотвратимо следует, что любое противостояние совершенству единства в Тебе с нашей стороны, единству, которого Ты искал для нас, обусловлено слабостью нашей веры и отсутствием братолюбия. Эти недостатки заставляют нас ставить идеологические, политические и расово-национальные разногласия выше требований совести, веры и любви и приводят к тому, что мы заглушаем голос Христа в наших сердцах в угоду мирскому и человеческому.

Отче Святый, прославь Сына Твоего в жизни Твоей Церкви, чтобы Церковь могла прославить Тебя и прославить Сына Твоего, когда все избавятся от всего, что препятствует единству и мешает братолюбию. Не допусти, о Господь, чтобы Твой народ исчез с лица земли, или попытался бы искоренить грех средствами греха или исцелить зло при помощи другого зла; не допусти, чтобы единства искали через разницу во взглядах, братолюбие смешивали с политикой, а расово-национальные группировки считали бы духовной силой.

Христианское единство

Христианин ищет единства, потому что он ищет Бога; он чувствует присутствие единства в своей душе в той мере, в какой ощущает присутствие Божие. Следовательно, христианское единство – это высочайшее требование веры, мы ищем его, поскольку оно взвыает к нам из глубин наших сердец. Да, раз не у всех одинаковое чувство Бога, не все рассматривают единство под одним и тем же углом – оно ширится или сжимается в людях пропорционально отношениям человеческих сердец с Богом. Некоторые совсем его не чувствуют – иные даже отрицают его. Это испытание веры.

Принцип богословского единства изначально происходит от зрелости веры и изливающейся через край духовности, прорыва-

ющей плотины ненависти, разномыслий, душевных раздоров, измышлений интеллекта и попечений плоти. Единство людей – это идеал, превосходящий человеческие силы, если искать его на божественном уровне. Он напрямую проистекает как *необходимость и неизбежное* следствие из единства человека с Богом. Это хорошо известный закон духовности, основанный как на практическом опыте, так и на неоднократных свидетельствах из Писания. Первая заповедь гласит: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твою и всем разумением твоим», а вторая: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф 22:37-39). Писание здесь подтверждает, что вторая заповедь проистекает из первой. Именно из первой она выводится. Вторая заповедь без первой не стоила бы ничего, воистину она была бы близка к греху.

Поэтому настойчивость, с которой в нынешнее время обращаются к требованию единства, когда разные церкви жалуются на ослабление веры у своих клириков и мирян, на духовную слабость и отказ молодых посвящать жизнь Богу, заставляет нас расставить идеи в должном порядке. Какова может быть мотивация, стоящая за этим настоятельным требованием единства и придавшая ему столь всеобъемлющую форму?

Если бы мы действительно переживали духовный ренессанс, глубокое горение верой, то единство приняло бы форму коллектичного и индивидуального возврата к Богу, всеохватного движения обращения, покаяния и мольбы к Богу о прощении – как всегда происходило с народом Божиим после периода двойственности или вовсе отхода от веры. Но столь настоятельный поиск единства в момент, когда мы пребываем в состоянии эдакой колеблющейся теплохладности, когда мы открыто практикуем разделение и уход от Бога, заставляет спрашивать: откуда исходит это побуждение?

Человек изначально произошел от одного творения – Адама. Так что это нормально, что у людей существует инстинктивная тяга к дружбе – тяга, подсознательно питаемая нашими инстинктивными чувствами.

С другой стороны, поскольку мы живем в общем мире, наши интересы порой оказываются в гармонии, а в другой раз они в таком конфликте, что это затрагивает саму жизнь и существование. Отсюда другое стремление – стремление к партнерству, к совместному отражению враждебных сил, – партнерство, в котором люди объединяются против людей.

Единство, основанное на эмоциональном подходе

Было бы чрезвычайно серьезной ошибкой, неправильно интерпретировав эмоцию, позволить ей проникнуть и заполнить собой наш поиск христианского единства, которое должно быть обретено посредством Духа безо всякого вмешательства со стороны плоти или эмоции: «Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть дух» (Ин 3:6). Эмоциональное удовлетворение, даже если оно кажется справедливым и прекрасным, особенно в духовных материях, неспособно ответить на запросы истины, ибо истина, в конечном счете, гасит эмоцию: «...живущие по плоти Богу угодить не могут» (Рим 8:8). Так что эмоция, даже если в начале пути к истине она кажется гармонично сопутствующей духу, в действительности чревата опасной способностью преградить нам путь и развернуть нас вспять от восхождения. Таким образом, эмоция неосознанно работает на плоть, и даже если она подчиняет себя духу, то это лишь уловка – вырядиться в духовные одежды и использовать их для личного прославления.

Если единство людей – под видом духовности – базируется на эмоции, оно может служить только прославлению человеческого, возвеличению человеческого «я». Бог в процессе просто становится второстепенным. Совещания и переговоры тогда оказываются своего рода попыткой – серьезной попыткой – найти общий язык, который сможет послужить взаимопониманию «жителей Вавилона», дабы еще раз предпринять строительство башни высотою до небес.

Это «я» воистину служит источником разделения, царящего во всем мире и, особым образом, внутри Церкви.

Бог требует такого единства среди людей, при котором *Он* мог бы быть главой: «...так и они да будут в Нас едино» (Ин 17:21). Божественное единство среди людей поэтому равносильно отслаиванию от человека как индивидуального, так и коллективного «я».

Эмоция – это самая обманчивая форма «я», потому что она ближе всего к духу. Меня ли обманывает моя эмоция или эмоция обманывает того, с кем я строю отношения, и это он из-за своего «я» хочет объединиться со мною – не это важно. Отказаться от своего «я» можно и для того, чтобы вознести другого на место Бога. В этом случае мое самоотречение будет не чем иным, как иллюзией, ибо я должен был первым делом совершить полное отречение от своего «я» и всех своих эмоций в присутствии Божиим – до того, как пытаться объединиться с другими. В соответствии с порядком вещей, которому учит Писание, я должен был бы возлюбить Бога «всем сердцем моим, и всею душою мою, и всем разумением моим», дабы быть способным полюбить других той объединяющей любовью, которая не может повредить ни мне, ни им.

Единство – это не эмоциональное подчинение, но, скорее, восхождение, свободное от личных чувств, восхождение, которое человек совершает не сам и не своими силами. Это, скорее, неотвратимое притяжение, нежели усилие, – встретиться в присутствии Божиим, а не просто в присутствии друг друга: «Никто не может придти ко Мне, если не привлечет его Отец, пославший Меня» (Ин 6:44).

Дорога к единству с Богом – это не улица с односторонним движением, в Боге и заканчивающаяся. На обратном пути она ведет назад к нашему ближнему, к пришельцу, к врагу и ко всему творению. Тот, кто соединяется с Богом, берет на себя ответственность разобраться, как ему обрести единство со всеми, и не знает отдыха до тех пор, пока это единство не будет осуществлено. Дорога, ведущая к Богу и от Него, обретается внутри человека.

Таким образом, если христианское единство не осуществлено в настоящее время, это (а) потому, что мы ищем его до того, как предали все сердце свое, всю душу свою и все разумение свое Богу, и (б) потому, что мы ищем его вне себя самих. Иными словами, мы пытаемся осуществить его как предмет дискуссий, а не изнутри самих себя.

Искать единства прежде, чем мы достигнем состояния полного предания сердца, души и разума Богу, – это вступать в зону или эмоционального конфликта, когда мы ищем единства для самих себя, или же интеллектуальной иллюзии, когда мы ищем единства ради единства – как крайней необходимости, которой требует логика веры. Давайте не забывать, что интеллект – это та сила, которую эмоция эксплуатирует, – пока мы не достигнем состояния полного предания себя Богу.

Искать единства за пределами себя самих значит скатываться к умственным построениям и спекуляциям. Интересная дискуссия всегда дает толчок к развитию противоположных точек зрения и неразрешимых противоречий: предмет рассматривают под разными углами, и каждый человек видит его со своей собственной перспективы, безусловно, единственно верной для него и, безусловно, не являющейся таковой для других.

Единство – это не предмет для какого бы то ни было теоретического изучения; единство – это изначально божественная сущность и, соответственно этому, истина. Но у божественной истины нет ни углов, «нет изменения и ни тени перемены» (Иак 1:17). Каждый видит ее в целокупности, в единой вспышке, ибо она проста. Невозможно узреть ее, не видя Бога или отдельно от Него, потому что видящий атрибуты Бога – с неизбежностью видит Бога: «Видевший Меня видел Отца» (Ин 14:9)¹. Господь сказал: «Я проведу пред тобою всю славу Мою» (Исх 33:19). Говорится, что Моисей видел Бога «лицом к лицу» (Исх 33:11), хотя он видел только славу Божию.

¹ Цитата, приведенная в этом контексте, подразумевает божественные качества Сына Божия в смиренном облике Сына Человеческого (Примечание из первого русского перевода).

Бог вселяется в сердце и являет Себя там – сердце² наполняется атрибутами Божества и воспринимает единство в его глубине и истинности.

Единство – одно из желаний Божиих, открытых нам Христом: «...так и они да будут в Нас едино» (Ин 17:21). Именно поэтому его следует искать и познавать внутри нас самих – если, конечно, Христос действительно пребывает внутри нашего сердца («верою вселиться Христу в сердца ваши» [Еф 3:17]).

Сегодня единство стало предметом поиска в каждой области – чтобы *подготовиться* к общему союзу с Богом. Это не что иное, как иллюзия: единство невозможно «временно» отделить от Бога, чтобы сделать средством достижения Бога. Единство станет живой реальностью, когда все будут в Боге.

Сейчас поиск единства ведется в соответствии с требованиями разума и в то же время он подвержен всякому взлету и падению эмоций, это своего рода «одухотворенная» научно-исследовательская деятельность. Однако единство – это не наука, оно не зависит от развития научного знания, основанного на различении правильного и неправильного, хорошего и плохого. Единство – это истина, а истина – вдохновляет, и вдохновение сначала поселяется в сердце, а лишь потом вступает в область понимания: «...не горело ли в нас сердце наше, когда Он говорил нам на дороге?»; «Тогда открылись у них глаза, и они узнали Его» (Лк 24:32, 31). Эта последовательность выявлена еще более четко в Послании к Евреям: «Вот завет, который завещаю им после тех дней, говорит Господь: вложу законы Мои в сердца их, и в мыслях их напишу их» (Евр 10:16).

Вдохновение никогда не пренебрегает разумом, но разуму всегда не хватает вдохновения. Мы не хотим пренебрегать поиском единства на интеллектуальном уровне, потому что разум отмечает

² В аскетическом и мистическом богословии христианского Востока (как и в Библии) «сердце» означает не просто вместилище эмоций и аффектов, но также и первичный центр человеческого существа, причем человек рассматривается как духовный субъект (*Примечание из английской версии*).

человеческие недостатки и затем выносит над ними суд. Такова его функция, и его сосредоточенность на анализе полезна лишь в незначительной степени³. Но единство – это наставление души, собирание всех ее сил воедино. Такова забота духа: дух прощает и милует, любит и соединяет.

Единство превосходит компетентность разума. Все, на что способен разум, – это понять его, когда оно уже достигнуто, но он не может заранее уловить, как именно оно будет достигнуто: «... не придет Царствие Божие приметным образом» (Лк 17:20).

Единство людей в том или ином городе на одном конце земли, затем в другом городе на другом конце земли – дело хорошее, поскольку в действительности это именно то, что по-настоящему подготавливает к Божественному присутствию, если оно основано на желании каждого воспринять Божественное присутствие, а не просто представляет собой собрание общины.

Если мы желаем подлинного единства, мы должны искать и постигать его в Боге, в Его присутствии, а не как некий теоретический предмет, отдельный от Бога, какую бы теологическую наружность он ни принимал.

В присутствии Божиим человеческое понимание встает в позицию «ответа» на Божественное присутствие, а не «запроса». Эта позиция ответа становится результатом более сильных, более интенсивных реакций в сердце – реакций, эхом отражающих вдохновение, которое всегда сопутствует Божественному присутствию.

Именно поэтому единство постигается внутри человека и распознается через Божественное присутствие и через обретение этого присутствия.

Единство без Божественного присутствия – это не больше чем идея, тема дискуссии или тщетное упование. Но в присутствии Бога единство становится реальным и видимым, преизобильным и животворящим, и многие живут им. Когда Христос пребывает посреди общины, переживающей конфликт, разногласия не могут

³ Точно так же, как «телесное упражнение мало полезно» (1 Тим 4:8) (Примечание из французской версии).

не стихнуть. Каждый из членов должен начать насыщать глаза и сердце свое подлинным единством, и готовить все свое существо к тому, чтобы принять единство и давать его.

Любой вопрос, касающийся единства на богословском уровне, который не находит разрешения, – это воистину исчерпывающее доказательство того, что Господь не присутствует посреди собрания. Отсутствие Господа с неизбежностью заставляет еще раз задуматься о цели объединения, методе его достижения и намерениях членов этого объединения.

Несомненно то, что стоит нам лишь сбросить с себя одежды своей индивидуальной и церковной самости – как на сознательном, так и на подсознательном уровне, – и единство непременно станет реальностью.

Невозможно самому избавить себя от «я» во всех его аспектах – традиционных, логических, канонических и сакральных – отдельно взятый человек не способен отрешиться от него, сколь велика ни была бы его способность к самоконтролю. Даже если бы он представлял свою собственную церковь, он все равно был бы неспособен отказаться от «я» этой церкви.

Но когда Господь подлинно и фактически присутствует, всякое существование «самости» уходит в небытие, и Христос становится «Я всего и всех».

Таким образом, соответственно, ни человек не сделает никаких уступок брату своему, ни церкви не пойдут ни на какие взаимные уступки, но все они всё предадут Богу, точно так же, как в конце времен все непременно должно быть покорено Ему: «Когда же все покорит Ему, тогда и Сам Сын покорится Покорившему все Ему, да будет Бог все во всем» (1 Кор 15:28).

Вопрос темы единства – это самым всепроникающим и решительным образом вопрос присутствия Божия. Именно посредством этого присутствия единство будет осуществлено на божественном уровне, и разделениям придет конец.

Один лишь Господь может соделать из обоих одно и разрушить стоящую посреди них преграду (ср. Еф 2:14).

У этого вопроса две стороны: единство и устранение противоречий, – на уровне двух заповедей: первой «возлюби Господа Бога твоего» и второй «возлюби ближнего твоего» (Мф 22:37-39). Человеческой логике хотелось бы сначала устраниТЬ противоречия, чтобы дать дорогу осуществлению единства, в то время как логика Божия, как она выражена в богоуспновенной второй главе Послания к Ефесянам, требует, чтобы сначала было осуществлено единство, которое даст возможность разрушения стоявшей посреди преграды.

Такова взаимная оппозиция, существующая в настоящее время в собраниях, посвященных христианскому единству. Настоятельная необходимость вынуждает нас еще раз обратить внимание на проблему единства, чтобы она могла существовать в соответствии с путями Божиими.

Единство, основанное на склонности к объединению на естественном уровне

Единство – это вливание одного в другое, дабы положить конец множеству. Поэтому во внешнем проявлении единство – это слабость, в то время как по существу своему – это неодолимая сила, такая же неделимая, как Бог.

«Объединение», с другой стороны, состоит в присоединении одного к другому, так, чтобы они могли составить множество. Поэтому во внешнем проявлении «объединение» – это движение к силе или превосходству, но по существу – это слабость, полная слабости, так как оно несет в себе содержание беспомощности и страха.

Существует опасность, что христианское единство может быть вызвано к существованию вследствие инстинкта стремления к естественному объединению, от кого бы он ни исходил: от слабого, жаждущего обрести силу, или от власть имущего, жаждущего усилить власть. В любом случае, это будет преследованием целей

жизни временной и это будет несовместимо с практикой христианской жизни: «...не бойтесь убивающих тело» (Лк 12:4).

Сила христианской жизни исходит не из множества и не из «объединения», но из единения с Богом: «Потому что Бог производит в вас и хотение и действие по Своему благоволению» (Флп 2:13).

Предложить христианское единство слабой церкви, не защищенной от несправедливости, гонений или бедности, значит подвергнуть ее опасному искушению, значит вызвать в ней подсознательное стремление сохранить «объединение», дабы быть готовой встретить терзающие ее угрозы. Впоследствии этой церкви будет чрезвычайно трудно провести разделительную черту в своем мышлении между божественным единством, которого требует Бог, и единством множества, которого требует инстинкт самосохранения. Вот почему всякое предложение христианского единства, обращенное к церкви, раздираемой враждебными факторами, для ее совести знаменует собой испытание, в тысячу раз более тяжкое, чем преследования, которым она уже подвергается.

Для этой церкви – сокрушенной гонениями – избрать христианское единство, действуя на основе свободного выбора, а не убегая от горькой реальности, означало бы явить просветленную способность к различению, трезвность, смирение и полное предание себя Богу. Более того, и этого всего недостаточно, если, прежде чем рассматривать возможность единства, она не достигла такого уровня приятия своей горестной реальности, что окрепла в решимости стоять до конца, даже до последнего вздоха последнего из своих верных членов.

Только на этом уровне жажда единства и его мотивы будут воистину брать исток в измерении божественной жизни этой церкви и нисходить к ней от Самого Бога через Его вдохновение, вместо того чтобы быть спровоцированными плачевными обстоятельствами, в которых находится церковь, или продиктованными инстинктивным противостоянием враждебным силам.

Для того, чтобы мы могли сохранить подлинный смысл «христианского единства» для слабых и гонимых церквей в их

пути сквозь историю и в их столкновениях с преходящими обстоятельствами, и для того, чтобы в них могло пробудиться божественное сознание, прежде всего им необходимо понять, что христианское единство – это состояние *божественной немои* по сравнению с миром – подобной той, что явил их Учитель, отвергшийся Своей безграницной силы, дабы быть распятым теми, кто хотел распять Его, и таким именно способом, каким они хотели сделать это.

Христос, желая открыть нам «силу Своей немои» – если можно так это описать, – привлек к ней внимание Своих учеников в самый момент Своего борения, хотя подвергался страшнейшим испытаниям на грани возможного для беззащитного человека: «Или думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов Ангелов?» (Мф 26:53). Что же помешало Господу прибегнуть к помощи такого эскорта? Быть распятым в окружении двенадцати легионов ангелов – возможно ли такое?

За спиной «эскорта» христианского единства таится человеческая опасность, которая угрожает его «немои», если можно так выразиться. Единство христианских церквей вводит в заблуждение большую совесть, понуждая верить, что его христианское состояние и сила в преходящем мире гарантированы, в то время как в действительности немои Церкви в мире преходящем – это ее самое ценное достояние, это ее сила и слава, потому что это «божественная немои». Или, как сказал апостол Павел, «немощное Божие сильнее человеков» (1 Кор 1:25).

Церковь, обладающая властью в мире преходящем, не может познать вкус распятия, которому ее подвергают, потому что невозможно быть распятым иначе, как в немои, подобно Владыке всех, Который был «распят в немои» (2 Кор 13:4).

Для церквей, наделенных могуществом временного характера или поддержкой властей века сего, перспектива христианского единства представляет собой искушение упасть в запутанный клубок эмоциональной экзальтации, примеряя на себя роль «освобо-

дителя», в точности, как это, может быть, делал Пилат, когда, сев на судилище, поставил перед собой Господа, закованного в цепи и облаченного в одежды посмехания, и говорил: «Мне ли не отвечаешь? Не знаешь ли, что я имею власть ... отпустить Тебя?» (Ин 19:10).

Схождение человека с креста никоим образом не доказывает, что он сын Божий. Тот, кто верит, что в его силах свести другого с креста, вне сомнения доказывает, что он не понимает «воли Отца». Немощь в мире преходящем делает крест неизбежным. Крест в нашей жизни – это основание; крест – это «сила Божия ко спасению...» (Рим 1:16), и Его «сила ... совершается в немощи» (2 Кор 12:9). По нашей свободной воле мы молимся о немощи, и мы переносим ее без страха, если она к нам приходит, потому что немощи всегда сопутствует благодать: «Довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи» (2 Кор 12:9).

Отказ от инстинкта «объединения» был испытан Господом перед распятием, и, как это бывало со всеми действиями Господа, – обоими способами: недобровольно и добровольно: «Тогда все ученики, оставив Его, бежали» (Мф 26:56); «...если Меня ищете, оставьте их, пусть идут» (Ин 18:8).

Господь создает пародию на силу, когда говорит Своим ученикам: «...у кого нет, продай одежду свою и купи меч» (Лк 22:36). Сила *обнажает* человека, срывая с него одежду силы Духа. Невозможно одновременно облечься во Христа и облечься в мир. Когда Петр решил носить меч и применить силу, он сбросил с себя одежды благодати и своим собственным языком отрекся от того самого Человека, Которого хотел защищать своим мечом.

Когда Петр извлек меч с намерением убить, Дух оставил его, а дьявол вошел и поразил его мечом отречения и святотатства. Так исполнилось слово Господне к нему: «...все, взявшие меч, мечом погибнут» (Мф 26:52). Господь подразумевал лишь духовную опасность, о которой Он уже сказал Петру: «Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя» (Лк 22:32).

Если христианское единство – в союзе с идеей силы в мире временном, если оно нужно только для того, чтобы обезопасить интересы слабых, или если оно просто кажется полезным в целях *оказать коллективное давление* на заблудших овец, оно мгновенно утрачивает свою божественную ценность. В этом случае оно не что иное, как набор «союзов», обреченных измельчать и исчезнуть, как всякое преходящее начинание в делах человеческих.

Мы жаждем и молимся, чтобы церкви обрели единство, божественное по внешности и по сути, – единство за пределами царства времени.

*Перевод с английского
Татьяны Прохоровой*

«...И ВЫ – ТЕЛО ХРИСТОВО»

Священник Владимир Лапшин

О ЕДИНСТВЕ

*«О мире всего мира,
благостоянии Святых Божиих Церквей
и соединении всех, Господу помолимся!»*

Прощение Великой ектенды

В начале каждого богослужения все православные христиане молятся «о соединении всех». При этом, как правило, каждый вкладывает в это прошение какой-то свой смысл, имея в виду что-то свое, если, конечно, вообще задумывается о смысле того, что происходит в храме. Не раз приходилось слышать или читать, что в этом прошении речь идет о единстве только «Святых Божиих Церквей», то есть о единстве только православных христиан. Другие считают, что православные и так едины в своей вере и жизни, поэтому, по их мнению, в данном прошении мы молимся о соединении всех церквей, всех христиан. Трети сужают смысл прошения до единства всех присутствующих на богослужении, до молитвы присутствующих «едиными устами и единым сердцем». Надо признать, что в каждом из этих суждений есть свой резон, каждое из них в какой-то степени оправдано. Но, если на это прошение посмотреть в контексте всего Нового Завета, то становится понятно, что здесь речь идет о чем-то другом, о чем-то гораздо большем.

Конечно, можно вспомнить, что накануне крестной смерти Иисус Христос молился о единстве Своих учеников, и сделать вывод, что Его волнуют отношения только внутри христианского мира, то есть единство Церкви Христовой. Однако нельзя игнорировать свидетельство Писания о том, что Иисус Христос «пришел не судить мир, но спасти мир» (Ин 12:47), да и вообще Бог «хочет, чтобы все люди спаслись» (1 Тим 2:4). Кто-то, может быть, попытается возразить, а причем здесь спасение. Мол, спасение спасением,

а единство здесь, в этом мире, это совсем другое. Но ведь конечная цель творения, а значит и спасения тоже, именно во всеединстве, в воссоединении «всех и вся». Именно для этого и пришел в мир Сын Божий. Апостол Павел совершенно прямо настаивает на этом. Он пишет: «Ибо Он есть мир наш, соделавший из обоих одно и разрушивший стоявшую посреди преграду, упразднив вражду Плотию Свою, а закон заповедей учением, дабы из двух создать в Себе Самом одного нового человека, устрояя мир, и в одном теле примирить обоих с Богом посредством креста, убив вражду на нем» (Еф 2:14-16). А чуть раньше он пишет, что Бог открыл «нам тайну Своей воли по Своему благоволению, которое Он прежде положил в Нем (то есть в Христе – *свящ. В. Л.*), в устройении полноты времен, дабы все небесное и земное соединить под главою Христом» (Еф 1:9-10). Примечательно и то, что во время Божественной Литургии мы совершаем Евхаристическое приношение со словами: «Твоя от Твоих Тебе приносяще о всех и за вся».

Одним словом, спасение как осуществление замысла Божьего о тварном мире заключается в «соединении всего небесного и земного под главою Христом». Во всей полноте, согласно вере Церкви, это достижимо только в конце времен, после Второго пришествия Сына Божьего, но начало этому должно быть положено уже «здесь и сейчас». И это начало было положено в Иисусе Христе, Господе нашем. Теперь продолжением осуществления замысла Божьего, его воплощением в этой жизни, в этом мире является Тело Христово, Его Церковь – Единая, Святая, Кафолическая и Апостольская. То есть стремление к единству всего тварного и нетварного, небесного и земного, всех людей на земле, независимо от их происхождения, цвета кожи, той или иной культурной или национальной принадлежности, заложено в самой природе Церкви Христовой. Это отражено и в исповедуемых в Символе Веры наименованиях Церкви – Единая и Кафолическая (в русском переводе – Соборная).

Естественно, если Церковь Христова задумана и создана Богом для всеединства, то есть для воссоединения всего «видимого и

невидимого», то это должна и может быть только единая и единственная Церковь. Конечно, это не предполагает полного единобразия в Церкви Христовой. Церковь потенциально включает в себя все множество человеческих народов, развивавшихся в течение тысячелетий в обособленности друг от друга и создавших множество непохожих друг на друга культур. И каждый народ, принимая христианство и вступая в Церковь Христову, привносит в нее свои индивидуальные особенности. Даже в апостольские времена в христианских общинах, зависевших от разных духовных центров, существовали разные традиции, обычаи, были различия во мнениях и подходах ко многим, и, порой, даже к очень важным, вопросам. И, тем не менее, все вместе они и каждая из них в отдельности представляли собой Единую Церковь Христову. Это единство определялось верой в Иисуса Христа как Сына Божьего и Спасителя мира и единством Духа Святого, пребывающего в поместных общинах (церквях) и направляющего их жизнь.

Слово «Кафолическая» можно переводить как «Вселенская», то есть распространяющаяся на все народы, стремящаяся сократить в себе все человечество. Отсюда, очевидно, русский перевод этого слова – Соборная. Это внешний или количественный аспект этого понятия. Но это слово может означать и – «пребывающая в Истине, живущая истинной жизнью». При этом Истина, Истина с большой буквы, не может быть частной, она универсальна, всеобща. И это вновь обращает нас к вселенскости и целостности, к единству Церкви. Гарантом пребывания в Истине является Дух Святой, о Котором Сам Иисус Христос сказал апостолам: «Когда же придет Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину». Это внутренний или качественный аспект слова «кафолическая». И, конечно же, между качественным и количественным аспектами этого понятия существует прямая связь, как между основанием и проявлением.

Одним словом, если какая-либо поместная церковь или община является подлинно кафолической, то есть пребывает в Истине, то это не может не проявляться во вне. Такая община или церковь обязательно будет стремиться к единству и братскому общению

с другими поместными церквами, а так же к тому, чтобы люди любой национальности, любой культурной принадлежности, исповедующие христианство и проживающие временно или постоянно в этом месте, то есть на ее территории, чувствовали себя в ней, как дома. И наоборот, если какая-либо поместная церковь, та или иная община стремится к обособлению, к замкнутости в своей, например, национальной или обрядовой идентичности, то это свидетельствует о том, что она погрешает против Истины, а значит, по сути, не является ни единой, ни кафолической.

Итак, задуманное Богом всеединство, начало которому было положено в Иисусе Христе, сегодня, «здесь и сейчас», является заданным Церкви, является ее призванием в этом мире. И это должно быть не только декларируемо, но и реально осуществляемо на всех уровнях, во всех областях церковной жизни. Одним словом, заданное Церкви Христовой всеединство должно начинаться с единства самой Церкви, с единства людей, называющих себя христианами. К сожалению, мы должны признать, что на сегодняшний день это далеко не так. Сегодня мы видим в этом мире последователей Иисуса Христа, разделенными на множество конфессий, и это разделение отягощено, как правило, многовековым и кровопролитным противостоянием. Но при этом важно понимать, что Церковь Христова была, есть и будет всегда единой и единственной. Церковь как Тело Христово не может разделиться. Разделилась не Церковь, разделились, перессорились церковные люди, забыв о заповеданной Богом взаимной любви. Это, как в притче «О блудном сыне», – старший брат отвергает младшего, не хочет признавать его братом, но для отца они оба его любимые дети, они его семья. И только отец вправе решать, кого он считает своим сыном, и кто принадлежит его семье. А от всех остальных членов своей семьи, в том числе и от старшего сына, он ждет мирного принятия друг друга. И, конечно же, христиане всех конфессий, если они действительно хотят быть христианами, если они хотят быть достойными своего Отца, должны приложить все свои силы, сделать все возможное для восстановления взаимного мира. Но для этого вначале надо осознать существующее разделение.

ние как трагедию, как взаимное предательство интересов Божьих, то есть осознать взаимную ответственность, а не вытаскивать на свет старые упреки и споры – «кто больше виноват, и кто первый начал».

С сожалением приходится признать, что сегодня люди, называющие себя христианами, как правило, не готовы к такому примирению, ведь для его достижения необходимо пойти на взаимные уступки, но это предполагает наличие взаимной любви и мужества, которых попросту нет. А многие просто и не хотят этого примирения. Они привыкли жить разделениями, ссорами и спорами, это их стихия, они себя в ней чувствуют, «как рыба в воде». Это хорошо видно по тому, что подлинно христианского мира нет и на внутренне конфессиональном уровне. Достаточно вспомнить о расколах, существующих практически во всех христианских конфессиях, и о непрекращающихся спорах из-за, так называемых, юрисдикций, ведущихся, например, между православными церквами. Взять хотя бы состояние отношений между православными христианами в США. Там можно насчитать чуть ли не десяток национальных юрисдикций притом, что уже сорок лет существует Православная Церковь Америки, готовая принять, собрать в себе всех православных граждан США любой национальности. И ведь многие считают такое положение единственным нормальным, забывая слова ап. Павла, что в христианстве «нет ни Еллина, ни Иudeя, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» (Кол 3:11).

Естественно, в Церкви Христовой могут и, наверное, должны сохраняться национальные особенности. Церковные люди должны бережно относиться к своим древним традициям. Но происходить это должно на уровне приходов или даже отдельных общин внутри прихода и так, чтобы это не разрушало ни единства поместной церкви, ни единства прихода. Как это может быть на практике, вопрос чисто технический. При наличии в приходе взаимной любви и стремления к миру все это легко осуществимо. Главное не превращать свою церковь в музей-заповедник или в национальное землячество. В этом случае церковь перестает быть Церковью Христовой.

Конечно, то, о чем мы сейчас говорим, имеет особое значение и смысл в регионах, населенных людьми, исповедующими христианство, но принадлежащими к разным народам и культурам. Однако проблемы часто возникают даже на уровне одного моннационального прихода. Ведь в приходе люди могут быть очень разными и по возрасту, и по образованию, да и по многим другим параметрам. Кого-то, может быть, привлекает византийская пышность, а кому-то больше по душе простота и понятность западного обряда. Кто-то очень любит знаменный распев, а кому-то больше нравятся современные гармонизации. Кто-то убежденный монархист, а другой симпатизирует демократам. Как тут быть?

В идеале, в подлинно кафолической Церкви, и эти все проблемы могли бы быть решены, и даже на уровне одного прихода. Ведь все эти симпатии или склонности должны быть вторичны в христианстве. Главное, чтобы в центре церковной жизни были Иисус Христос и Евангелие. Но на практике в больших городах люди мечутся из прихода в приход, подыскивая подходящий, кто-то идет к католикам, и не потому, что хорошо разбирается в тонкостях богословия или прирожденный «папист», а просто потому, что там «понятней», ну а кто-то и до баптистов дойдет. А как быть где-нибудь в глухи, где выбор не богат? Там либо становись, как все «по единому стандарту», установленному батюшкой («каков поп, таков и приход»), либо обходись без Церкви.

И все потому, что церковные люди перестали главное в Церкви Христовой почитать главным. Вместо стремления к единству вокруг Иисуса Христа, на первое место в церковной жизни вышли национальные или государственные интересы, те или иные политические и культурные симпатии. В настоящее время уполномоченные представители поместных православных церквей занимаются подготовкой Всеправославного Собора. Так вот, уровень обсуждаемых вопросов и результаты этих обсуждений заставляют думать, что наши поместные церкви сегодня озабочены не тем, как вместе со всеми христианами ответить на вызовы секуляризованного или исламизирующегося мира, а тем, кто из них «главнее». Это очень напоминает евангельские рассказы о том,

как Господь идет на крестную смерть, а окружающие Его ученики спорят, «кто из них должен почитаться большим» (Лк 22:24). Если так будет продолжаться и дальше, то вскоре может случиться, что и спорить будет не о чем, да и некому.

Так что же делать, есть ли выход? Конечно, есть, но потребуются время и усилия многих действительно верующих во Христа людей. А начинать, наверное, надо с переосмысления церковным народом, в том числе и священнослужителями, природы Церкви Христовой и ее призвания в этом мире. Для этого в свою очередь придется пересмотреть средневековое наследие Византии. Кого-то это может напугать, ведь многие церковные люди считают это наследие «святоотеческим». Но это не совсем так. Святые Отцы как раз прекрасно сознавали вселенскость, космичность христианства, а призвание Церкви видели в том, чтобы свидетельствовать о кончине этого мира и о пришествии Царства Божьего. И не благодаря святым отцам, а вопреки им, сегодня христианство воспринимается, в лучшем случае, как религия личного спасения, в худшем, как что-то, обеспечивающее успех и помогающее устроиться в этом мире. Ну а Церковь понимается либо как общественная организация, призванная заниматься нравственным воспитанием граждан того или иного государства и удовлетворением их религиозных потребностей, либо как часть культурного наследия того или иного народа.

Но Церковь Христова, призванная к всеединству, не может быть частью чего-то, она не может и не должна обслуживать интересы какого-либо государства или народа. Конечно, каждая отдельная поместная церковь может сотрудничать в определенных сферах жизни с государственными или общественными органами, способствовать сохранению культурного наследия народов, но не в этом ее призвание, не для этого она создана. Не для этого Бог стал человеком, пришел в этот мир и пролил Свою кровь. Призвание Церкви в том, чтобы явить всему миру и каждому человеку на земле любовь Божью и Его прощение, чтобы «проповедовать Евангелие всей твари» (Мк 16:15) и каждому ищущему этого дать возможность приобщиться к Богу уже здесь и сейчас.

Ну, а для этого Церковь сама уже здесь и сейчас должна этим жить, то есть жить любовью Божьей, Его прощением и доступной для этого мира полнотой общения с Ним. Однако для этого Церковь должна быть содружеством или семейством общин, евхаристических общин, состоящих из людей, ищущих единства и собирающихся вместе во имя Иисуса Христа, а не утопающей в бюрократии организацией, перегруженной не своими делами, и ищущей политического и экономического влияния в мире. На деле же мы видим, что, по словам Йозефа Ратцингера (папы Бенедикта XVI), «Церковь слишком занята собой, вместо того чтобы говорить о Христе».

И вновь встает вопрос, так что же делать? А делать надо очень многое, и чем раньше, тем лучше. Но самое главное – приоритетом должна стать евангелизация. Евангелизация детишек в приходских воскресных школах, евангелизация молодежи, евангелизация их родителей. Не навязывание той или иной субкультуры под видом ОПК¹ или чего-то другого, а именно евангелизация, собирание Церкви вокруг Иисуса Христа и Евангелия. И важно, чтобы те, кто должен и будет заниматься этой евангелизацией, пастыри и преподаватели, сами хотя бы пытались жить и строить свои отношения с окружающими по Евангелию, а не по понятиям этого мира.

Апрель 2011 г., Москва

¹ Основы православной культуры. – Прим. ред.

Священник Владимир Партала

Владимир Александрович Партала родился в 1959 году в г. Белец (Германия). С 1964 г. и по сей день живёт в Риге. Окончил Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина при Санкт-Петербургской Академии Художеств по специальности искусствовед и Рижскую Духовную семинарию. С 1992 г. священник Латвийской Православной Церкви МП. В настоящее время служит в церкви свв. апп. Петра и Павла в г. Юрмала (Кемери). Автор книг «Православный словарь» (2006) и сборника стихов «Нерукотворенное» (2006).

МЫ – РАЗНЫЕ?..

Единство есть соединение разных в целое. Ибо, если бы мы были не «отдельные» и не «разные», то не возникал бы и вопрос о единстве. И нас, таковых, может связать только любовь. Она притягивает нас друг к другу и в этом единении нам радостно. Радостно видеть *другого*, своей любовью оправдать его бытие и в его любви быть оправданным. Взаимопроникновение разного возможно лишь в Боге, как в источнике любви, благодаря которому и в котором мы имеем надежду на непреходящесть этого состояния, когда каждый идёт к своему Господу и приходит при этом и к *другому*. И приходим к Богу, чтобы уже не уходить и встречаем *другого*, чтобы не расставаться. И чувствовать блаженство от богообщения и утешаться от общения с *другим*.

Не было ли так во времена, когда поселил Творец Адама в раю?.. Он и сотворённая позже Ева, пребывали во всей полноте любви своего Творца, которую сейчас, может, повреждённому грехом человеку, и представить невозможно. Это была любовь между Творцом и человеком и между первыми людьми. Именно Божественная любовь, всепроникающая и всеобъемлющая, делала всё единым во всём.

«И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть; а от дерева познания добра и зла, не ешь от него; ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрёшь». (Быт 2:16-17). Почему запретное дерево или его запретный плод

названы «древом познания добра и зла»? После грехопадения, после вкушения запретного плода, всё изменилось: «...увидела жена, что древо хорошо для пищи [...] и взяла плодов его, и ела; и дала также мужу своему, и он ел. И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковные листья...» (Быт 3:6-7).

Что сделал грех? Разрушил единство любви. Всё распалось, разделилось: Бог и человек, Адам и Ева, люди и природа. *Каждый стал сам по себе, отдался от другого.*

Это и есть последствия вкушения от древа познания добра и зла. Вместо жизни в покое и согласии с Богом и творением, где было только добро, т.е. воля Бога, человек оказался в состоянии повреждённости этого добра настолько, что дальнейшие его действия могли быть либо добрыми, либо злыми, а совершая либо доброе, либо злое, он вкушал и последствия этого, либо доброе, либо злое, познавая тем самым, одно и другое через горький опыт. Жизнь превратилась в борьбу между добром и злом и в самом человеке, и в окружающем его мире. Жизнь превратилась в чередование вкушения плодов добра и зла от древа его. Так вкусили человек плод своеволия.

Почему же они устыдились своей наготы, узнав, «что наги»? Неужели раньше они не видели своей обнажённости? Видели. Но, пребывая в любви к Богу и друг к другу, они не отделяли себя один от другого. Адам и Ева были одним целым, а целое внутри себя наготы не стыдится, ибо не отделяет ничего от себя. Может ли человек стыдиться своей руки в силу разности её вида с ногой и поэтому прятать её и скрывать? Но после грехопадения они, потеряв целостность и единство, увидели, что они *разные*. Есть «я» и есть «ты». И мы не одинаковые, и поэтому стыдимся. И то, что у нас разное, как у мужчины и женщины, мы скроем. Спросите у любящих мужа и жены, стесняются ли они друг друга... Ибо любящие не отделяют себя один от другого. Каждый, стремясь жить по воле Бога, приобщается постепенно к источнику благости и появляется чувство Божественного присутствия в душе и в окружении. И когда единство с Богом становится целью и ценностью жизни, тогда другие становятся братьями и сёстрами. Для того, чтобы за одной трапезой вкушать от древа жизни.

Февраль 2011 г., Рига

Священник Антоний Лакирев

О ЦЕРКВИ, ЕДИНСТВЕ И СМЫСЛЕ СЛОВ ДАЛЕКОГО ПРОШЛОГО

Рассуждения о единстве Церкви, о том, что разделенность христиан является убедительным антисвидетельством, обвинения в адрес тех или иных противников единства для многих христиан стали тем, чем для людей светских являются разговоры о футболе: в чем все разбираются, никто ни с кем не согласен, и что остается для всех чисто теоретической проблемой. Строго говоря, все позиции хорошо известны, аргументация ясна и никого не убеждает, а главное – рассуждают о единстве Церкви одни, а практическое отношение к проблеме имеют совсем другие люди. А фоном для этой печальной картины является все большая раздробленность христиан, все возрастающая неспособность слышать друг друга и обличения, которым нет конца, обличения, происходящие больше от общей безрадостности, чем от желания решить проблему разделений. Быть может, нерешаемость этой проблемы свидетельствует о том, что сама проблема поставлена как-то не так? Попросту говоря, возможно ли определить конкретно, – что мы называем единством и чего именно это единство? И конечно, немаловажно время от времени задумываться над тем, что для единства Церкви могут сделать не «они» – те, с кем «мы» разделены или те, кто по должности отвечает за «межцерковные отношения», – а конкретные христиане. Что в практической плоскости означает разделение христиан, что оно означает для реальных христианских общин?

* * *

Итак, прежде чем говорить о единстве, обратим внимание на то, о единстве чего именно говорят христиане, то есть, на смысл понятия «Церковь». Конечно, существуют и классические опре-

деления, и интуитивное понимание – но насколько они соответствуют тому, что думали об этом христиане первых веков? При довольно быстром, совершившемся за четверть столетия с 30-го по конец 50-х гг. первого века, переходе христиан с арамейского на греческий язык¹ у христиан появляется термин ἐκκλησία, экклесия, в большинстве случаев переводимый ныне как «Церковь».

Для владевших греческим (и, надо полагать, знакомых с Септуагинтой) христиан из иудеев того времени у этого слова были два практически совпадающих значения. Во-первых, Септуагинта использует это слово для обозначения собрания как события, происходящего в определенное время, с определенной целью и включающее определенных людей². Нередко в LXX это слово используется для передачи еврейского *qahal*, именно когда речь идет о моменте собрания и о том, что происходит в то время, когда члены общества Израиева собраны вместе. Напротив, когда речь идет об обществе как таковом, используются другие термины (чаще всего – *συνάγωγή*, синагогэ). Экклесия в LXX не всегда обозначает богослужебное собрание, но скорее именно собрание как факт.

В грекоязычном мире, откуда, собственно, и был заимствован термин экклесия, его значение ко времени Нового Завета было вполне устоявшимся. Так называли собрание полноправных граждан полиса, чаще всего – законодательное. Здесь, как и в LXX (скорее, впрочем, в LXX, как и здесь), экклесия – не совокупность этих граждан, а их собрание как событие. Разница же заключается в том, что граждане существуют всегда – и называются чаще всего полисма, демос, фила, иногда – синагогэ. А собрание, экклесия, существует лишь в то время, когда его участники находятся вместе на площади, слушают ораторов, голосуют, принимают решения, распределяют литургии и т.д., – а когда граждане расходятся

¹ Невредно обратить внимание на скорость и, как кажется, бесконфликтность этого перехода с точки зрения многовековых дискуссий о переходе современных Церквей с мертвых на живые языки.

² См., например, Лев 8:4; Втор 9:10, 18:6, 31:30; Ис Нав 8:35; Суд 20:1-5, 21:8; 1 Цар 17:47; 2 Пар. 30:23; Пс 21:23, 106:32; Неем 5:7.

по домам, экклесия прекращается. Это, таким образом, временное и локальное понятие; полагать, что христиане применили его как самоназвание для своей общины по всей земле, было бы чрезмерным упрощением.

Когда христиане собраны вместе – они представляют собой экклесию, а порознь – нечто, аналогичное политевме, гражданству Небесного Иерусалима. «И вы – тело Христово, а порознь – члены», как выражается ап. Павел в 1 Кор 12:27; судя по самому выражению апостола, он именно различает то, чем являются христиане вместе и порознь аналогично тому, как весь грекоязычный мир различает экклесия и политевма. Призыв к единству («дабы не было разделения в теле»³, ср. также «не будем оставлять собрания своего»⁴), как и вся эта часть Послания (главы 11-14), явным образом относится именно к экклесии: внутри собрания надлежит быть единству между его участниками. Во что выливается собрание граждан, когда между ними царят раздоры, христиане первого столетия знали не понаслышке. На рубеже первого-второго веков такой же призыв к внутреннему единству экклесии звучит, например, в Послании к Магнезийцам свт. Игнатия Антиохийского и в Послании к Коринфянам свт. Климента Римского – список можно продолжить, так как внутреннее единство христианских общин было для той эпохи, как и ныне, актуальной проблемой.

Общины христиан по всему лицу обитаемого мира были связаны друг с другом разными способами; здесь и отношения «генетические» – одни общины были материнскими для других, и личные, через переезжающих с места на место христиан (кроме апостолов, путешествовавших с миссионерскими целями, были и другие причины перемены места жительства, как, например, в случае с Акилой и Прискилой). Появление письменных документов – записей о жизни и проповеди Господа Иисуса Христа и переписки между христианами – также влекло за собой более тесные контакты между общинами. Скорее всего, вопрос о существенных отношениях разных экклесий между собой не мог не

³ 1 Кор 12:25.

⁴ Евр 10:25.

возникнуть достаточно рано; сам факт апостольского собора 49 г. свидетельствует об этом. И здесь подсказываемые терминами аналогии должны были сыграть свою роль. Для обозначения всей совокупности христиан в первые столетия использовались разные термины: генос, род (как «род христиан» у Тацита), политевма (Флп 3:20), а также целый ряд других. Конечно, сама собой напрашивается аналогия с римским гражданством; скорее всего именно ее имеет в виду апостол Павел (Флп 3:20) - «гражданство [политевма] наше на небесах».

Здесь надо указать еще на один факт: ни в каком полисе древнего мира (как и в наши дни) – ни в Риме, ни в Афинах, ни в самом крохотном окраинном городке – политевма, вся совокупность граждан, никогда не собирались полностью, без изъятий и исключений. Конечно, в легендах о Риме времен Ромула, когда вся политевма насчитывала несколько сот человек, такое могло быть – но скорее все же только в легендах. На практике обходились где как: где-то действовал принцип кворума, требовавший наличия определенной доли граждан, а где-то экклесия включала всех, кто смог и счел нужным прийти, – и была правомочной. Особенно это было характерно для крупных полисов, где перечесть всех было просто нереально, и где демократия плавно перерождалась в олигархию (заметим вскользь, что идеи представительства, полномочного собрания представителей граждан древний мир не знал, – да не церковные ли соборы послужили и причиной ее рождения?). Коротко говоря, кто из политевмы собрался – тот и составил экклесию.

Особенно важные последствия это имело для римского гражданства, поскольку граждане города Рима (римская политевма, *civitas*) на протяжении нескольких столетий были рассеяны по всему Средиземноморью, и собрать всех римских граждан в единой экклесии было совершенно немыслимо. Правомочность экклесии, городских собраний (например, выборных комиций) в Риме вызывала по этой причине изрядные сомнения у многих мыслящих людей. «Он был выбран римской чернью»... «Он задержал солдат в лагере, где они не могли голосовать, и это принесло нужный результат»... «Он сделал перед выборами большие раздачи на-

роду»... – произведения римских историков пестрят подобными указаниями. Этими средствами пользовались и Марий, и Катилина, и Цезарь, и Помпей, и Август, и многие до и после них – такие вот политтехнологии по-древнеримски. А к концу столетия, после Калигулы и Нерона, армия вообще предпочитала провозглашать императора сама, не полагаясь на склочные, подкупленные хлебом и зрелищами комиции. Правомочность же полисного собрания, экклесии, определялась скорее местом его проведения и правильностью созыва (в частности, правильностью созывающих лиц), чем составом.

По аналогии (а возможно, путем прямого заимствования смыслов термина вместе с самим термином) собрание христиан в христианской экклесии по своей правомочности (насколько вообще можно говорить о правомочности в данном случае), скажем – по своей полноценности, – в меньшей степени зависит от состава, чем от других факторов. Ключевыми здесь следует назвать, вероятно, три главных фактора, и все они найдут свои аналогии в общегражданской практике древнего мира. Во-первых, принадлежность собравшихся к политеизму: в случае христиан это определяется верой, которая выражается в исповедании Иисуса Господом и крещении. Во-вторых, цель собрания: *ἐπὶ τὸ αὐτὸ*, с единой целью, как выражается ев. Лука (Деян 2:44)⁵, и цель эта, как полагают историки Церкви, – Таинство Евхаристии⁶. Кстати заметим, что и обычная полисная экклесия не должна была созываться просто так, чтобы поговорить (даже если, как и в случае христиан, она собиралась с определенной регулярностью). В-третьих, экклесия христиан тоже созывалась неким правильным образом, а именно – вокруг Господа Иисуса Христа и ради Его таинства. Это основное свойство «правильности» собрания – христоцентричность, как мы бы теперь сказали – должно было отражаться в более простых признаках, относящихся к порядку его созыва и проведения («*κατὰ τάξιν γινέσθω*», все должно быть по порядку – 1 Кор 14:40). Как во всякой коллегии, объединении людей

⁵ В Синодальном переводе: «вместе».

⁶ См., напр. Афанасьев Н., прот. Церковь Духа Святого.

(по религии, по профессии, «по интересам» или погребальной), в коллегии христиан, со второй половины 1-го века⁷ чаще всего позиционировавшей себя именно как погребальная – быть религиозной коллегией адепты *religia illicita*, запрещенного культа, конечно, не могли, – так вот, во всякой коллегии должен был быть ответственный человек. Название этой должности можно было бы перевести как «надзиратель» или «смотрящий» – но у этих слов неустранимы неуместные коннотации; может быть, следовало бы сказать «наблюдатель» или «блеститель», но традиция отказалась от перевода слова ἐπίσκοπος, епископ – независимо, идет ли речь о главах христианских общин или наместниках полиса в подчиненных поселениях.

Указанные аналогии сближают структуру общин христиан первых веков скорее с гражданским устройством, чем с религиозными коллегиями или иными «культовыми» организациями. Было ли это так по чистой случайности, или следует усмотреть в этом осознанное желание дистанцироваться от религий как феномена? Прямых оснований отвечать на этот вопрос у нас нет, но второе представляется, по меньшей мере, столь же вероятным, особенно если учесть, что Царство Бога представлялось не как заоблачные выси, где души умерших уплетают нектар и амброзию – это образ, заимствованный из олимпийской мифологии! – а как сфера полновластия Бога в жизни учеников Иисуса, чающих в Нем воскресения мертвых. С этим же, вероятно, следует соотнести применение к Господу Иисусу термина κύριος: его (и латинского *dominus*) значение «повелитель, владыка, господин» уже в первом столетии резервируется для именования императора, так что применение его к кому бы то ни было еще – в частности, к Распятому – уже изрядно похоже на государственную измену.

Описанное поле смысла понятия экклесия следует дополнить еще одной, тоже довольно очевидной, деталью. Экклесия в данном полисе, совершающаяся в данное время, не нуждалась в соотнесе-

⁷ Во всяком случае, не позже середины восьмидесятых годов, когда в синагогальном богослужении появляются проклятия против «еретиков»-назарян.

нии с другими такими же экклесиями в других полисах и в другое время. Вот, если взять пример из представительной, а не античной демократии – как заседание городского совета города М сегодня не определяется его соотношением с заседанием городского совета города П, состоявшимся вчера. Таким образом, в понимании христиан первых столетий экклесия должна была быть локальным событием, самодостаточным в своей христоцентричности и не определяющимся взаимосвязями с аналогичными событиями в других местах и в другое время, и когда Новый Завет говорит о единстве, всегда речь идет о внутреннем единстве участников любой экклесии перед Христом. История христиан первых веков, насколько можно судить, не свидетельствует о частых попытках осмыслиения проблемы соотношения одной экклесии с другой, а там, где эта проблема все же присутствует, ее решения покажутся нам довольно неожиданными.

Вот, к примеру, в Антиохии возникает некое нестроение, и христиане отправляют в Иерусалим Варнаву и Павла. Христиане Иерусалима, среди которых немало ревнителей закона, выслушав Петра и Павла, пишут в Антиохию, предлагая христианам этого города соблюдать иные (более краткие и простые) требования, чем те, что приняты среди христиан Иерусалима. А ведь дело касается, в том числе, обрезания – речь, таким образом, идет о довольно серьезных вопросах, как мы бы теперь сказали, вероучительных. Но христиане Иерусалима не ожидают здесь от христиан Антиохии одинаковости, единообразия, не говорят: если вы будете делать не так, как мы, то вы – плохие. И обосновывают они свое мнение знаменитыми словами «Изволилось Духу Святому и нам...», и на первом месте здесь Дух Святой, а не другая, пусть и первенствующая экклесия и не абстрактный принцип единообразной ортодоксии.

А вот апостол Павел ищет способ связать между собой разные христианские общины, потому что он убежден в существенном единстве общин: «Итак вы уже не чужие и не пришельцы, но со-граждане святым и своим Богу, быв утверждены на основании Апостолов и пророков, имея Самого Иисуса Христа краеугольным

камнем» (Еф 2:20); обратим внимание на слово *συμπολῖται*, со-граждане. В разных письмах Павла можно найти слова, обрисовывающие круг его мыслей на эту тему. Например: «Когда это послание прочитано будет у вас, то распорядитесь, чтобы оно было прочитано и в Лаодикийской церкви; а то, которое из Лаодикии, прочитайте и вы» (Кол 4:16). А еще: «...перед лицом церквей дайте им доказательство любви вашей и того, что мы справедливо хвалимся вами» (2 Кор 8:24) – это о затеянном Павлом собре пожертвований для голодающих христиан в Палестине. Общим здесь можно назвать отсутствие идеи организационного единства; речь идет о соединяющей во Христе любви.

А вот, уже в следующем поколении, свт. Климент Римский пишет пространное увещевание к измученной раздорами Коринфской общине от лица Римской общины, вошедшее в историю как Первое послание Клиmenta Римского к Коринфянам. И свт. Климент именно увещевает; приводя множество примеров, он говорит: «Обратим внимание на кровь Христа...» (7:4) и призывает к покаянию, примирению и послушанию отпавших... римскому епископу? Нет, пресвитерам Коринфской общины.

А еще полустолетием позже (около 155 г.) в Рим к папе Аникиту приезжает свт. Поликарп Смирнский, и, помимо прочего, два святителя пытаются договориться о дате празднования Пасхи. И что же? Согласия не было найдено, в Малой Азии и в Риме продолжали праздновать Пасху по-разному, но оба епископа расстаются в мире и согласии! В частности, они, несомненно, совершили Таинство и причащались вместе – оставаясь в разномыслии по столь важному вопросу.

Лишь позднее локальные общины формируют некоторое организационное единство, отчасти на основании генетических связей с центральной общиной – Иерусалимской Церковью-Матерью, а главным образом, по аналогии с гражданским устройством страны.

Наконец, важно взглянуть на картину с точки зрения не только общин, но и каждого отдельного христианина. Одной из важнейших задач полисного гражданства (и в первую очередь, полисной экклесии) было распределение общественных повинностей. Речь

идет о необходимых для гражданства, но не всегда желанных и легких для гражданина обязанностях. В первую очередь, это было само участие в экклесии – кое-где за уклонение от него были предусмотрены и наказания. Кроме того, в число этих повинностей входили военная служба и командование отрядами и кораблями (и снаряжение за свой счет таких кораблей – в Афинах), хорея (содержание хора для празднества), руководство гимнасием и забота о нем за свой счет, устройство пиров для членов своей филы (в Афинах), священные посольства (напр., в Дельфы); в римских городах – должность эдила и наблюдение за постройкой дорог и водопроводов, руководство пожарными командами (не всегда и не везде существовавшими), предоплата налогов за малоимущих... Все эти повинности назывались *λειτουργία*, литургия. И именно этот термин христиане первого столетия использовали для обозначения своего участия в том, что они же называли экклесией.

Обратим внимание, что в языке того времени это именно повинность, обязательная для всех (кому выпадет тот или иной вид ее, конечно). Уклонение от участия в литургии для того времени было вещью не столь уж редкой, но недостойной – как недостойным считалось и участие в экклесии без должного усердия. Быть может, именно это имеет в виду ап. Павел в 1 Кор 11:29 («кто ест и пьет недостойно»), а вовсе не то, что кто-то недостаточно очистился физически или духовно – по крайней мере, об этом заставляет задуматься то, как употреблялось слово литургия в те времена. Надо полагать, потому и называли христиане свое общее дело литургией, что рассматривали участие в ней как обязанность и как необходимое выражение внутреннего единства Церкви.

Наконец, обратим внимание на сформировавшийся уже в первые столетия и закрепленный позже в каноническом праве принцип «один город – одна церковь – один епископ – одна Евхаристия». Чаще всего христианские общины были весьма малочисленны и собираться в одном помещении для них не составляло больших затруднений. Там, где это уже становилось невозможным (как, например, в Риме второго столетия), какое-то время существовал обычай совершать Таинство в одном месте и разносить

Тело и Кровь Христовы в другие места, где собравшиеся молились в ожидании Причащения. Эта практика не утвердилась в Церкви; вместо нее установился обычай совершать Евхаристию во многих собраниях единой городской общины, возглавляемой одним епископом, делегировавшим обязанность совершения таинства пресвитерам. Так произошла важная перемена в сознании, положившая начало иерархическому принципу организации общин. Факт, вообще говоря, не подлежит пересмотру, но важно, что лишь здесь возникает проблема именно организационного единства Церкви.

В древности же принцип «один город – одна церковь – один епископ – одна Евхаристия» означал также, что христианин, перееезжающий из одного города в другой, где также была христианская экклесия, присоединялся к последней и участвовал в ней. Как гражданин полиса, вернувшийся из дальних странствий, как римский гражданин, переехавший в Рим, присоединялся к местной экклесии, так поступали и христиане. Попытка учредить в другом месте свою отдельную экклесию со своими, вывезенными с родины обычаями, была бы при этом воспринята как вопиющая нелепость и предательство принципа внутреннего единства христиан. В современном мире христиане поступают ровно наоборот – и предоставим читателю самому решать, что лучше.

Неверно было бы утверждать, что организационная структура католической Церкви (единство и соподчинение общин и их иерархов) первых столетий вообще не имела значения – нет, конечно. Но все же в первую очередь раннехристианская традиция ценит внутреннее единство конкретной локальной (мы бы теперь сказали – поместной) экклесии, потому что именно здесь совершается Трапеза Господня, – а структура является лишь исторически обусловленным, переменчивым следствием внутреннего единства Церкви. Практический вывод напрашивается сам собой: единство Церкви реализуется единством христиан в Евхаристии, там, где она совершается – здесь и сейчас.

Протоиерей Олег Батов

Батов Олег Анатольевич, родился в 1969 году в Москве. Окончил Московский инженерно-физический и Свято-Тихоновский Православный богословский институты. В 1999 году рукоположен в сан священника и направлен на приходское служение в Цюрих. С 2010 года служит в храме Успения Пресвятой Богородицы на Успенском вражске в Москве.

«ВРАЖДА БУДЕТ ПОБЕЖДЕНА»

Можно прожить всю жизнь, пребывая в ограде Православной Церкви и не задумываясь о проблемах межконфессиональных отношений. Если же хоть раз нам довелось встретиться с человеком, с которым мы чувствуем и духовное родство и душевную близость, но не можем причащаться из одной Чаши, разделение христианского мира отзыается болью в сердце, и хочется сделать хоть что-то для его преодоления. Отдавая себе отчет в уточченности проектов объединения христиан на путях мира сего, все-таки попытаюсь внести свою малую лепту в копилку христианского единства, напомнив о малоизвестных страницах нашей общей истории. Совершенно очевидно, что к единому наследию христиан Востока и Запада относится опыт жизни святых первого тысячелетия. Вряд ли скоро что-то изменится за свечными ящиками православных храмов где-то в российской глубинке, и имена Патрика и Галла, Верены и Женевьевы не будут вызывать сомнения в их православности. Еще труднее представить себе молебен мученикам Феликсу, Регуле и Экзуперанию в российском храме. Тем не менее, важно хотя бы знать, что он не менее каноничен, чем молебен мученикам Гурию, Самону и Авиву.

На древность традиции включения в месяцеслов «латинских памятей» указывает в статье «Древние западные святые в русском

православном месяцеслове» Илья Семененко-Басин¹. Он отмечает, что древнерусские месяцесловы XI–XII веков содержат 38 латинских памятей, а пополнение русских месяцесловов происходило помимо греческой традиции, при прямом контакте с западным христианством. В XVII веке святитель Димитрий Ростовский в свои Четьи-Минеи включил еще 31 имя, опираясь на изданные к тому времени *Acta sanctorum*.

В XX веке почитание святых неразделенной Церкви, просиявших в Западной Европе и еще не включенных в месяцесловы, началось перед Второй мировой войной в «русском Париже»², а после войны было закреплено в соборных документах Зарубежной Церкви, благодаря трудам и настойчивости святителя Иоанна Шанхайского. В Англии ревнителем почитания святых Британских островов был владыка Антоний (Блум). В 1978 году он установил епархиальное празднование Собора всех святых Британских островов, а в 2007 году решением Священного Синода оно стало общечерковным.

Мне довелось десять лет нести приходское служение в Цюрихе. Там я узнал о том, что в местных русских православных храмах обеих юрисдикций уже не одно десятилетие почитаются святые, просиявшие в тех местах. Архиепископ Серафим (Родионов), викарий митрополита Сурожского Антония, Патриаршего Экзарха Западной Европы, написал несколько икон святых покровителей Цюриха, а епископ Амвросий (Кантакузен), возглавлявший Женевскую и Западноевропейскую епархию РПЦЗ, составил службу Всем святым, в земле Гельветийстей просиявшим. Серьезная работа по составлению жизнеописаний швейцарских святых для православного синаксаря только начинается, я же хочу предложить здесь лишь краткий ознакомительный очерк о важнейших из этих святых.

¹ Семененко-Басин И. Древние западные святые в русском православном месяцеслове // Страницы: Богословие. Культура. Образование. 2001 г. Т. 6. Вып. 4. С. 585–590.

² Вслед за И. Семененко-Басиным выражение «русский Париж» используется для обозначения послереволюционных эмигрантов всех юрисдикций, так как почитание западных святых было общим для всех.

В Символе веры мы исповедуем веру в «единую, святую, соборную и апостольскую Церковь». Может быть, именно слова Символа веры об апостольской Церкви, заставляют христиан каждой страны искать доказательства происхождения своей Церкви непосредственно от апостолов. Иногда натяжки в подобных преданиях достаточно очевидны. Так, в Швейцарии первым просветителем язычников очень долго называли святого Беата, которого, согласно преданию, рукоположил сам апостол Петр. Однако современные историко-критические исследования говорят, что, по-видимому, святой Беат был одним из спутников святого Колумбана, а позднее его житие сплелось с житием другого, более древнего, святого. Тем не менее, христиане жили на территории нынешней Швейцарии уже в раннехристианскую эпоху, о чем упоминает святой Ириней Лионский, просто мы их не знаем по именам. Первые святые, о которых нам достоверно известно – это мученик Маврикий и его сподвижники. В нашем календаре есть его имя, и если мы и не встречали среди своих знакомых людей, носящих это имя, то представители старшего поколения помнят эстрадный дуэт Авдотьи Никитичны и Вероники Маврикиевны. Даже в России изредка называли детей именем этого человека, пострадавшего в конце III-го века в городе Римской империи Агапууме, который сегодня носит его имя – Сен-Морис и находится во франкоязычной части Швейцарии. Знаменитый горнолыжный курорт Санкт-Мориц также назван в честь этого святого, хотя и не имеет к нему непосредственного отношения.

Святой Маврикий возглавлял легион римской армии из египетской провинции Фиваида, где жило в то время уже много христиан. Все воины легиона святого Маврикия, как и он сам, были христианами. Их служба римскому императору была лояльной до тех пор, пока они не встали перед необходимостью убивать христиан. Святой Маврикий отказался выполнять приказ и прямо исповедовал свою веру: «Хотя, император, мы – твои солдаты, в то же время мы открыто исповедуем, что служим Богу. Тебе принадлежит наша смелость на войне, Ему – наша непорочная жизнь. Ты даешь нам денежное довольствие для удовлетворения потреб-

ностей, Он подарил нам самое начало нашей жизни. Даже по приказу императора мы не отречемся от нашего Бога и Создателя, который создал также и тебя, нравится тебе это или нет. Так не принуждай же нас оскорбить Его жестоким кровавым злодеянием, и мы будем дальше верно служить тебе, как и до сих пор. В противном случае мы предпочтаем повиноваться более Ему, нежели тебе. Против любого врага мы будем сражаться за тебя, но не запятнаем себя кровью невинных. Наша десница будет поднята против безбожников и врагов, но не будет низлагать благочестивых сограждан. Мы поднимаем оружие за наших сограждан, но не против них. Мы служили верно. Но как можешь ты быть уверен в нашей верности тебе, если мы нарушим нашу верность Богу? Прежде всего мы присягнули Богу и только потом – военачальнику. Ты не можешь доверять нашей второй клятве, если мы нарушим первую»³. Все легионеры были с ним единодушины, их не устрашило даже то, что сначала был казнен каждый десятый, а остальным был предложен выбор. Они снова подтвердили свое решение, и все были обезглавлены. Из примерно 6000 легионеров мы знаем лишь несколько имен. В Агаунуме вместе с Мавриkiem были казнены офицеры Кандид и Экзуперий. Урса и Виктора смерть настигла немного позднее в районе нынешнего

*Мученики Урс и Виктор
Современная икона
из собора г. Золотурна*

³ Louis Dupraz. *Les passions de st Maurice d’Agaune: Essai sur l’historicité de la tradition et contribution à l’étude de l’armée pré-Dioclétienne (260–286) et des canonisations tardives de la fin du IVe siècle*. Fribourg, 1961. Appendix I. – *Пер. авт.*

Мученики Феликс, Регула и Экзуперанций.

Современная коптская икона

Верене, которая последовала за своим женихом – Виктором, казненным в Золотурне. После гибели жениха Верена поселилась в пещере недалеко от места его казни. Зарабатывала на хлеб руко-делием и ухаживала за больными. Из своего убежища она вынуждена была уйти после того, как распространилась слава о ее чудотворениях. Святая переселилась более чем за 100 километров, в Тенедо (сегодня Цурцах), где жила при доме приходского священника, выполняя работу по дому и ежедневно навещая за городскими стенами прокаженных, которым омывала раны. Там она прожила до глубокой старости, там же скончалась и была похоронена.

Через два столетия в Агаунуме на месте гибели фивейских мучеников был основан монастырь в честь святого Маврикия. Ныне это один из очень немногих древнейших монастырей мира, в котором никогда не прекращалась молитвенная жизнь и почитание мучеников. Причем сегодня монахи чтут память не только древ-

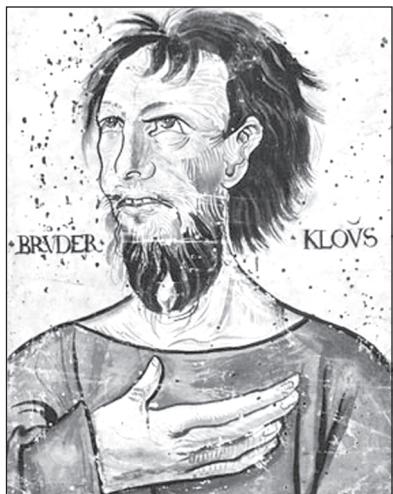
города Золотурн, где они по сей день особо почитаются. Феликс, которого сопровождала сестра Регула и слуга Экзуперанций, был отправлен к таможенному посту Турикум (сегодня Цюрих). Там гонение на фивейских легионеров настигло их через несколько лет, в 305 году, за 8 лет до Миланского эдикта. Предание об их мученичестве говорит, что во время казни они не умерли сразу по отсечении голов, но взяли их в руки и прошли несколько метров. До сих пор они так и изображаются даже на официальных документах Цюриха с головами в руках.

В связи с фивейским легионом необходимо упомянуть о святой

них, но и современных мучеников. В 1998 году был обновлен портал древней базилики. На его дверях начертаны имена мучеников многих стран мира на их языках, в том числе и на русском.

Устроение монастыря в Сен-Морисе приходится на новый период расцвета швейцарской святости и связан он с монашеским подвижничеством. Малонаселенные Юрские горы привлекли ищущих молитвенного уединения братьев Романа и Лупукина. Вдохновленные примером восточных отцов-пустынников, они поселились в труднодоступных местах, и, как это часто бывало, пример их жизни привлек к ним учеников. Возник феномен «галльской Фиваиды» по выражению исследователя их жизни о. Серафима (Роуза). Святыми братьями было основано четыре или пять монастырей. При том, что братья выросли в одном доме и вместе начали подвизаться, характеры их были противоположны. Лупукин отличался строгостью и взыскательностью не только к себе, но и к другим, Роман же – мягкостью и простотой. Это подчеркивает следующий случай. В одном из монастырей пища монахов показалась Лупукину слишком изысканной. Он велел смешать все блюда в одном котле и есть. Двенадцать монахов возмутились этим приказом и ушли. Лупукин был рад, что «очистил пшеницу амбара Господня от соломы», а Роман побежал разыскивать их, собрал их и основал для них новый монастырь. Святостью жизни прославился и один из учеников преподобных братьев Евгенд, с детства не покидавший основанного ими монастыря.

После окончательного падения Западной Римской Империи варварская Европа оказалась перед необходимостью новой христианизации. На этот вызов ответил ирландский монах Колумбан, который с двенадцатью спутниками в 587 году высадился на континент. В районе Боденского озера один из спутников святого Колумбана по имени Галл заболел и не смог продолжать путь в Италию. Поселившись в лесу, он построил себе келью, как говорит предание, при помощи исцеленного им медведя. К отшельнику стали стекаться окрестные жители. Сначала возник монастырь, а потом и город, носящий имя святого – Санкт-Галлен. Два других

Брат Клаус.
Темпера, 1500 г.

местных жителей, воспитанник известного монастыря Райхенау. В открытую для всех лесную келью святого Майнрада однажды забрели два разбойника, которые и убили его. Разбойников выдали два ворона, с которыми дружил Майнрад, а на месте его кельи вырос огромный бенедиктинский монастырь.

Рассказ о швейцарских святых был бы неполным, если не упомянуть о святом Николае из Флюэ (для меня привычнее звучит «брать Клаус» – так называли его при жизни и называют в немецкоязычной Швейцарии сейчас). Хотя он жил в XV веке, уже после разделения Церквей, обойти вниманием его уникальный жизненный и молитвенный опыт совершенно невозможно. Его называют просто братом, поскольку он никогда не был ни пострижен в монахи, ни посвящен в сан. До 50 лет вел жизнь добродорядочного крестьянина в горной деревушке, которого уважали сограждане и не раз выбирали на должность судьи. Был женат и воспитал десятерых детей. Когда же дети выросли, он с согласия жены осуществил то, что давно ощущал своим призванием – отправился в паломничество искать близости к Богу. Но Промысел

спутника святого Колумбана также остались в Гельвеции – Сигисберт, основавший монастырь в Дисентисе, в горах у истоков Рейна, и Беат, поселившийся в пещере на берегу Тунского озера.

В IX-м веке еще один ирландский монах – Финтан, совершивший паломничество в Рим, из-за болезни остался на острове Райнау посреди Рейна около Шаффхаузена, и вокруг него выросло монашеское братство. В это же время в «мрачном лесу» недалеко от озера Зиль подвизался

другой преподобный, уже из

сразу вернул его в родные места, путь к Богу брата Клауса оказался не внешним, а внутренним. 20 лет он вел отшельническую жизнь недалеко от своей деревни, лишь однажды покинув свой скит. Когда Швейцария стояла на пороге междоусобной войны, его появление в парламенте примирило враждующие стороны. Брата Клауса часто называют «святым мира», в одном из писем к парламенту он писал: «Мир всегда в Боге, потому что Бог есть мир. Мир никогда не может быть уничтожен, вражда же будет побеждена»⁴.

Его стремление к миру остается действенным и сегодня. В Швейцарии его почитают не только католики, но и реформаты. Известный протестантский теолог Карл Барт в 1947 году сказал: «Несмотря на то, что мы принципиально отрицаем канонизацию, брат Клаус остается и нашим святым». А благодаря Сергею Сергеевичу Аверинцеву его молитва стала любима и многими православными:

FRÈRE NICOLAS

Истово поклонился жене, плечистых оглядел сыновей
И распрошался навсегда с укромным теплом жизни своей,
Ради холода крутизны, где поток застывает и не бежит,
Где все доступное оку – смерть, и лишь молитва живет и живит;
Он ушел, чтобы отыскать такие слова в своей уму непостижимой
борьбе:
«Господи, отними меня у меня – и предай меня всецело Тебе!»

⁴ Robert Durrer (Hrsg.): *Bruder Klaus. Die ältesten Quellen über den seligen Niklaus von Flüe, sein Leben und seinen Einfluss*. Regierungsdruckerei, Sarnen, 1981. S. 209. – *Пер. авт.*

Не за каждую ли из старых молитв таковая уплачена цена?
А для нас, увы, низина милей, нежели белизна и крутизна;
И все же какие мы ни есть, – в час, когда до дна обнажается ложь
И становится от своей же пустоты пустой душе невтерпеж,
Тот, кто раздвоения не знал, и нас научает, как сказать в себе:
«Господи, отними меня у меня – и предай меня всецело Тебе!»⁵

Апрель 2011 г., Москва

⁵ Приводится по изданию Аверинцев С. Стихи духовные. Киев: Дух і Літера. 2003 г. С. 133–134.

Священник Георгий Чистяков

МЕСТО ДЛЯ ВСТРЕЧИ¹

Начну с двух примеров. Французский священник, оказавшись в православном храме, вскоре после революции 1917 года, когда во Франции появилось много русских, и, увидев, как причащают младенцев, был этим поражен. Он рассказывал, что дети, которых родители подносили к чаше, улыбались радостно и каким-то особым образом. «Ничего подобного и столь поразительно близкого к истине Евангелия я не видел никогда прежде. Только тогда я понял, что значат слова “оставите детей и не возбраняйте им прийти ко Мне: таковых бо есть Царство небесное”», – говорил он через много лет, рассказывая о своих впечатлениях 20-х годов.

И наоборот. Митрополит Леонид (Поляков), старый русский архиерей, оказавшийся в Латвии, где он был епископом в последние годы своей жизни, не раз упоминал о том, до какой степени его поражает первое причастие у католиков. Здесь можно говорить о психологически и духовно здоровом изумлении, которое вызывают какие-то моменты в жизни друг друга. Причащение младенцев исключает первое причастие и наоборот, но литургическая практика другого, тем не менее, не отвергается ни той, ни другой стороной, а воспринимается как нечто, содержащее несомненно ценный, хотя и невозможный для нас опыт.

Православие на Западе раньше всего заявило о себе как

1) Чисто этническая церковь (Сербская, Греческая, Болгарская, в меньшей степени, Русская). Такие приходы представляли, а зачастую и теперь представляют для окружающих чисто этнографический интерес и воспринимаются как религиозная экзотика. Для самих прихожан они жизнеспособны, но не всегда. Часто для иммигрантов во втором и особенно третьем поколениях они пре-

¹ Доклад отца Георгия Чистякова на конференции «Православие и Европа», Мюнster, 27–31 октября 1999 г.

вращаются в своего рода национальный клуб. Влияния на религиозную жизнь местного населения они не оказывают никакого. Надо констатировать тот факт, что именно такой была всегда (за исключением достаточно короткого периода) и Католическая Церковь в России. Это были чисто польские храмы (их так и называли «костёлы», используя польское слово, которым, разумеется, нелепо называть католический храм, если он не польский). Тем более, что на польском языке любая церковь, в том числе и православная, именуется «костёлом». В Поволжье (Саратов, Самара и др.) были, разумеется, и немецкие приходы (как и в Москве – католический храм Петра и Павла), но, опять-таки, чисто этнические.

Переход в такую общину из распространенных в данной стране конфессий имеет место крайне редко, а влияние их на жизнь в стране не выходит за пределы проблем, связанных с жизнью той национальной группы, которой данный храм принадлежит. Примерно такова судьба практически всех армянских храмов (по всему миру). Во всяком случае, именно так было до покойного католикоса патриарха Гарегина II, скончавшегося в начале этого лета. Гарегин, прекрасно говоривший по-французски, в отличие от своих предшественников был готов просто рассказывать о вере Армянской Церкви и об опыте жизни во Христе христиан Армении и, главным образом, диаспоры. Книга бесед с Гарегином, подготовленная итальянским журналистом и писателем имела большой успех во Франции. В настоящее время она переведена на русский и армянский языки. Гарегин оказался интересен французам именно как свидетель об опыте своей веры и своей традиции, развивавшейся в течение практически всей истории христианства в полной изоляции от иных традиций. Это симптоматично.

2) Затем Православная Церковь (как это произошло с Армянской благодаря покойному Гарегину) сумела показать, что она открыта для того, чтобы делиться опытом византийского и русского пути к Богу с католиками и протестантами, прежде всего в об-

ласти аскетики и молитвы. В связи с этим нельзя не назвать трех имен: Оливье Клеман, епископы Василий Осборн и Каллист Уэр – все трое западного происхождения! Оливье Клеман – пожалуй, самый популярный православный богослов на Западе. Именно его, как православного, пригласил в прошлом году папа Римский написать текст для *Via Crucis*. Он пишет на прекрасном французском языке католических поэтов – Жамма, Пэги и Клоделя. Епископы Василий и Каллист, а также Оливье Клеман в свое время сами открыли православие для себя и поэтому поняли, что не делиться этим открытием с другими просто невозможно.

Их аудитория – люди с Запада, принадлежащие к западной культуре и в большинстве своем неправославные. С их деятельностью связано известное число переходов в православие католиков, протестантов и, особенно, англикан (в связи с рукоположением женщин), но при этом они пользуются уважением среди французов и соответственно англичан и являются желанными гостями в католических и протестантских учебных заведениях.

Есть среди православных на Западе еще одна знаковая фигура – это скончавшийся несколько лет тому назад отец Софроний Сахаров, последние десятилетия своей жизни проведший в Англии. Афонский монах и ученик знаменитого старца Силуана, интеллектуал, иконописец и практик особого рода молитвенного делания, он был и остается феноменально популярен на Западе, особенно среди христианских интеллектуалов – среди тех, кто вошел в его общину очень много людей, перешедших из других исповеданий, в том числе католических монахов и священников. Опыт отца Софрония и его продолжателей привлекает человека с Запада инакокультурностью, но достаточно понятной для европейца. Он принадлежит к иной культурной традиции, но при этом в плане своего личного опыта давно живет внутри западноевропейской цивилизации, его инакокультурность такова, что ее легко усвоить.

3) Третий вариант присутствия православия на Западе мы имеем в лице митрополита Сурожского Антония (Блума). Русский из

старой культурной семьи, всю жизнь проживший на Западе, врач, участник Сопротивления во Франции, митрополит Антоний не считает себя богословом, но обладает огромным опытом духовной и, прежде всего, молитвенной жизни. Он ничего не пишет, все его книги представляют собой записи устных бесед о молитве, о вере как о встрече с Богом и о чтении Евангелия (о богословии митрополита надо говорить особо – оно удивительно). При этом в отличие от Оливье Клемана или епископа Каллиста, Антоний практически никогда не ссылается на особый опыт христианского Востока. Конечно, он из него исходит, ибо именно в нем он вырос и сложился, но не настаивает на его исключительности. Все то, о чем он говорит – это *cantus firmus*, как говорил Дитрих Бонхёффер. То основное, главное, сердцевинное, что есть в христианстве. Будучи на 100 % укорененным в своей, то есть в православной традиции, будучи к тому же во многом консерватором, он, однако, абсолютно понятен западной аудитории и всегда ею востребован. Думаю, именно в силу того, что его тема – *cantus firmus*, а не что-то присущее именно Востоку.

Наряду с его именем надо назвать два других. Это отец Жак Лёв и сестра Магдалена Иисуса, основательница общины малых сестер Шарля де Фуко. Оба – французские католики, однако не- мало трудившиеся в России, причем не в католической среде, а среди православных. Важно подчеркнуть, что их деятельность приводила людей именно в Православную Церковь. Исходя из опыта Западной Церкви, они говорили (как и митрополит Антоний) только о том, что относится к *cantus firmus*. В этом была их удивительная сила. При этом зачастую они касались тех проблем, которые в условиях России по разным причинам были не видны или не поняты. Иными словами, делали нечто такое, что из русских и православных тогда не мог сделать никто.

Сестра Магдалена, как известно, уделяла особое внимание бого- младенчеству Иисуса. Каждый православный, казалось бы, знает о том, что это такое по опыту созерцания икон Богородицы, но в словах у нас об этом никогда не было сказано почти ничего. Этот

особый аспект христианства сумела раскрыть для православной России сестра Магдалена – католичка.

Конечно, митрополит Антоний, отец Жак Лёв и сестра Магдалена выходят за уровень какой бы то ни было культуры, поднимаются выше ее. Это удается единицам. В целом же сестра Магдалена считала, что католические монахини на православном Востоке должны усвоить язык, обычай и даже менталитет того народа, среди которого будут жить. Разделить с ним все трудности жизни, «возвещать ему Евангелие всей жизнью», но при этом не обращать в католичество тех, среди кого ты будешь жить.

Вообще встреча двух традиций всегда полезна. Так, оказавшись на Западе сразу после 1917 года, митрополит Евлогий, ставший православным первоиерархом Франции, отметил: «Для католиков Божья Матерь – Мадонна, недосягаемый идеал чистоты и девственности; для нас Богоматерь – нежная, любящая мать; мы целуем икону, чувствуем доступность ее, несмотря на наше недостоинство. Католикам такое восприятие Богоматери чуждо». Так пишет митрополит Евлогий в книге «Путь моей жизни» (с. 258).

Он сумел увидеть в целовании или, вернее, в лобызании икон нечто такое, о чем прежде православными не говорилось. Прикосновение губ указывает на то, что Она (Богородица) доступна. Итак: Мадонна – как идеал и Дева на Западе. Богородица – как Мать в опыте христиан Востока. Не случайно отец Сергий Булгаков говорит: «Следует отметить, что православию является совершенно несвойственно внесение в почитание Богоматери таких оттенков, которые выразились в рыцарском культе “прекрасной дамы” на Западе» (с. 259).

В книге «Переступить порог надежды» Иоанн Павел II пишет, что в юности он полагал, что «должен отойти от детского почитания Девы Марии и сосредоточиться на Христе. Но, благодаря св. Луи Гриньону де Монфору. я понял, – пишет папа, – что подлинное благование перед Матерью Божьей – христоцентрично». Поразительный текст! Папа говорит о том, как ему самому удалось преодолеть типичную для западного благочестия оторванность

культы Пречистой Девы от уникальных отношений нашей веры – христианина с Иисусом. Именно об этом будет затем сказано в энциклике *Redemptoris Mater*. Надо сказать, что само выражение *Madre di Dio*, которое он постоянно употребляет чисто восточно-го происхождения. Хотя, конечно, этот аспект почитания Марии оказался в сфере внимания Католической Церкви несколько раньше, когда Павел VI опубликовал такой документ, как *Marialis cultus*.

Встреча католического Запада с православным Востоком во Франции и в Польше дала огромный импульс для развития мариологии на Западе. Однако и Восток под влиянием Запада в XVII–XVIII веках сумел увидеть в Марии не просто Богоматерь, но именно Пречистую Деву. Это видение есть в русском православии, но почти начисто отсутствует в греческом. Идеальным материалом для анализа здесь могут послужить многочисленные богоородичные акафисты, составленные в России и в Украине.

Приведу еще один текст (из отца Сергея Булгакова), как мне кажется, крайне интересный в плане сравнительной мариологии. «Православная Церковь одним дыханьем призывает святейшее имя Иисус вместе с сладчайшим именем Мария (как и на иконах Богоматери, Она изображается вместе с Предвечным Младенцем) и не разделяет Их в своей любви. Кто не почитает Марию, тот не знает и Иисуса, и вера во Христа, не включающая в себя почитание Богоматери, есть иная вера, иное христианство в сравнении с церковным» (Сергий Булгаков. «Православие». С. 253–254) – именно об этом говорит Иоанн Павел II.

К проблеме иконы. Вот интереснейшее, на мой взгляд, замечание из книги известного русского ученого-литургиста и великого аскета прошлого века епископа Порфирия Успенского, побывавшего в Риме и вообще в Италии в 1848 году. В частности, он посетил и *Casa santa* или «Святой домик» Богоматери в Лорето. Внимательнейшим образом его осмотрев и дав подробное его описание в своем труде «Книга бытия моего», Порфирий Успенский

пишет: «Сюда-то приходят сотни тысяч католиков из всех государств и молятся тут перед черной статуей, в виду которой я и перекреститься не мог, как православный христианин, чествующий живописные иконы Богоматери, но не статуи ее. Удивительна сила привычки. По влечению ее, католику люба статуя, а православному – икона. Не будем же осуждать друг друга. Ведь не от статуи и не от иконы зависит наше вечное спасение, а от нашей веры и от нашей праведной жизни. Икона или статуя есть только указание нам на того, к кому возносим мы свои молитвы. Притом все иконы и статуи сгорят перед кончиной мира, а наша вера и наши добрые дела несгораемы, бессмертны, вечны» (еп. Порфирий Успенский, род. 1804 и умерший в 1885 году).

Именно *привычка*, а не богословские противоречия и не «еретический» характер католичества и не тот факт, что католики отпали от православия, не позволила епископу Порфирию перекреститься перед статуей Святой Девы. Точный в выборе слов он говорит «я и перекреститься не мог», имея в виду, что это у него просто не получилось сделать перед статуей. В сущности, он говорит здесь о том, что разделяет христиан не богословие и не какие-то неразрешимые противоречия вероучительного характера, но именно культура.

В связи с этим тезисом я хотел бы привести мнение современного греческого ученого-богослова и недавнего времени иерарха Константинопольской Православной Церкви митрополита Иоанна (Зизиуласа), епископа Пергамского: «Какой вклад могут внести православные Западной Европы в современный мир? Для некоторых миссия православных в Европе состоит в том, чтобы обратить в Православие как можно больше западных христиан. Это суженная и ограниченная перспектива. Миссия Православной Церкви шире и намного важнее; в ней можно выделить два аспекта: с одной стороны, православие должно свидетельствовать перед западным христианством и его культурой о самобытных ценностях православной традиции, с другой стороны – объяснить православным ту ментальность, которую можно назвать “запад-

ной". Эту задачу могут выполнить только православные Западной Европы. Они могут стать своего рода "паромщиками", наладив со временем настоящий мост между историческим православием и западной культурой. Никакой другой православный не сможет это сделать. Важность этой миссии в достаточной мере никогда не подчеркивается... Православие не должно стать экзотической религией, которая предлагает убежище для людей, ищущих мистики и необычной религиозной практики, подобно тому, как это делают самые разные восточные культуры и религии». Достаточно резко, в том числе и в адрес названных мною раньше достойнейших людей, но по существу.

Вернемся, однако, к путешествию епископа Порфирия в Италию. Заключая описание церкви *Trinita dei Monti*, Порфирий Успенский пишет: «Выйдя из церкви, я думал, что умны те родители, которые отдают дочерей своих монахиням для воспитания и обучения. Монахини сеют доброе семя на девственной почве. Что же вырастет? Вера в Бога, любовь к Нему и надежда на Него. *Croyez donc, jeunes filles? Aimez esperez et poysuivez votre route en paix*². Православный путешественник видит в жизни католической *ecole francaise* образ благочестия. И это в 1848 году, когда о межконфессиональных контактах не было и речи.

Интересно, но посещение именно этой церкви, расположенной над живописной лестницей, которая спускается к *Piazza d'Espagna*, оставило особые воспоминания в душе 18-летнего Дитриха Бонхёффера, побывавшего на вечерне в этой церкви: «Это был прекрасный день. Первый день, когда мне приоткрылась частично реальность католичества, которая, – как он подчеркнет, – не имеет ничего общего с романтизмом», то есть с тем образом католичества, который можно было почерпнуть из литературы.

Еще несколько слов о католиках в России. Наша богослужебная практика, не говоря уже о читимых иконах, среди которых немало пришедших с Запада, имеет немало латинских элементов.

² Итак, вы верите, девушки? Любите, надейтесь, и мирно следуйте вашим путем.

Такова, например, молитва пресвитера, готовящегося к служению божественной литургии св. Амвросия Медиоланского (см. Иерейский молитвослов, СПб., 1885): «Архиерею истинный Иисусе Христе, принесый Себе Богу Отцу на олтаре крестном жертву чисту...», переведенная с латинского «*Summe Sacerdos et vere Pontifex Iesu Christe, qui te obtulisti Deo Patri hostiam puram et immaculatam in ara Crucis...*»

Собственно католики. Я уже говорил о польском и немецком чисто этническом католичестве в России. В последние годы перед революцией в Москве появляется так называемая Абрикосовская община – восточного обряда, но крайне преданная «католической» идеи. Ее отличает несомненное мученичество и самое высокое исповедничество в ГУЛАГе, но при этом практически полная изолированность от православия. Вначале все ее члены полностью принадлежали к культуре православного большинства и обособились только на основе юрисдикционного принципа, но с течением времени под влиянием священников-доминиканцев из Польши началась постепенная полонизация их общины. Идейная замкнутость стала перерастать в культурную и в чисто человеческую изолированность. Вот в чем заключается нечто тупиковое и несомненная опасность для религиозного меньшинства. Это приходится констатировать притом, что я глубочайшим образом убежден в том, что России необходимо очень многое из опыта Западного христианства. Как Европе много дало православие, так и России много может дать католичество. Притом, что католики должны оставаться в Европе католиками, а православные в России – православными, но надо быть открытыми опыту друг друга.

Последний пример. Доктор Федор Петрович Гааз. Католик, тюремный врач и директор больницы для бедных. В воскресные дни не пропустивший ни одной мессы, а на буднях певший на клиросе в православном храме. Издатель духовной литературы для православных. Во время его похорон все православные церкви Москвы звонили в колокола по благословению митрополита

Филарета, в последние годы прославленного как святого. Подобно митрополиту Антонию в Лондоне, доктор Гааз в Москве – неустанный свидетель того, что в христианстве звучит именно как *cantus firmus*.

Епископ Порфирий Успенский, присутствуя в 1848 году на богослужении *in chiesa della Trinita dei Monti* с радостным изумлением заметил, что мотив, на который пели «кирие элейсон» девушки в хоре, он помнит с раннего детства по Киево-Печерской лавре. Православный, оказавшись на Западе, переживает узнавание того, что, казалось бы, ему незнакомо и, более того, чуждо, и прямо по Платону изумляется от этого – грек в латинской культуре узнает элементы своей культуры.

При этом, однако, в отличие от профессора Каллиста я убежден, что *pura christianitas*, вернее, христианство без греческого и латинского компонентов возможно – это трудный путь, который однако дает удивительный шанс как для Запада, так и для Востока. Эдит Штайн, Рина Гефтман и о. Даниэль Руфайзен в Израиле, кардинал Люстиже, а сегодня диакон Эфраим и его община *Beati-tudes* поняли или, во всяком случае, почувствовали это. Осознав свое еврейство, как нечто, напрямую касающееся их веры. В книге *Choix de Dieu* на вопрос о том, почему, почувствовав призвание к духовной деятельности, он не стал раввином, а крестился, кардинал Люстиже ответил: «Потому что я понял, что Иисус – это Мессия Израилев».

Место для встречи Востока и Запада – это, во-первых, Евангелие, во-вторых, личная святость праведников (таких как митрополит Антоний, сестра Магдалена или покойный патриарх всех армян Гарегин) и, наконец, трудные дороги Галилеи, на которые мы ступаем, сталкиваясь с еврейской составляющей христианства.

Не случайно в эпоху Эразма и Лютера от богослова требовалось, чтобы он был *trilinguis*, то есть владел греческим, латинским и еврейским языками. Это связано с осознанием важности третьего культурного компонента христианства. И ранее это было необходимо в эпоху IV–V веков, когда св. Иероним работал над

переводом Вульгаты, а в славянском мире в IX веке, когда Кирилл и Мефодий переводили Евангелие на славянский язык. В их переводе присутствует еврейский элемент. В рассказе о Тайной вечери (Мф 26:23) греческое «tryblion» (плоская чаша, миска) переведено славянским «солило», что означает, что переводчик понимал, что речь идет о чаше с соленой водой на еврейской пасхальной трапезе. Две буквы славянского алфавита «ц» и «ш» происходят от еврейских «цаде» и «шин», а вообще примеры такого рода из практики Кирилла и Мефодия легко умножить.

Закономерно, что Эдит Штайн (святая Тереза-Бенедикта Креста) чувствовала себя, особенно в конце жизни, еврейкой в христианстве. Закономерно, что подчеркивают свое еврейство кардинал Люстиже и отец Александр Мень, погибший как мученик, а русский православный священник в Париже Димитрий Клепинин, когда в гестапо от него потребовали, чтобы он не помогал евреям, сказал, показав на наперсный крест с изображенным на нем Христом: “А этого еврея вы знаете?” В дальнейшем он погиб в концлагере.

В истории современного православия в России есть еще одна фигура. Мария Юдина. Православная мирянка, но в частной жизни почти инокиня, великая пианистка, пронизанная западноевропейской, прежде всего, немецкой музыкой (Бахом), немецкой философской мыслью (Шопенгауэр) и поэзией (Рильке), но ни на мгновение не забывающая о своем еврействе. Именно такой была Мария Юдина.

Не случайно, наконец, именно в антисемитизме видят главную опасность для христианства такие православные мыслители как Владимир Соловьев, мать Мария (Скобцова), православная монахиня из Парижа, и отец Сергий Булгаков, а на Западе папа Римский Иоанн Павел II. У Владимира Соловьева в «Трех разговорах» три исповедания лобызают друг друга в поцелуе мира в лице старца Иоанна, папы Петра и профессора Паули.

Сегодня возникает насущная необходимость в еще одной встрече – трех культурных составляющих христианства (греческой,

латинской и еврейской). Это притом, что последняя, еврейская составляющая была за 2000 лет практически полностью утрачена как нечто живое. Может быть, именно в этой утрате (в отсутствии этого звена) и заключаются главные причины недопонимания между христианскими Востоком и Западом. Не случайно же святая Эдит и отец Александр Мень, кардинал Люстиже и отец Сергий Булгаков с матерью Марией (последние не будучи евреями!) именно в XX веке увидели, что вернуть этот аспект христианству необходимо для нашего общего будущего.

СЛОВО КАРДИНАЛА АНДРЕ ВЕН-ТРУА, АРХИЕПИСКОПА ПАРИЖСКОГО, ВО ВРЕМЯ ЕГО ПАЛОМНИЧЕСТВА НА СОЛОВЕЦКИЕ ОСТРОВА

Совершая этот визит по приглашению Русской Православной Церкви, я пожелал преклонить колени и помолиться на этом месте вместе с епископами и со всеми, кто меня сопровождает. Это паломничество на Соловки, несомненно, является одним из самых важных моментов моей поездки, поскольку оно имеет глубокое символическое, историческое и духовное значение.

Спасо-Преображенский монастырь, находящийся здесь уже с XV века, принадлежит к великой традиции русского монашества и дал множество святых иноков Православной Церкви. И мы искренне радуемся его нынешнему возрождению.

Для христиан Соловки являются, согласно выражению святейшего патриарха Алексия II, «русской голгофой». Многочисленные православные епископы, священники, монашествующие и множество известных и неизвестных мирян, претерпели здесь страдания и пытки, многие были расстреляны за веру во Христа. Таким образом, Соловки тесно связаны с новомучениками – православными мучениками XX века, свидетельство которых напоминает нам славные страницы истории Церкви во времена гонений первых веков.

Открывая описания страданий новомучеников, мы преисполнляемся ужасом. В то же время, мы поражаемся силе, спокойствию и мужеству, наполнявшему мучеников в тот момент, когда они принимали страдания, оставаясь верными обетам своего крещения и уповая на Бога, Который спасает всякого, уповающего на Него. Их пример укрепляет нашу веру.

Мы не забываем, что кровь мучеников – семя христиан. Подобно первой Церкви, черпавшей в свидетельстве ее многочисленных чад силу для того, чтобы нести Евангелие во все концы земли, Русская Православная Церковь, укрепленная обретенной свободой,

находит в своих мучениках неисчерпаемую силу возрождения. Монастырь, воздвигнутый здесь, является тому ярким примером. Чаяния святого патриарха Тихона сегодня сбылись: страдания, которым мы воздаем сегодня память, не остались напрасными. Они несут свой плод, и Евангелие Христово продолжает преображать сердца многочисленных россиян.

Поэтому, весьма важно почтить память тех, кто принял мученичество, важно возблагодарить Бога за дары, данные нам их посредничеством. Мы знаем, что это – задача, которой Русская Православная Церковь предается с ревностью. Она уже причислила к лику святых многочисленных новомучеников, к которым мы можем взвывать сегодня. Мы вверяем их заступничеству Русскую Православную Церковь и всех ее чад. Мы вверяем самих себя их молитвам, прося у Бога укрепить нашу решительность в беззатратном служении Ему.

Мы вверяем заступничеству новомучеников всех неизвестных, погибших в этих лагерях, имена которых ведомы только Богу. Мы не забываем, что на Соловках был организован первый лагерь каторжных работ, разросшийся, впоследствии, в целую сеть лагерей ГУЛАГа. Соловки стали символом ГУЛАГа, и мы преклоняемся в глубоком почтении в память всех жертв атеистической идеологии, во имя которой множество людей были депортированы и брошены на произвол. ГУЛАГ, яркое описание которого нам дал покойный Александр Солженицын, является одной из величайших трагедий XX века. Человечество должно хранить память о ГУЛАГе, чтобы никогда не предаться вновь дегуманизации и тоталитарным идеологиям.

Мы помним также, что в числе жертв Соловецкого лагеря были и католические священники, монашествующие и верные. Мы почитаем их память и благодарим Бога за свидетельство, которое они нам дали, согласно предначертанию Провидения, вместе с их братьями православными христианами. Мы видим особый знак в том, что православные и католики разделяли те же самые страдания за веру во Христа, как это было подчеркнуто в Риме, на совместном межхристианском поминовении свидетелей веры

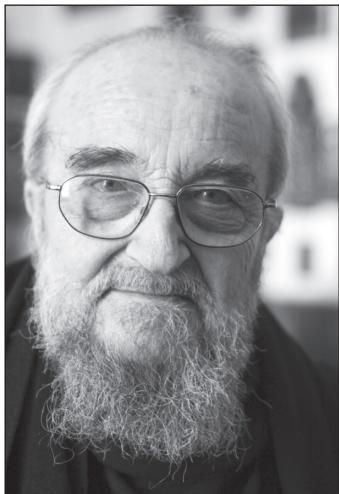
XX века, возглавленном папой Иоанном Павлом II в Колизее, в мае 2000 года по случаю 2000-го Юбилейного Года. Эта общность «в пожертвованной жизни и пролитой крови, является, по-видимому, знаком чего-то нового. Это знак того времени, которое должно соединить христиан в полном и явном общении. [...] Это – призыв идти к единству веры, исповеданной в жизни и проповеданной в миссионерском делании всем народам.

*28 октября 2008 г., Соловки
Перевод с французского*

**МОНАШЕСКОЕ ПРИЗВАНИЕ –
СЛУЖЕНИЕ ЕДИНСТВУ**

Архимандрит Эммануил Ланн

Отец Эммануил (в миру Жак) Ланн родился в Париже 4 августа 1923 года, скончался 23 июня 2010 года. Поступил в бенедиктинский монастырь в Шеветони (Бельгия) в 1946 году, монашеские обеты принял в 1947 году; в 1950 г. был рукоположен во священника. В 1956 г. о. Эммануил окончил Школу древних восточных языков в Париже (специализация – коптский язык). С 1959 по 1971 гг. был профессором в Папском атeneуме св. Ансельма; преподавал и в других Папских университетах Рима: Латеранском и Урбанианском; в Восточном институте, а

1994–95 гг. в Католическом университете Лувена (Бельгия).

Эксперт папского Совета по содействию христианскому единству с 1963 по 2007 гг. и консультант Конгрегации по делам Восточных Церквей с 1964 по 1999 гг.; отец Эммануил принимал участие в составлении некоторых декретов Второго Ватиканского собора (1962–1965). Впоследствии о. Эммануил принимал самое активное участие в различных богословских диалогах между Католической Церковью и другими Церквами (Православной, Коптской, Англиканской, Реформатской).

Перу о. Эммануила Ланна принадлежат многочисленные статьи на самые различные темы: по литургике, патристике, экклезиологии, экуменизму.

В течение 26-ти лет он был главным редактором журнала «Иреникон», издаваемого монахами Шеветони.

Отец Эммануил Ланн был широко известен не только в католическом, но и в православном мире как крупный специалист по восточно-христианской духовности и активный участник экуменического диалога.

ОБ ИСТОКАХ ОДНОГО МОНАШЕСКОГО И ЭКУМЕНИЧЕСКОГО ПРИЗВАНИЯ

Моё призвание, одновременно и монашеское, и экуменическое, было даром Божиим, даром бесценным, или, точнее, целой россыпью даров Божиих.

События, в которых это проявлялось, произошли за короткий отрезок времени Второй мировой войны таким образом, что самое заинтересованное лицо этой истории не успело проявить никакой собственной инициативы. То, о чём я буду говорить здесь (а такое случается со мной впервые), – это выражение моей благодарности Господу, Который вел меня, несмотря на мои недостатки.

В любом случае, прежде чем перейти к рассказу о тех решениях, которые окончательно определили мой путь, мне кажется уместным сказать несколько слов о некой, задолго до этого начавшейся, подготовке.

Впервые о существовании христиан не римо-католиков я узнал в тридцатые годы. Мой отец, работавший инженером на стройках электростанций, был послан в Советский Союз в декабре 1930 года для продажи электрооборудования правительству Сталина. Среди коллег моего отца в Париже был один русский православный эмигрант, который сбежал от большевистской революции. В Москве отец находился под покровительством французского посольства. Времена были жестокие. В том же самом 1930 году произошло то, что называлось «ликвидацией кулачества», то есть, – крестьян, не принимавших коллективизацию. По просьбе своего русского коллеги из Парижа, мой отец тайно общался с оставшимися в Москве членами его семьи. По возвращении он рассказывал нам о преследованиях в Советском Союзе за религиозные убеждения.

В то время мне самому было не больше семи лет, но в моей детской голове зародилась самым неопределенным образом реальность, о которой я прежде не догадывался, реальность существования христиан, которые не были «нашими» (эти русские православные), но которых преследовали за их веру.

Через несколько месяцев после путешествия моего отца в Советский Союз, в это страшное время гонений, я получил от Господа призыв стать священником. Мне было тогда семь лет. Это произошло в Страстную Пятницу 1931 года после полудня.

К этому первому осознанию в 1930 году, осознанию (очень примитивному, как можно догадаться) существования других христиан, преследуемых атеистами, добавилось и другое открытие, произошедшее также до начала Второй мировой войны.

В 1938 году я был уже четыре года учеником колледжа (расположенного рядом с Фонтенбло, в шестидесяти километрах на юг от Парижа), которым руководили отцы босоногие кармелиты. Наш преподаватель истории рассказал нам однажды о собраниях христиан-некатоликов, проходивших в Англии, посвященных единству Церкви. Речь шла о знаменитых экуменических конгрессах лета 1937 года, состоявшихся в Эдинбурге в поддержку движения «Вера и церковное устройство» и в Оксфорде «Жизнь и действие». Результатом деятельности этих двух конгрессов будет рождение Всемирного Совета Церквей в Женеве. Я узнал и о том, что среди протестантов, которых наши учебники по истории представляли как еретиков и отлучённых от церкви, было течение в пользу воссоединения. Конечно, мы, будучи юными католиками, наивно путали это с шагами, направленными на возвращение в лоно Римской Церкви.

В течение долгих лет, однако, всё это оставалось не очень ясным в моей голове. Наш преподаватель истории, человек светский, которого мы ценили и очень любили, рассказал нам об этих экуменических конференциях 1937 года в связи с другим начинанием – более или менее экуменическим, предпринятым в Оксфорде, но в 1938 году. Речь шла о том, что назвали впоследствии Оксфордскими группами или Движением за моральное перевооружение (преобразование мира через преобразование личной жизни). В моей голове оксфордское начинание, о котором только что заговорили в 1938 году, соединилось с этими двумя съездами 1937 года; хотя, на самом деле, оно было совершен-

но независимым от них и совсем другой природы. Создание Ф. Бюшананом Оксфордских групп случилось за несколько недель до того, как наш преподаватель заговорил с нами об этом на уроке. Это событие дало ему возможность обсуждать с нами экуменические конференции Эдинбурга и Оксфорда предыдущего года, те самые, благодаря которым появился Всемирный Совет Церквей.

Вот два открытия юноши тридцатых годов: в России есть христиане, они не католики, но их преследуют, и они должны скрываться как первые христиане в «катакомбах». И другое: в протестантских странах живут христиане, отделённые от нас несколько веков тому назад, которые прикладывают усилия к тому, чтобы обрести, желанное Христом для Своей Церкви, единство.

Маловато знаний... В любом случае, эти две информации о гонимых православных русских и о протестантах Эдинбурга и Оксфорда – запали мне в голову и оставались спрятанными в каком-то потаённом уголке моего сознания до того самого дня, когда мой отец сделал мне неожиданное предложение.

Это было в разгар Второй мировой войны. Франция была оккупирована немцами. В воскресение на Пятидесятницу, в 1941 году мой отец сказал мне и старшей из моих сестёр, что хорошо было бы нам пойти на мессу в русскую католическую церковь, на приходе которой служил в то время отец доминиканец Кристофф Дюмон. Месса должна была проходить «по-русски», хотя, на самом деле, ее служили по-славянски. Ко дню Пятидесятницы действительно подходило то, чтобы мы – юные католики – осознали, что христианская вера многоязычна и живёт в разных традициях. Так нам с моей сестрой и довелось побывать на службе «русской» божественной литургии. После службы отец К. Дюмон принял нас с величайшей учтивостью. Этот неожиданное событие глубоко врезалось мне в память, даже если я мало что понял на той литургии. Всё тот же самый отец Дюмон принимал меня через двенадцать лет в центре «Истина», которым он руководил, в то время, когда я был послан на обучение в Сорbonну.

Впоследствии, когда я был ректором Греческой Коллегии¹ он был нашим гостем во время работы Второго Ватиканского собора. Вместе с ним мы написали различные части Декрета об экumenизме. Я говорю об этом для того, чтобы показать насколько само Провидение готовило всё без моего непосредственного участия.

После экзамена на степень бакалавра по философии, которым в то время заканчивалось обучение в средней школе, осенью 1942 года я поступил в университетскую семинарию Католического Института в Париже, её называют «Семинарией кармелитов», потому что она расположена в монастыре, который до революции принадлежал босоногим кармелитам. Именно там, в 1792 году содержались многочисленные представители духовенства, которые впоследствии были расстреляны или взошли на эшафот гильотины. Многие из них были прославлены как святые несколько лет тому назад папой Иоанном Павлом II. Упоминание мной кармельских мучеников небеспрчинно – в семинарии их особенно почитали, и память о них была очень живой.

Одновременно со мной в семинарию поступил некий Жан-Франсуа Арриги, который позднее стал известен в Риме как монсеньор Арриги – сначала в Конгрегации по делам Восточных Церквей, затем в папском Совете по содействию христианскому единству и, наконец, в качестве епископа-секретаря папского Совета по делам семьи. Его мать была греко-католичкой из Каргеза на Корсике. Арриги был старше меня, но, по разным причинам, мы стали очень близки друг другу с первых месяцев нашего поступления в семинарию. Во время перемен между занятиями он с удовольствием говорил о Восточных Церквях, с которыми был хорошо знаком. С самого детства он посещал с матерью католическую церковь восточного обряда в Каргезе, а в Париже – греко-мелькитскую церковь Сэн-Жюльен-л-Повр.

Итак, когда я поступил в семинарию, Франция была оккупирована немцами. Весной 1944 года за мной пришли из гестапо, потому

¹ С 1956 г. о. Эммануил Ланн работал в Греческой Коллегии в Риме – сначала в качестве префекта, а с 1962 по 1967 гг. был ректором этого учебного заведения.

что я отказался отправляться на работы в Германию. Мне удалось избежать ареста благодаря economy семинарии, и я должен был прятаться до тех пор, пока моя мать не достала мне фальшивый паспорт. В это время мои глаза начали открываться, я увидел реальный мир и, живя достаточно уединенно, я чувствовал в себе призыв к жизни, целиком посвященной Богу. Моим идеалом был Шарль де Фуко, отшельник Хоггара в Сахаре (+1916).

Летом 1944 года союзные войска высадились в Нормандии, затем состоялось сражение за освобождение Парижа. Я познакомился тем временем с одним замечательным и очень авторитетным отцом-иезуитом Жакино де Безанжем. Он был миссионером в Китае и во время войны между китайскими националистами и коммунистами он создал то, что называлось «женевскими мес-тами», где гражданское население находилось в безопасности во время сражений. Отец Жакино хотел создать подобные оазисы и в Париже. Но отступление немецкой армии произошло довольно быстро, и этот проект оказался не актуальным, при этом он активно посредничал в том, чтобы помешать депортации вслед за немецкой армией в Германию раненых американских, английских и французских военных, находящихся в госпиталях. Будучи инвалидом войны, он предложил мне его сопровождать в его походах к военным оккупационным властям. Эти встречи в самый разгар сражения в Париже и другие начинания, предпринятые в это время, принесли мне невероятный человеческий опыт и оставили неизгладимый след во всей моей жизни.

Осенью я вернулся в семинарию на первый курс богословского факультета, где начинал преподавать молодой отец-иезуит Жан Даниэлу, блестяще защитивший замечательную диссертацию по Григорию Нисскому, которая называлась «Платонизм и мистическое богословие». Занятия с Даниэлу были моим первым приобщением к наследию греческих отцов. Это было для меня потрясающим открытием.

На этих занятиях среди студентов был один необычный монах-бенедиктинец. Он был православным и входил в небольшую общину западного обряда, находящуюся под омофором Москов-

ского Патриархата. Поскольку монашеская жизнь казалась мне привлекательной, и я интересовался русской церковью, то я подружился с этим монахом. Его звали отец Иоанн Дамаскин, он умер отшельником во Франции примерно десять лет тому назад. В 1944 году он познакомил меня с литургией Русской Православной Церкви. Он водил меня в часовню русских эмигрантов, принадлежащую Московской Патриархии. Эта часовня на самом деле была бывшим гаражом. Она была очень бедной, но там были огромные прекрасные иконы, привезённые из России русскими, бежавшими от большевистской революции. Я был покорён.

Во время русских православных служб я познакомился с богословом Владимиром Лосским и его семьёй, с которой впоследствии я был связан тесной дружбой. В 1944 году только что вышла в свет, ставшая затем очень известной, книга Лосского «Очерк мистического богословия восточной церкви». Таким образом, речь для меня шла об открытиях в самых разных областях знаний: Православная Церковь, отцы-пустынники, мистическое богословие Востока, монашеская жизнь. Столько всего и сразу. И это было не всё.

В 1944–45 учебном году в семинарии были также два монаха-бenedиктинца, они были католиками из аббатства Лигюже, самого старого монастыря Европы, основанного в 360 году святым Мартином, учеником святого Илария² Пиктавийского. Я особенно подружился с одним из этих двух монахов. Он знал, что я любил заниматься живописью и делать карандашные наброски. Ректором Католического Института в Париже, куда мы ходили на занятия, был в то время монсеньор Жан Кальве, ученик известного аббата Фердинанда Портала (+1926), участника «Малинских бесед»³, связанного с основанием нашего монастыря в Амэ (Шеветонь)⁴. Кальве был также убежденным экуменистом. В январе 1945, то

² Святой Иларий родился между 310 и 320 гг. в Пуатье (лат. Pictavia). Скончался в 367 г. – *Прим. ред.*

³ Речь идёт об экуменических собеседованиях между католиками и англиканами в бельгийском городе Малин, по-фламандски – Мехелен.

⁴ См. о монастыре Животворящего Креста Господня в Шеветони. «Христианос-III». Рига: ФИАМ, 1994 г. С. 140–159.

есть четыре месяца спустя после освобождения Парижа, он решил организовать в этом католическом университете торжественную службу Недели Молитвы за Единство Христиан.

Париж был освобождён, но война ещё не закончена. Материальных средств не хватало. Для Недели Молитвы нужно было сделать афишу, чтобы пригласить студентов разных факультетов на службу. Друг бенедиктинец из Лигюже попросил меня нарисовать эту афишу. Эта работа стала для меня поводом к размышлению над смыслом молитвы за единство.

На начало служб Недели Молитвы за Единство ректор пригласил нового нунция Парижа монсеньора Анжело Ронкалли, будущего папу Иоанна XXIII. Друг Арриги, благочинный семинарии, выбрал меня в «жезлоносцы» нунция. Можно себе представить, как я был горд. А монсеньор Ронкалли был одним из друзей основателя нашего монастыря в Амэ, отца Ламбера Бодуэна⁵. Монсеньор Кальве пригласил также отца Бодуэна выступить с речью во время служб Недели Молитвы. От Арриги я узнал кто такой отец Бодуэн и нунций Ронкалли. Столько встреч открывали мне глаза на призыв Господа. И ещё, в течение этой Недели Молитвы за Единство каждый день в церкви университета Католического Института проходили разные литургии восточных обрядов. Столько новых впечатлений и открытий! Вот так, эти дни 18–25 января 1945 года ознаменовали важный этап моей жизни, но сам я ещё не знал наверняка, в каком направлении двигаться.

Месяц спустя, в начале марта я был призван на военную службу. Война продолжалась. С марта по август из меня хотели сделать унтер-офицера (и даже, может быть, офицера, но я не проявил ни малейшего интереса к военной карьере... тем более, что и война закончилась 8 мая!). Месяцы военной службы стали для меня благословенным периодом. Это должно показаться странным, но именно там окончательно созрело моё решение о выборе монашеского и экуменического пути. У меня было много времени для

⁵ См. Николай Эгендер, свящ. Отец Ламбер Бодуэн и экуменизм // «Христианос-Х». Рига: ФИАМ, 2001 г. С. 16–30.

чтения. Так я открыл для себя среди прочих книгу *Католичество* отца Анри де Любака, прекрасный журнал *Живой Бог*, книги о русской церкви, о единстве церквей и т.д. Да, это было благословенное время. В этом учебном военном лагере нас было двести семинаристов из трёх тысяч солдат. Я познакомился с очень многими из них, и подружился с теми, с кем я говорил о моём монашеском и экуменическом призвании.

Всё в том же лагере, в апреле, я принял решение подробно узнать о монастыре в Амэ (к этому времени монастырь уже пять лет как переехал в Шеветонь, но имя Амэ за ним осталось). В августе я получил недельный отпуск, который я молитвенно провёл в монастыре Солем. Некоторое время спустя мне удалось уйти в отставку. Я поехал тогда к отцу-доминиканцу Кристофи Дюмону, с которым я познакомился на Пятидесятницу 1941 года и встретился вновь на праздновании Недели Молитвы за Единство. Я его спросил о том, что он думает о монашеском призвании в Амэ-Шеветонь. Он горячо поддержал моё решение. В конце сентября я поехал в Шеветонь, чтобы познакомиться с монастырём, а потом я решился попросить там остаться.

Возвратившись из Шеветонь в октябре, я провёл первый триместр учебного года на факультете богословия Католического Института экстерном, а одновременно с этим ходил на занятия русским языком в школу восточных языков. Я также с большим прилежанием посещал службы русской церкви Московского Патриархата из-за моего друга отца Иоанна Дамаскина.

Наконец, на праздник Богоявления 1946 года я поступил в Шеветонь. Нас было пятеро послушников и, по Божьей благодати, мы все стали монахами монастыря. Трое уже умерли и их тела поются на монастырском кладбище. Отец Николай Эгендер (бывший настоятель монастыря, а затем аббат Успенского аббатства в Иерусалиме с 1979 по 1997 годы) и я, мы всё ещё пребываем на земле в ожидании нашей небесной участи, где мы все ученики Христовы – католики, православные и протестанты – надеемся обрести Царство Божие, которому не будет конца.

Как следует из этого рассказа, всё с самого начала и до конца через цепь случайных событий было для меня настоящим даром Божиим, который мне надо было только принять. День за днём я не перестаю благодарить Бога за это.

2002 г.
Перевод с французского

Энцо Бьянки

*Энцо Бьянки основатель и настоятель
Спасо-Преображенского монастыря в Бозе (Италия)*

МОНАШЕСКАЯ ЖИЗНЬ И ЭКУМЕНИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ

Желая понять отношения между монашеством и экуменическим диалогом, мы вынуждены признать, что монашеская жизнь как таковая – при том, что ее воспринимают как безусловный выбор следовать за Христом *per ducatum evangelii* («под руководством Евангелия», *Правило св. Бенедикта*, Пролог, 21) и по монашеской традиции называют жизнью «совершенной любви» – в реальности, более чем что-либо другое, служила препятствием к какой бы то ни было попытке достичь примирения и подлинного мира между христианами и церквами. Так продолжалось приблизительно до двадцатого столетия.

В течение же прошедшего столетия, с возникновением экуменизма, как возможного способа коммуникации и пути примирения между церквами, нарастало усилие со стороны монашеских сообществ и религиозной среды в целом распознать в экуменическом диалоге знамение времени и включиться в него. Все новые протестантские общины и целый ряд новых католических общин построили свое служение вокруг поиска путей общения между церквами и почерпнули от экуменической перспективы вдохновение для структуры своих общин, их молитвы и духовной жизни. Нужно признать со всей очевидностью, что эти новые общины – и тут на память приходят Нашдом (Nashdom), Грандшамп (Grandchamp), Тэзé (Taizé), Кастеллер Ринг (Casteller Ring), Имсхайзен (Imshausen), Шеветонь (Chevetogne), Кампелло (Campello) – оказались пророками-свидетелями экуменизма в период до Второго Ватиканского собора, и в те годы их экуменические усилия им дорого стоили. Им пришлось пережить не только оппозицию

и, порой, гонения со стороны церковных властей, но также непонимание со стороны тех монашеских и религиозных кругов, что не вмещали их «особенности», не понимая важности предлагаемого ими служения, предназначенного стать шагом на пути к единой Церкви, к которой устремлены взоры всех церквей.

Мы также не должны забывать (хотя, я могу здесь лишь очень кратко коснуться этой темы), что монашество было «экуменической» проблемой в период Реформации, для Лютера и в последующие столетия. Бытовало устойчивое убеждение, восходящее к Лютеру и его критике института монашества, что монашеская жизнь противоречит Евангелию. До самого Кьеркегора не было предпринято ни единой попытки понять роль монашества как напоминания о разнице между следованием Христу и жизнью мира сего. Затем, с приходом Адольфа фон Гарнака, Дитриха Бонхёффера и Карла Барта, монашеская *forma vitae* вновь стала восприниматься как приемлемая и евангельская – при условии не рассматривать ее как путь личного совершенствования и собственного оправдания, – и она даже стала признаваться необходимой составляющей церковной жизни, ибо ей дано напоминать Церкви о некоторых основополагающих требованиях жизни по Евангелию¹.

Сегодня мы не можем ни помыслить о монашестве отдельно от экуменического диалога, ни понять одно без другого. Становится все очевиднее, что монашеству предназначена важная – по

¹ По этому вопросу см.: “Iubire si adevar”, *Ortodoxia* 19/2 (1967); C. Ca-ry-Elwes, “Monks and Ecumenism”, *Monastic Studies* 5 (1968); P. Michalon, *Oecuménisme et unité chrétienne*, Paris 1968; A. Plamadeala, “Contribution monastique au rapprochement œcuménique”, *Collectanea Cisterciensia* 32/1 (1970), pp. 22–45; A. Louf, “En marge d’un pèlerinage”, *ibid.*, pp. 46–66; A. M. Allchin, “La vie monastique et l’unité dans le Christ”, *Collectanea Cisterciensia* 40/3 (1978), pp. 171–181; I. Hausherr, “Spiritualité monastique et unité chrétienne”, *Il monachesimo orientale*, Rome 1958 (OCA 153), pp. 15–32; O. Rousseau, “La dimension œcuménique du monachisme”, *Unité des chrétiens* 11 (1973); F. Biot, *Communautés protestantes*, Paris 1961; G. Lagny, *Communautés religieuses et protestantisme*, Paris 1966; A. Perchenet, *Renouveau communautaire et unité chrétienne*, Paris 1967; *Les moines et l’œcuménisme*, *Lettre de Ligugé* 219 (1983); M. Simon, *La vie monastique: lieu œcuménique au cœur de l’Eglise-Communion*, Paris 1997.

сути, первостепенная и уникальная – роль на пути к примирению церквей. В общинной жизни монастыря существует возможность узнать христиан других традиций и вести совместную жизнь в примирении, вместе глядя в будущее и терпеливо трудясь ради полного единения «многоликой» Церкви – Церкви церквей, способной различать голоса друг друга в едином исповедании веры.

1. Ясное признание

Исторический момент, в который мы живем, исполнен особой благодати, ибо нам дано познать глубины Божьего милосердия. Один из свидетелей этого милосердия – преемник Петра Иоанн Павел II, который с настойчивостью, граничащей почти с одержимостью, и прекрасно сознавая, что не встретит полного понимания в ряде церковных кругов, хочет засвидетельствовать перед Господом покаяние в грехах: грехах, проявившихся в неспособности понять тайну Израиля, в разделении церквей, в неевангельских способах защиты истины, в евангелизации, зачастую проводившейся путем завоевания и без уважения к культурным особенностям. И теперь, когда епископ Рима подготовил путь к примирению и исцелению памяти, монашеским общинам следует также признать, что они сами, по своим несовершенствам и несостоительности в следовании Христу, согрешили и предали то Евангелие, которое избрали своей путеводной картой и наивысшим уставом (ср. *Perfectae Caritatis* 2).

Монашество часто оказывалось вовлеченным в борьбу вокруг схизм и ересей, а порой монахи даже стояли в эпицентре этих битв – с обеих сторон: можно вспомнить мессалиан на Востоке и Пелагия на Западе, предложившего еретическое прочтение Евангелия. Другие монахи «во имя истины» и ради защиты «истинного учения» прибегали к силе и устраивали гонения, подвергая высмеиванию и отлучению любого, кто избирал другой, а значит, – *неправославный*, путь. Поистине монашествующие часто принимали активное участие в событиях, приведших к разделению церквей, и внося свой вклад в фанатичные споры между христи-

анами разных традиций, тем самым «укрепляя» стены разделения. Не единожды именно они выступали против миротворческих усилий и попыток восстановить утраченное единство.

Принимая это во внимание, спросим себя: что же это была за христианская истина или идея истины, которая оправдывала применение силы? Почему монахи, призванные, согласно самому статусу своему, жить как первые христиане (т.е. подобно членам апостольской церкви, возникшей как *koinonia* во время Пятидесятницы), оказались повинны в нарушении главной заповеди и пренебрежении Павловым увещеванием о том, чтобы *veritatem facere in caritate* («жить правдой в любви»², Еф 4:15)? Почему они оказывались неспособны дать ответ о своем уповании «с кротостью и благоговением», имея добрую совесть, как наставлял христианские общины, живущие среди язычников, апостол Петр (ср. 1 Пет 3:15-16)?

Обмирщенность, властно захватившая Константиновскую церковь, проникла также и в монашескую среду и приняла там иные формы: групповое высокомерие, жажда власти, – все они отражали логику идолопоклонства. Как только церковь перестала быть объектом преследований, она погналась за внешней масштабной эффективностью и влиятельностью в обществе, и монастыри разделяли эти амбиции. «Монашеский образ жизни не может похвастаться претензией на невинность: он несет свою долю ответственности. Это не панацея, не чудодейственное лекарство – призыв к обращению относится и к нему тоже», – пишет Андре Луф (André Louf)³. И все же каждая эпоха на протяжении истории

² Автор приводит библейскую цитату по-латыни, буквальный перевод с латыни на русский звучит как «творить истину в любви». В Синод. пер. «истинною любовью» в данном случае выпущен глагол, из-за чего параллельное место из Синод. пер. не передает мысли автора. Наиболее близок к греческому оригиналу церковнославянский пер. «истинствующе же в любви». Современный русский язык не имеет аналога греческому глаголу «истинствовать». У еп. Кассиана (Безобразова) «говоря истину в любви», у В. Н. Кузнецовой «если будем говорить правду с любовью». - *Прим. пер.*

³ A. Louf, “Moines et œcuménisme”, *Collectanea Cisterciensia* 44/3 (1982), p. 170.

монашества, даже те столетия, что несли на себе глубокие рубцы расколов и изгнаний еретиков, знала нескольких человек, которые становились свидетелями сопричастности и милосердия и воздерживались от осуждения тех, кого признавали еретиками и неправославными и часто предавали анафеме.

Авва Пимен, конечно же, был знаком с позицией других отцов-пустынников, наставлявших своих духовных чад не признавать еретиков и, более того, избегать всякого контакта с ними⁴. Однажды, когда к нему пришли сторонники одного из еретических учений и начали поносить епископа Александрии, он предпочел в молчании выслушать их жалобы. Затем позвал одного из своих учеников и попросил его накрыть на стол, предложить гостям что-нибудь поесть и отпустить их, преподав благословение⁵.

Несколько столетий спустя, в пустыне Палестины, один христианин спросил авву Варсануфия, должен ли он анафематствовать Нестория с подобными ему еретиками, его последователями. Великий авва Газы отвечал ему, что Несторий и его последователи уже и так находятся под анафемою, и что в любом случае это не дело монаха – отлучать от Церкви. «Ты отнюдь не дерзай проклинать кого-нибудь, – добавил он, – потому что считающий себя грешным должен оплакивать грехи свои и – более ничего»⁶. В другом случае Варсануфий преподал совет некоему человеку, желавшему помочь православному при словесном состязании его с еретиком: «Если ты действительно желаешь оказать помощь (православно верующему), воззови в сердце своем к Богу, Кото-

⁴ Cp. Agathon 5, Theodore of Pherme 4, Matoes 11, Sisoes 25 и 48, Chomai 1.

⁵ Poemen 78.

⁶ Letter 699, Barsanuphius and John of Gaza, *Epistolario*, Rome 1991, p. 540. См. также рус. текст: Преподобных отцов Варсануфия Великого и Иоанна руководство к духовной жизни, в ответах на вопросы учеников / Пер. с греч. – М.: Московское подворье Свято-Успенского Псково-печерского монастыря; Изд-во «Правило веры», 1995. С. 438. Или в Интернете: Препп. Варсонофий Великий и Иоанн Пророк. Руководство к духовной жизни. Вопрос-ответ 707:

http://hesychia.narod.ru/bars_john_all_701_725.htm#701_725

рый знает тайное и может сотворить многое более, чем мы просим у Него, и Он сотворит по Своей воле с состязающимися ... Он хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины, и Он сотворит с ними и ради них по Своей воле»⁷. Не можем ли мы назвать это первым отголоском экуменической молитвы – молитвы о единстве церквей, в сердце монаха, оказавшегося способным разделить страдания Христа?

Следы экуменического свидетельства мы можем найти даже в бурные века христологических споров, мы находим их и в эпоху Реформации, когда группа аббатов-бенедиктинцев, собравшись в монастыре Св. Григория в Вальядолиде в Испании, отказалась принимать участие в предании анафеме Эразма, или когда Ланселот Эндрюс в своих *“Preces Privatae”* (частных молитвах) молился за Восточную и Западную Церкви, а также за свою собственную Англиканскую Церковь. Наше столетие знало поразительные примеры экуменического свидетельства: старец Силуан Афонский отказался называть своих католических братьев «еретиками», а дом Ламбер Бодуэн на Западе, будучи выслан из монастыря, им основанного⁸, продолжал в эти годы трудиться ради воссоединения двух церквей-сестер – Восточной и Западной.

И если таково прошлое, которое необходимо помнить, дабы избегать идеализма при оценке взаимосвязи экуменизма и монашества, то сегодня нам необходимо прояснить – с помощью Евангелия, которое мы сейчас понимаем лучше, чем понимали вчера, – какие стороны монашеской жизни открываются нам как возможная площадка для экуменического диалога и какова та роль, которую монашеская жизнь может сыграть в терпеливом поиске взаимообщения.

⁷ Letter 695, *ibid.*, pp. 539–540. *Cp. рус. текст:* Там же. С. 436–437. Вопрос 703.

⁸ Подробнее о жизни монастыря см. «Христианос-III». 1994 г. С. 140–159;

Эгендер Николай. Отец Ламбер Бодуэн и экуменизм // «Христианос-Х», 2001 г. С. 16–30. – Прим. ред.

2. Монашеская жизнь как экуменическая территория

Нам следует прежде всего помнить, что монашество было *человеческим феноменом* до того, как оно стало феноменом христианским. Присутствуя во всех великих религиях, даже в тех, что, подобно исламу, пытались ее искоренить, монашеская жизнь питаєма своей собственной антропологией: целомудрие, общинная жизнь или уединение, искание абсолюта и аскетика в разных ее формах, – все это составляющие монашеской жизни, запечатлевавшиеся на плоти, на теле, на всей целокупной личности до такой степени, что мы отмечаем сходство, «монотропию» (единонаправленность устремления) среди тех, в чьих жизнях присутствуют эти элементы, даже если религиозная среда, в которой они живут, различна. Неудивительно высказывание Томаса Мертона, что он чувствует большую близость с буддийским монахом, нежели с представителем церковной католической иерархии.

Именно по этой причине межрелигиозный диалог больше практикуют в монастырях, чем где-либо еще. С середины 60-х (межрелигиозная монашеская конференция в Бангкоке, во время которой умер Мертон, впервые проводилась в 1968 г.) этот диалог непрерывно расширялся, и, хотя достижения не всегда заметны, они глубоки и интенсивны. Желание вести диалог более всего выражено в радушной практике взаимного гостеприимства и в продолжительных пребываниях в монастырях, позволяющих гостям и хозяевам разделить повседневную жизнь и некоторые аскетические практики.

Не эта ли антропологическая база монашеской жизни служит также причиной того, что монашеству столь долго удавалось сохранять пусть малое, но значительное присутствие в церквях Реформации, и что оно заново родилось там – сначала робко проявилось в 1800-х, а затем более настойчиво дало о себе знать в прошедшем столетии – в качестве *forma vitae* (формы жизни), уверенной в своем праве на существование и способной духовно просвещать церкви, в которых она присутствует?

Мы не должны преуменьшать или упускать из виду тот факт, что монашество – это, в основе своей, человеческий феномен, потому что именно этой общей антропологической основе мы обязаны и тем, что монашество существует во всех христианских традициях. Поскольку оно присутствует во всех церквях, оно уже представляет собой общую реальность с призванием соединять, а не разделять.

Но есть и другие факторы, делающие монашество плодородной почвой для экуменического диалога.

а) Во-первых, монашество было до разделения церквей⁹: оно восходит корнями своими к *ecclesia ex iudeis*, церкви Сирии, ведущей происхождение напрямую от иудео-христианских общин новозаветной эпохи. В III–IV веках в лоне единой Церкви сформировался и приобрел свои основополагающие характеристики институт христианского монашества. Как результат, мы видим черты неразделенной Церкви неизгладимо запечатленными в монашеской жизни: черты, относящиеся часто к литургической или богословской (святоотеческой), но также и к церковной традиции. Как можно, например, забыть, что в эпоху неразделенной Церкви монашество предлагало свое харизматическое свидетельство в рамках *кйононии* местной церкви, средоточием которой была Евхаристия, совершаемая епископом? А как можно забыть, что монашеская жизнь была принадлежностью мирян, обычных крещеных христиан, – ничем иным как одной из *диаконий* (служений) среди многих других, присутствующих в данной церкви, – *диаконией*, члены которой исповедовали полную преданность жизни в соответствии со своими крещальными обетами и не имели нужды называть себя «посвященными» или хвалиться спецификой, которая ничего не может добавить к крещению и имеет тенденцию затенять единство церковной *плеромы* (полноты)? Пока церкви оставались в единстве, было одно неразделенное монашество, и западная его часть всегда признавала восточное монашество от-

⁹ Cp. Cardinal J. Willebrands, “Le tendenze attuali del movimento ecumenico e il ruolo del monachesimo”, *Vita Monastica* 103 (1970), pp. 199ff.

цов-пустынников, Пахомия и Василия, как свои истоки и *orientale lumen* (свет с Востока)¹⁰.

Это первая причина, почему мы можем считать монашество экуменической территорией, и это причина, вписанная в самые истоки монашества, причина, которая позволит каждой общине обратиться к соединенной Церкви со словами: «Все источники мои в тебе»¹¹ (Пс 86:7). В заключительной части Устава св. Бенедикта монаху, желающему переступить уровень новоначального и идти дальше по пути христианского совершенства, предлагается в качестве духовной пищи «правило святого отца нашего Василия» и учения Восточных отцов, содержащиеся в их собеседованиях (*Collationes*), изречениях (*Instituta*) и житиях (*Vitae*) (см. Устав св. Бенедикта 73:4-6). Пьер Мигель, аббат-бенедиктинец и ученый-патролог, однажды сказал: «В монастырях, более, нежели где-либо еще, можно найти неразделенную Церковь»¹².

б) Монашество – не будем забывать этого – возникло как радикальное стремление следовать за Христом, а значит, как *путь к святости*, а поиск святости в посвященной Богу жизни¹³, даже в стенах разных церквей, – это определенно объединяющая сила. Используя выражение св. Бонавентуры, это *sursum action* – наивысшее действие, т.е. действие *par excellence*, действие, наиболее эффективное в построении единства. Это было подтверждено с пророческой силой и харизматической властью отцом Матта-эль-Мескином, духовником монастыря св. Макария в Египте. В 1967 г.

¹⁰ См. William of Saint-Thierry, *Golden Epistle* (1:1). Монашеская мудрость христианского Востока, по сути, вдохновляла все монашеские реформы на Западе.

¹¹ Буквально с англ. «В тебе мой истинный дом» («Within you is my true home», – Psalm 87:7). Ср. с церковнославянским дословным пер. с греч. «Яко веселящихся всех жилище в тебе». – Прим. пер.

¹² *Lettre de Ligugé* 219 (1983), р. 1.

¹³ Religious life – англ. букв. «религиозная жизнь» в контексте данной статьи следует рассматривать как термин для обозначения монашеской жизни. Здесь и далее переводится как «посвященная Богу жизнь» или просто «посвященная жизнь», что соответствует лат. *Vita consecrata* – название Апостольского обращения Папы Иоанна Павла II в 1994 г.

он писал, что подлинного единства Церкви следует искать прежде всего в духовной жизни: именно здесь мы принимаем немощь Креста, в которой может совершаться сила Божия, и именно здесь Бог созерцает отражение Своей Собственной святости на лицах христиан. Христиане, – продолжает отец эль-Мескин, – должны избегать стремления к такому единству, к которому побуждает чистая эмоциональность, или к единству, спровоцированному желанием достичь лидирующих позиций, образовать коалицию сил, направленных «против» кого-либо еще, увеличить свою численность и мощь¹⁴.

Это понимание святости как соединяющей нас силы – поверх и по ту сторону конфессиональных границ – разделяют все церкви, и все согласятся со словами православного митрополита Евлогия: «Думается мне, что преподобный Серафим или святой Франциск Ассизский и другие великие угодники Божьи в своем жизненном подвиге уже осуществили идею соединения церквей»¹⁵. Святость дает нам ощутить, что конфессиональные перегородки до Неба не доходят и что *paradosis*¹⁶ монашеской харизмы, подлинная передача Святого Духа, присутствует во всех церквях.

Сегодня, оглядываясь на прошедшее столетие, мы сознаем святость, явленную мучениками, сохранившими верность своей вере и своему монашескому призванию при тоталитарных режимах, отдавшими жизнь за Христа и за своих братьев и сестер. Их жизнь и смерть свидетельствуют об общении более глубоком, чем общение видимое. Иоанн Павел II в своей энциклике *Tertio millennio adveniente* попросил составить экуменический мартиролог, который позволил бы экуменизму святых мучеников говорить громче, чем факторы разделения (ТМА 37). Как сказал аббат Поль Кутюре,

¹⁴ Cp. “L’unità dei cristiani”, Matta el Meskin, *Comunione nell’amore*, Bose 1999, pp. 275–287. На англ.: “Christian Unity”, Matthew the Poor, *The Communion of Love*, Crestwood N.Y. 1984, pp. 223–234.

¹⁵ Цитирует Л. Зандер в: *Vision and Action // The Problem of Ecumenism*, London 1952, pp. 107–108. – Прим. авт.; На рус. яз. в оригинале см.: Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни: Воспоминания. Глава 22: Экуменическое движение. – Прим. пер.

¹⁶ Греч. παράδοσις – передача учения, предания. – Прим. пер.

на определенной высоте святости конфессиональные различия теряют силу, потому что святость смотрит за пределы разделения церквей.

Святость, таким образом, – это сила объединения, сила сопричастности и совместного свидетельства: кто забудет, сколь много значит для нас сегодня на католическом и протестантском Западе святой, подобный православному монаху Силуану Афонскому? И как забыть, что в православной церкви *Панагия Кера* около деревни Критса на Крите посетители могут увидеть фреску св. Франциска Ассизского, которая называется “*O Aghios Franziskos*” – Святой Франциск? Если монахи будут подлинно соответствовать своему призванию внутренней цельности, общинной жизни, выраженной вовне, и постоянно обновляемых примирения и милосердия – тем вещам, которые одни только и должны питать их повседневную жизнь – они станут служителями единства и посланниками церковного взаимообщения. «Святые, – сказал митрополит Евлогий, – это граждане единой Вселенской Церкви, и они разрушают перегородки, возведенные христианами, неверными новой заповеди»¹⁷.

с) Третья причина считать монашество естественной средой для экуменического диалога – причина, которой, на мой взгляд, уделяют недостаточно внимания, – заключается в том, что монашеская жизнь всегда отличалась жаждой быть *жизнью обращения*, воз-

¹⁷ Ср. L. Zander, *Vision and Action*, pp. 107–108. – Прим. авт.; Цитата приведена зд. в букв. пер. с англ. На рус. яз., в оригинале, она несколько отличается: «...это святые граждане единой Вселенской Церкви, в известном смысле, в высших небесных сферах, уже преодолевшие вероисповедные разделения; на высоте своих святых душ они разрушили те перегородки, о которых говорил некогда митрополит Киевский Платон...» (см. Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни: Воспоминания. Глава 22: Экуменическое движение). – Прим. пер.; Архиепископ Кентерберийский, д-р Рамзей 22 апреля 1967 г. писал: «Преображеная по образу Христа... мы становимся ближе друг к другу в единстве, Им изволенном. Когда Церковь – по слову Августина – переходит от состояния *ecclesia qualis nunc est* («церковь, какова она сейчас») к состоянию *ecclesia qualis tunc erit* («Церковь, какой она станет в будущем»), раны разделения исцеляются». Цитируется А. Perchenet в: *Renouveau communautaire et unité chrétienne*, p. 468. – Прим. авт.

вращения к истокам, к Евангелию. По одной из апофегм, приписываемых (неслучайно) Антонию Великому, «отец монахов» в старости своей после многих лет монашеских подвигов восклицает: «Сегодня я начну сначала!». Иными словами, «сегодня вновь я предприму попытку обратиться, я еще раз попытаюсь вернуться к Господу». Этот акцент на постоянном обращении, делаемый в монашеской жизни, объясняет, почему история монашества знала столько реформ – как на Востоке, так и на Западе: кажется, что глубинная энергия из сердца монашеской жизни изливается наружу в одной реформе вслед за другой. Обращение и реформа являются неотъемлемыми составляющими личного пути каждого монаха и жизни каждой общины, и, как результат, мы видим постоянный процесс обновления внутри монашества. Обычно говорится *“ecclesia semper reformanda”* («церковь, вечно обновляющаяся») применительно к церкви, но в истории церкви конкретных примеров реформ было мало, и даже там, где они были, прослеживается тенденция столь медленного проведения их в жизнь, что порой все усилия кажутся тщетными. С другой стороны, в истории монашества, можно сказать, что каждое столетие – а в иные эпохи и каждое поколение – переживало реформу, в которой было заключено усилие вернуться к истокам и начать сначала, в духе более глубокого послушания и верности Евангелию.

Закваска Слова Божия жива и единственна в монашестве, несмотря на противоречия в среде его представителей, и от одной реформы до другой *диакония* монашества сопутствует Церкви. Описывая эти процессы монашеского обновления, мы говорим об «основании» нового ордена или общины, поскольку хотим обратить внимание на роль и характер основателя. В действительності же все эти «основатели» только «реформаторы», потому что монашеская жизнь – это *paradosis* (см. прим. 16), традиция, а не основание чего-то нового. Василий Великий реформировал евстафиянское¹⁸ монашество своего времени, св. Бенедикт (Нурсийский)

¹⁸ Евстафий Антиохийский (Ευστάθιος Αντιοχείας; † 337 или 346) – архиепископ Антиохийский, один из Отцов Церкви IV в. – *Прим. пер.*

реформировал монашество, сложившееся в то время в окрестностях Рима, а Ромуальд (Камальдолийский), Бруно (Кверфуртский), отцы-цистерцианцы, Стефан Мюретский и Бернард (Клервоский), – все они реформировали традиционное монашество в ответ на нужды нового поколения. Что касается Востока, там всегда духовный муж (или жена), не обращаясь к созданию новых «правил», запускает монашеский караван в пустыню, приводя его в движение силой обновленной энергии. «Ни одна концепция не обобщает столь эффективно бесчисленные перипетии монашеской истории, как концепция реформы», – пишет Андре Луф¹⁹.

Не тот же ли самый динамизм реформы присутствует и в церквях, называющих себя церквами Реформации? Постановка в центр Слова Божия – в слушании, пении, размышлении, включении его в повседневную жизнь – уже сама по себе является захваткой, приводящей к перемене, к ревизии тех форм жизни, что с ходом времени слишком застыли и утратили свое евангельское наполнение. И если сегодня церкви Реформации восприняли в свою церковную жизнь монашеские общины, возможно, это произошло потому, что они распознали в появлении этих общин ту динамическую силу, что заложена в истоках их собственной церковной идентичности. Благодаря центральному положению Слова Божия в монашеской жизни и следующему из этого особому вниманию, уделяемому реформе, монашество способно говорить с реформированными церквами на одном языке и быть их естественным партнером по диалогу. Послушные своему призванию безусловной верности Евангелию, монашеские общины знают, что призваны говорить категорическое «нет» всякому компромиссу, всякому конформизму и всякому соучастию в делах искусителя, в каком бы обличье он ни предстал им: будь то в императорской короне или в епископской митре²⁰. Неудивительно поэтому, что один из величайших протестантских богословов XX-го столетия, Карл Барт, говорил: «Монашеский образ жизни продолжает суще-

¹⁹ A. Louf, *La dimension œcuménique de la vie monastique*, pro manuscripto, Hauterive 1970.

²⁰ P. Evdokimov, *Le età della vita spirituale*, Bologna 1968, p. 148.

ствовать, потому что этого хочет Господь, Который создает и формирует этот образ жизни в каждую эпоху и в каждой ситуации, а также потому, что монашеская жизнь всегда открыта новому, готова воспринять свободно изливающуюся благодать Божию и откликнуться послушанием на Его свободные повеления»²¹.

д) Я вижу еще одно основание считать монашество территорией экуменизма: монашеская жизнь – это *эпиклеза, постоянное призывание Духа*, внутри церквей. Этим определением монашеской жизни мы обязаны Павлу Евдокимову²², но оно часто встречается и в трудах Оливье Клемана. Велением Духа Святого человек берет на себя подвиг монашества, и продолжать подвизаться на монашеском поприще он или она может только при постоянной помощи, водительстве и укреплении от Духа. Вот почему монах размышляет над Словом Божиим день и ночь, и почему монашеская община – это, прежде всего, место слушания и слышания. Не начинается ли Устав св. Бенедикта словами: “*Obsculta, o fili...*” («Слушай, сын...»)²³ с последующим приглашением внимать голосу Божию и тому, что Дух говорит церквам (Устав Бенедикта, Пролог 1-13)? Монашеская жизнь – это поистине *эпиклеза* в действии, где мы призываем схождение Духа Святого, Который, как в день Пятидесятницы, есть сила «множественного единства»²⁴ – взаимообщения среди тех, кто получил различные дары и силы.

В этой *эпиклезе* – в которой одновременно звучит мольба, чтобы наши братья и сестры получили Духа, дабы они могли стать более верными Христу и достичь духовной зрелости – не может не быть жажды взаимообщения. Если монашество означает «приглашение Христа, Который грядет» (Оливье Клеман), то мы выражаем это

²¹ См. AA.VV., *Visioni attuali sulla vita monastica*, Montserrat 1966, p. 44.

²² Cp. P. Evdokimov, *Le età della vita spirituale*, Bologna 1968, p. 159.

²³ Более полно: «Слушай, сын, уроки учителя, и приклони к ним ухо сердца твоего». – *Прим. пер.*

²⁴ *Plural unity* – англ. «множественное единство» или «плуралистическое единство» – термин, предположительно восходящий к греч. *πλήρωμα*, означающему одновременно полноту и множество. – *Прим. пер.*

желание пригласить Христа не только через наше эсхатологическое ожидание, но и через то гостеприимство, которое оказываем здесь и сейчас приходящим к нам: «Я... был странником, и вы приняли Меня» (Мф 25:35). Мы принимаем Христа, когда принимаем гостей, пришедших нежданно, без оповещения о своем визите, и когда принимаем как братьев и сестер, не прося дать отчет о своей вере, тех посетителей, к кому есть искушение отнестись враждебно из-за их конфессиональной принадлежности. Монастырям следовало бы вывесить на своих вратах и запечатлеть в сердцах своих братий слова, написанные Анджело Ронкалли²⁵ в 1934 г., когда он был нунцием в Болгарии: «Если кто-то среди ночи будет проходить мимо моего дома, он увидит горящую свечу на подоконнике: постучись! Я не спрошу, католик ты или православный. Входи, брат! Две руки раскрываются для объятия, дружеское сердце согревается, радуясь твоему присутствию». В начале 1900-х гг. очень немногие из религиозных деятелей стояли на страже и бодрствовали, но Бог готовил Свой час, и это был час Второго Ватиканского собора, когда Он намеревался разбудить их и через Папу Иоанна XXIII призвать к различению новых знаний времени.

Сегодня в монашеской жизни мы повсеместно встречаем готовность принять другое, отличное от своего, неизвестное, и узнать в других христианах своих братьев и сестер по вере. Мы свидетели исполнения высказанного в 1968 г. пожелания отца Паисия, великого духовного старца горы Афон: «Если западные монахи приезжают на Афон, – пускай приезжают: мы моментально поймем друг друга!»²⁶ Когда монахи, принадлежащие к разным христианским традициям, встречаются друг с другом в контексте общинной жизни, их встреча часто становится событием взаимообщения или, лучше сказать, подлинного и глубоко-

²⁵ Будущий Папа Иоанн XXIII. – *Прим. пер.*

²⁶ Цитируется Андре Луфом: André Louf. *Collectanea Cisterciensia* 32/1 (1970), р. 56. – *Прим. авт.* Русскоязычный читатель может обратиться к статье «Бенедиктинские паломники на Афоне» иеромонаха Антония (Ламбрехтса). См. Церковь и время. 2008. № 1 (42). С. 156–166 и на ту же тему: Там же. С. 167–175. – *Прим. пер.*

го со-причастия, не в смысле общения в Таинствах, но в смысле общения в Духе Святом. При наличии опытного переживания единства конфессиоанльные барьеры перестают существовать, и монахи видят друг в друге собратьев-христиан, разделяющих один и тот же опыт. Они опознают друг друга в единой благодати и в едином духе, они видят, что вовлечены в один и тот же поиск, имеющий общую цель: стяжение Духа Святого, обожение по образу Христову и соучастие в Царствии Божием. Монахи, повстречавшие друг друга в духе истины, часто обнаруживают, что они в действительности очень близки.

Иоанн Павел II, зная об этом, пишет в своем апостольском послании *Orientale lumen*: «Помимо взаимопознания, я считаю очень важными взаимные посещения. Я бы желал, чтобы эту особую работу выполняли монастыри, именно в силу того специфического места, какое занимает монашеская жизнь в лоне Церквей, и благодаря многим общим чертам, объединяющим монашеский опыт, и следовательно, духовное восприятие как на Востоке, так и на Западе» (п. 25). В апостольском обращении *Vita consecrata* епископ Рима возвращается к теме экуменического диалога в контексте посвященной Богу жизни и подчеркивает важность совместного участия в *lectio divina*, общей молитвы и сердечного гостеприимства, проявленного в отношении братьев и сестер различных христианских исповеданий (п. 101). Поистине, говоря словами Иоанна Павла II, Синод пролил свет на «глубокую связь между посвященной Богу жизнью и делом экуменизма» (п. 100).

3. Пророчество экуменизма внутри монашеской жизни

Сегодня мы часто с огромной легкостью рассуждаем о пророческой роли экуменизма в посвященной Богу жизни. Мне хочется быть осторожным, касаясь этого предмета, потому что слишком уж сильный акцент ставится в нынешние последние десятилетия – в действительности отмеченные кризисом религиозности – на этом пророческом измерении посвященной жизни, в попытке

восстановить во многих случаях утраченную идентичность. Верующие не обладают пророческим даром по определению, *ex officio*, но их свидетельство может стать пророческим, если состоит в решительном послушании Евангелию и знамениям времени. Когда верующие не провозглашают, что ходят в свете видения, но знают, как жить в вере (ср. 2 Кор 5:7), когда им дается понимание условности и неполноты всякой *forma vitae*, когда им хватает мужества позволить *agare* и примирению одерживать верх во всяком конфликте, в который они вовлечены, и наконец, когда они принимают свою маргинальность и беззащитность как дар, а не как потерю, требующую как можно более скорого возмещения, в них проявляется дар пророчества.

В *Evangelii nuntiandi* (п. 69) Павел VI определил пророческий характер посвященной Богу жизни как наиболее полное воплощение Заповедей блаженства, но это подразумевает такую посвященную жизнь, которая была бы ницей, кроткой, плачущей, алчущей и жаждущей правды, ищущей мира и, может быть, даже претерпевающей гонения и вражду ради Христа. Иоанн Павел II обратился к верующим с призывом в качестве формы пророческого служения осваивать «новые пути осуществления Евангелия в истории в ожидании пришествия Царства Божия» (*Vita consecrata*, 84) и подтвердил, что общинная жизнь, проживаемая в верности единой цели, сама по себе является «пророчеством в действии» (см. там же, 85). Скажем определенно: посвященная жизнь так же открыта к приятию и выражению дара пророчества, как и любое иное церковное призвание. Это зависит от каждого верующего: принимать этот дар и выражать его через ежедневное обращение. Жизнь, отмеченная абсолютной преданностью Евангелию, целомудрием, посредством которого мы возвещаем, что этот мир проходит, и общинной жизнью, знаменующей единение Царствия Божия, конечно же, способна обнаруживать эсхатологическое и, следовательно, пророческое измерение; но пророчество – великий дар, и дар хрупкий!

Вместо того чтобы превозносить одну конкретную особенность посвященной жизни, я хочу привлечь внимание к тому фак-

ту, что на протяжении этого прошедшего столетия экуменизм действительно был выражением пророчества в определенных формах посвященной жизни – тех, что возникли благодаря отдельным людям (и мужчинам и женщинам), которые через свою послушную отзывчивость Богу и знамениям времени были подлинными бдительными стражами, ожидавшими, предвосхитившими и пробудившими зарю. У меня нет здесь возможности сделать больше, но хотя бы упомяну их имена – ведь и просто назвать по именам этих свидетелей значит сделать ощутимым их присутствие среди нас: они пребывают в общении святых, и с ними мы продолжаем экуменический диалог. Без них экуменизм, практикуемый сегодня в наших церквях, без сомнения был бы обедненным и менее дерзновенным. Давайте выслушаем их имена: отец Пол Ваттсон²⁷ и монахиня Лурана Уайт, дом Ламбер Бодуэн в Шеветони, преп. Поль Кутюре²⁸ и его «невидимый монастырь»²⁹, сестра Антуанетта Бьютт (Antoinette Butte) в Помейрол (Pomeyrol), сестра Женевьеве в Грандшамп (Grandchamp), монахиня Базилия Шлинк³⁰ в Дармштадте, фрау Вера (Frau Vera) в Имсхайзене (Imshausen), отец Амфилохий на Патмосе... Некоторые из этих свидетелей единства,

²⁷ Отец Пол Ваттсон (Пол Уотсон) – англиканский священник из Епископальной Церкви Северной Америки (Греймур), в 1908 г., совместно с монахиней Лураной Уайт, положивший начало восьмидневной Молитве о единстве христиан. – *Прим. пер.*

²⁸ Преп. Поль Кутюре – французский аббат, клирик Лионской епархии, который с 1935 г. стал проводить совместные молитвы католиков и христиан других конфессий.

²⁹ В 1943 г. в журнале «Pages Documentaires» о. Поль Кутюре публикует статью, содержащую идею «невидимого монастыря», который объединяет в молитве христиан различных конфессий. Он писал: «Если каждый четверг вечером, в память о Великом Четверге, постоянно возрастающее число христиан всех конфессий, составляя своего рода сеть, охватывающую мир как огромный невидимый монастырь, будут пребывать в молитве Христа о единстве, не будет ли это зарей единства христиан, встающей над миром?». – *Прим. пер.*

³⁰ Сестра Базилия Шлинк – основательница общины «Сестры Марии», приносившей заместительное покаяние за уничтожение гитлеровцами евреев. – *Прим. пер.*

такие как брат Роже из Тэзе и брат Цезарий (Br. Cesarius) из Остенбака (Ostenback) – до сих пор с нами³¹. Да, мы окружены облаком свидетелей экуменизма, которые через свое внимательное вслушивание в знамения времени и в просьбы о примирении, раздающиеся вокруг них, обновили вечно обновляющуюся (*sempre reformanda*) посвященную жизнь. Вот, где подлинное пророчество посвященной жизни – равно в затворе монахини-траппистки сестры Марии Габриеллы Сагедду³² или вселенском просвещении брата Роже Шютца.

С другой стороны, в иной монашеской среде сегодня – нет смысла замалчивать это – существует противодействие экуменизму, в особенности на христианском Востоке. Уверенность в собственной принадлежности к «истинной Церкви» задавливает на корню желание получить что-либо ценное от других христианских традиций, а результатом становится культивация недоверия к любого рода встречам, обмену, диалогу и поиску возможного пути к единству. Но здесь требуется понимание того, что это недоверие, иногда принимающее формы откровенной враждебности по отношению к экуменизму, имеет ряд различных мотиваций. За семьдесят лет коммунистической власти советский режим привык эксплуатировать экуменическую деятельность как инструмент пропаганды, используя мирный диалог в качестве предлога для создания международного имиджа. В результате, в определенной среде термин «экуменизм» воспринимается как двусмысленный и весьма сомнительный. Сегодня, когда наши братья и сестры на Востоке заново открывают для себя свои корни, они оказываются

³¹ Статья создавалась до 2005 г. Брат Роже Шютц-Марсош (1915–2005), основатель монашеской общины Тэзе (Франция) был убит 16 августа 2005 г. во время богослужения в Церкви Примирения в Тэзе. См. подробнее об общине Тэзе и о брате Роже: «Христианос-Х», 2001 г. С. 105–118; «Христианос-XV», 2006 г. С. 27–51; «Христианос-XVIII», 2009 г. С. 68–72. – *Прим. ред.*

³² Сестра Мария Габриелла Сагедду (1914–1939) – блаженная Римско-Католической Церкви, монахиня женского ордена трапписток, тяжелую болезнь принесла как жертву ради единства христиан. См. «Христианос-Х», С. 10–13. – *Прим. ред.*

ся перед лицом искушения вернуться к прежней идентичности, часто этнической и конфессиональной одновременно. Это – самоутверждение «против» или «вопреки». Как следствие, они видят в экуменизме синкретическое нововведение и продукт Запада, вторгающегося на их территорию и угрожающего их существованию. Главную роль в этом противодействии экуменизму часто играют монашествующие, как, например, в Грузии или в Греции, и этим монашествующим следует напомнить, что, хотя мы и понимаем их мотивы, оборонительная и негативная позиция, занимаемая по отношению к брату или сестре по вере, противоречит *агапэ* – новой заповеди, вверенной нам нашим Господом, – и подчиняется логике мира сего, а не логике веры.

Если говорить о посвященной жизни на Западе, откровенное противостояние экуменизму – сегодня явление редкое. Это наследие лишь нескольких общин, считающих пост-тридентский католицизм, которым они ограничиваются, «неприкосновенной нормой», и рассматривающих экуменизм как угрозу целности догматического учения католичества. Нужно признаться, однако, что многие монашеские и мирянские общинны просто не обращают должного внимания на экуменический путь к примирению: они считают экуменическую деятельность делом выбора или особой харизмы, дарованной экуменическим общинам. В итоге, они планируют и организуют свой образ жизни, свою *диаконию* и свою миссию в обществе и среди церквей, не принимая в расчет иные христианские традиции. Можно вспомнить, как после падения железного занавеса многие конгрегации сочли естественным запустить миссионерские проекты на традиционно православных территориях. Трудно защищать их деятельность там – эффективную, хорошо отлаженную, экономически защищенную, финансово обеспеченную на международном уровне – от обвинений в прозелитизме, и их присутствие на этих территориях оказывается раной, провалом, обусловленным неспособностью учитывать другие традиции, которые мы, однако же, продолжаем называть «церквами-сестрами».

В завершение не могу не очертить пророческий горизонт для посвященной жизни, что становится тем более неотложным, чем более «прохладная» ситуация складывается в сфере экуменизма, как мы имеем это на сегодняшний день. Я имею в виду возможность посвященной жизни, в которой христиане разных деноминаций, еще не примиренных между собою, ведут совместную жизнь. Да, это требует огромной доли мужества, евангельского дерзновения и *parresia* (максимальной искренности)³³, но также это требует большого взаимного смирения, способности оставить позади конфессиональные богатства, не существенные для *sequela Christi*³⁴, и готовности пройти лишнюю милю³⁵. Наконец, это требует внутреннего огня, жажды взаимообщения, толкающих нас вперед в поиске «множественного единства» и позволяющих смотреть вдаль и прозревать то единство, идти к которому мы должны *совместно*.

Среди других тем для обсуждения Синоду 1994 г. по вопросам Посвященной жизни³⁶ было предложено рассмотреть возможность существования межденоминационных религиозных общин. Ответа дано не было – вероятно, ответ был и невозможен. Тем не менее, то тут то там межденоминационная монашеская жизнь начинает приоткрывать пути, на которых экуменизм снова становится пророчеством внутри монашества. Некоторые христиане ведут совместную жизнь, разделяя одно и то же призвание и одно и то же служение, даже несмотря на отсутствие пока видимого единства между церквами, к которым они принадлежат.

³³ От греч. παρρόησία – полная откровенность. – *Прим. пер.*

³⁴ *Sequela Christi* – лат. «следование за Христом». – *Прим. пер.*

³⁵ Ср. Мф 5:41 «и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два». В греч. оригинале то, что передано в рус. Синод. пер. словом «поприще», – μίλιον, букв. «миля» – имеется в виду «римская миля», мера длины, равная примерно 1,5 км. – *Прим. пер.*

³⁶ Синод епископов Римско-Католической Церкви, специальноозванный Папой Иоанном Павлом II для рассмотрения значения и перспектив посвященной Богу жизни. Его результатом стало Апостольское обращение Иоанна Павла II “*Vita Consecrata*”. – *Прим. пер.*

По определению Псевдо-Дионисия, монах – это тот, «кто целостен (един внутри себя) или взыскивает цельности (единства, собранности воедино)»³⁷. Когда монахи внутри себя устремлены к поиску единства, утраченного через грех, они становятся способны трудиться во имя единства с остальными. Пока не достигнуто внутреннее единство, единство христиан и единство между церквами невозможно.

Да будет дарована Духом Святым новая Пятидесятница в монашеской жизни: тогда это станет пророчеством для Церкви и для мира!

*Перевод с английского
Татьяны Прохоровой*

³⁷ Ср. *Флоровский, Г. В., прот.* Византийские отцы V–VIII вв.: «По толкованию Дионисия имя монаха показывает ту целостную и нераздельную, “единовидную” или монадическую жизнь, которую они должны вести. Они должны устремлять свой дух к “Боговидной монаде”, должны преодолевать всякое рассеяние, собирать и объединять свой дух, чтобы в нем отпечатлевалась Божественная монада». (Ссылка в интернете: <http://www.magister.msk.ru/library/bible/history/florov02.htm>) – *Прим. пер.*

Светлана Панич

«НЕСТИ СВЕТ ТЕМ, КТО ВО МРАКЕ...»

*Письма и дневниковые записи
св. Терезы Калькуттской*

Писать о святой Терезе Калькуттской, о матери Терезе, как называл ее весь мир, трудно по нескольким причинам. Во-первых, потому, что о ней, невероятно тяготившейся своей известностью одной из самых знаменитых личностей XX века, написано довольно много. «Лучезарная матушка», первой появлявшаяся со своими сестрами в любой точке беды и бравшаяся за самую неприглядную работу, в дни войны в Ираке в 1991 году, просившая президентов воюющих стран подумать о беззащитных, о бедных, о тех, кого изуродуют и искалечат, как о своих детях, любившая, как признавалась она в письме к духовнику, «милые вещицы, красоту и уют» и отказывавшаяся есть сладости потому, что они недоступны беднякам. «Самоотверженная монахиня, указавшая Церкви новый путь социального служения», Нобелевский лауреат, согласившаяся принять премию только ради отверженных и никому не нужных, «одна из самых влиятельных женщин мира», как называли ее газеты. Однако – и это вторая трудность – сквозящее во всем о матери Терезе написанном искреннее восхищение, равно как и неподдельное удивление тем, что подобная, добровольно избранная жизнь возможна, в саму суть этой жизни, как правило, не проникает и содержания ее не передает.

В значительной степени, смысл того, что делала мать Тереза, раскрывается в ее дневниках и письмах, но представлять их еще сложнее. Прежде всего, потому, что мы неизбежно сталкиваемся с этической дилеммой выбора между уважением к воле человека и благом Церкви. Мать Тереза не хотела, чтобы ее переписка была известна кому-либо, кроме прямых адресатов, она неоднократно просила у духовников благословения уничтожить письма, – боялась

не только досужего любопытства, но и чрезмерного внимания к своим заслугам.

«Я хочу скжечь все письма, – признавалась она епископу Калькутты Фернану Перье, – все, где хоть что-нибудь сказано обо мне. Ваше Высокопреосвященство, очень прошу, умоляю Вас, не откажите в моей просьбе: мне хочется, чтобы тайны, которые открывал Бог, оставались между нами, мир об этом ничего не знает, вот пусть так и будет. [...] Я была всего лишь Его слабым орудием, а теперь Его воля открылась в Конституциях¹ и в письмах надобности нет».

Год спустя она пишет еще определенней: «Я хочу, чтобы все принадлежало только Ему. Когда станет известно, как все начиналось, люди заговорят обо мне – и не заметят Иисуса».

Во время процесса канонизации выяснилось, что большая часть ее переписки, тем не менее, сохранилась. В письмах открылись те обстоятельства внутренней жизни матери Терезы, о которых многие даже помыслить не могли. «Все видели, – вспоминал один из духовных наставников матери Терезы, о. Йозеф Нейнер, – как отважно она защищает свое дело, видели ее неистощимую любовь к бедным и страждущим, готовность страдать, но никто не догадывался о ее “ночах духа”. Всегда приветливая, не знавшая усталости, она ничем не выказывала своих страданий. [...] Сделанные ею записи помогают увидеть, на чем держался ее труд. Сестрам, да и не только им, было бы очень полезно понять, что истоки его – в тайне служения Христова, в единении с Тем, Кто в одиночестве умер на Кресте»². Именно это обстоятельство, равно как и понимание того, что исключительность опыта матери Терезы, принятый ею незримый путь духовного изгойства таинственным образом, соединяет, роднит ее с бесчисленным множеством потерянных, обезверившихся, ищущих милости и надежды, во многом оправдали публикацию ее писем – свидетельства соучастия, осуществленного на той глубине, куда редко кто осмелится спуститься.

¹ Речь идет о Конституциях Миссионеров Милосердия. – *Прим. пер.*

² *Мать Тереза. Будь Моим светом. Дневники и переписка матери Терезы Калькуттской.* М., 2010 г. С. 17.

Рассказать об этой переписке сложно еще и потому, что в ней открывается та сторона отношений между человеком и Богом, о которой, говоря словами св. Григория Нисского, «подобает хранить молчание», или, по крайней мере, говорить с предельной осторожностью. Мать Тереза целомудренно оберегала свою внутреннюю жизнь от посторонних глаз. Иное дело – духовники, но и в письмах к ним она часто признается в невозможности выразить словом то, что с ней происходит, и воспринимает эту невозможность как необходимость отказаться от всего, даже от привычных слов, чтобы расслышать Бога, взывающего к состраданию не только в бездомных, прокаженных, нищих, но в каждом встреченном человеке. Поэтому из многообразного эпистолярного наследия матери Терезы Калькуттской, в значительной части опубликованного в подготовленной руководителем процесса ее канонизации о. Брайаном Колодейчуком книге *“Come To Be My Light”*³, мы решили представить в альманахе «Христианос-XX» письма, которые говорят не столько о самом опыте, который мать Тереза утаявала даже от собственных сестер, сколько о том образе святости, который в нем открывается.

Каждый святой – ответ на вопрос своего времени и вызов ему. Ответом или, говоря словами Честертона, «противоядием» разобщенности XX столетия, отчужденности человека от мира и самого себя, могла стать только святость, снимающая все социальные, культурные, религиозные границы в безусловной и безраздельной сопричастности человеку как таковому. Подобное представление о праведности проходит сквозь всю иудео-христианскую традицию. Оно объединяет жившего в III веке мученика Никифора, пошедшего на смерть за своего друга, пресвитера Саприкия; св. Иоанникия Великого, принявшего на себя не только покаяние, но и искушение пришедшей к нему юной монахини и ребе Зусю из «Хасидских историй» Мартина Бубера, сложившего со своей души «все достигнутые ею степени», чтобы она могла соединиться

³ Русская версия книги «Будь Моим светом. Дневники и переписка матери Терезы» вышла в издательстве «Книжный клуб 36.6» (Москва, 2010). – Прим. перев.

с душой грешника. ХХ век, уверовавший в то, что «ад – это другие» и осуществивший этот ад, расчетливо упраздняя «других», потребовал более радикальной и рискованной сопричастности: если Бог, говоря словами Эли Визеля, «здесь, на этой виселице», значит, соединиться с Ним можно только в крайней точке человеческой уязвимости – и в Божественном, но открытом человеку, ответе на эту уязвимость. Интуиция спасительного единства с человеком оказалась настолько очевидной, что ее практически одновременно расслышали Православная и Католическая Церкви. В конце 30 годов мать Мария (Скобцова) говорит о том, что «путь к Богу лежит через любовь к человеку – и другого пути нет», а пройдет чуть меньше двух десятилетий – и мать Тереза напишет первым сестрам, что утолить жажду Христову можно только утолив человеческую жажду. Снимающая конфессиональные барьеры общность этого образа святости заслуживает отдельного размышления, а пока скажем, что если для матери Марии смысл христианства в том, чтобы отдавать полностью, без остатка, ничего для себя не оставляя и ничего не ожидая в ответ, то для матери Терезы таким ключевым словом становится «разделить». Как видно из первого, по-детски угловатого, письма к настоятельнице конгрегации Лоретанских сестер, где началось монашество матери Терезы, эта потребность осознается ею довольно рано:

Досточтимая матушка настоятельница!

Будьте так добры, выслушайте мою просьбу. Я очень хочу вступить в Вашу конгрегацию, чтобы когда-нибудь стать монахиней-миссионеркой и трудиться ради Иисуса, ведь Он умер за всех нас.

Я закончила пятый класс средней школы. Из языков знаю албанский (это мой родной язык) и сербский⁴, еще немного говорю по-французски. Английского я не знаю вообще, но, надеюсь, благой Бог поможет мне выучить, сколько нужно, и уже сейчас берусь за упражнения.

⁴ На этом языке велось преподавание в школе. – *Прим. перев.*

Никаких особых условий мне не требуется. Я хочу одного – быть миссионеркой, а в остальном предаю себя воле благого Бога.

Писано в Скопье 28-IV-1928

Гонджей Бояджиевич

Конгрегация Лоретанских сестер, миссии которых в 30-е годы находились в Индии, была «учительской» – сестры содержали школы и пансионы для девочек. В 1931 г., вскоре после первых обетов, тогда еще сестру Терезу, переводят из Дарджилинга, где она проходила новициат, в калькуттский монастырь и посылают преподавать на бенгальском отделении женской средней школы Пресвятой Девы Марии. По воскресеньям сестры навещали калькуттских бедняков, и поначалу мать Тереза очень радовалась тому, что может хоть чем-то их утешить:

Каждое воскресенье я навещаю бедняков, что живут в трущобах Калькутты, – писала она друзьям в Скопье. – Мне нечем им помочь, у меня самой ничего нет, я прихожу лишь за тем, чтобы их порадовать. В прошлый раз примерно двадцать малышей ждали свою «матушку»⁵ и, завидев меня, вприпрыжку побежали навстречу. Я вошла во двор. В этом *para* – так называют здесь несколько стоящих рядом домиков – живут двенадцать семей. У каждой по комнате – в два метра длиной и полтора в ширину. Дверь такая узкая, что пряткиваешься с трудом, а потолок такой низкий, что не распрямиться... Теперь я не удивляюсь ни тому, что мои маленькие бедняжки так любят школу, ни тому, что многие из них страдают от чахотки. Их несчастная мать совсем не жалуется на бедность. Видеть все это очень больно, и вместе с тем, я счастлива – они так радуются, когда их навещаешь.

⁵ В Бенгалии к Лоретанским сестрам, равно, как и к прочим монахиням с вечными обетами, было принято обращаться «мать» (Mother). Но мать Терезу любили настолько, что называли ее по-бенгальски “Ma”, чему примерно соответствует русское «матушка».

В прошлый раз мать семейства на прощанье сказала: «Ой, матушка, приходите еще! Когда Вы улыбаетесь, как будто солнышко в дом заглянуло!»

Однако довольно скоро мать Тереза понимает, что краткие визиты вряд ли существенно переменят жизнь бедняков. Как бы ни старались сестры, это помочь «с другого берега» – после нескольких часов благотворительности они возвращаются за стены монастыря, а их подопечные остаются один на один со своими горестями, в привычной для них безысходности, о которой добрые «гости» в монашеском платье мало что знают. Да, эти люди нуждаются в пище, лекарствах, утешительном слове, но еще больше они нуждаются в том, чтобы им вернули достоинство и надежду, а для этого навещать их мало – с ними надо быть, разделить не только нищету, но неверие, забитость, отверженность и отчужденность, в том числе, от самих себя. Можно предположить, что во многом пониманию этого способствовал принесенный в 1942 году тайный обет: «ни в чем не отказывать Богу». Если Бог стал человеком, сказать Ему «да» можно только согласием до конца разделить страдания человека, спуститься в его тьму, чтобы вместе выйти к свету. В том же ключе мать Тереза осмысливает и таинственный опыт, пережитый ею 10 сентября 1946 года, когда она сполна и несомненно осознала свое призвание:

Мне было велено оставить Лорето, где я была счастлива, – писала она впоследствии одному из своих собеседников, британскому журналисту Малкольму Маггериджу, – и выйти на улицу, чтобы служить беднейшим из бедных. Я ехала в поезде и вдруг явственно услышала, как Бог зовет меня оставить все, следовать за Ним в трущобы – служить Ему в бедняках. [...] Я точно знала: это Его воля, и я должна идти за Ним. Сомнений не оставалось: пришло время Его деяний.

Поначалу о «призвании внутри призыва», как называла мать Тереза открывшийся ей путь, знал только ее духовник, о. Целес-

тин Ван Эксем, довольно долго сдерживавший ее решимость немедленно оставить монастырь и переселиться в трущобы. Однако в начале 1947 года, когда ей кажется, что откладывать более нельзя, она осмеливается подробно написать о случившемся с ней тогдашнему архиепископу Калькутты Фернану Перье:

Монастырь Божьей Матери Лоретанской
13 января 1947 г.

Ваше Высокопреосвященство!

С прошлого сентября меня переполняют странные чувства и мысли. Во время восьмидневных духовных упражнений в Дарджелинге они проявились отчетливей и сильней. По возвращении я рассказала обо всем о. Ван Эксему и показала ему заметки, сделанные в те дни. Он сказал, что, по его мнению, это от Бога, но сейчас надо только молиться и никому об этом не рассказывать. Я по-прежнему открываю ему все, что происходит у меня в душе – свои помыслы и чувства, – и вчера он мне написал: «Я не вижу препятствий к тому, чтобы Вы устно или в письме рассказали о случившемся Его Высокопреосвященству. Напишите ему со всей искренностью и доверием, как дочь отцу, безбоязненно расскажите о том, как это происходило, сообщите, что Вы советовались со мной и я со всей ответственностью полагаю, что Вы вправе представить Его Высокопреосвященству свой случай.

Но прежде, чем начать, я хотела бы сказать Вам: одно лишь слово Вашего Высокопреосвященства, и я никогда не буду возвращаться к странным мыслям, которые меня неотступно посещают.

Весь последний год мне хотелось только одного – отдать все Христу и сделать так, чтобы другие люди – в первую очередь, индузы, к Нему пришли и всем сердцем Его полюбили, хотелось полностью разделить жизнь моих индийских девочек, чтобы любить Его так, как не любил никто прежде. Сперва я думала, что это всего лишь одно из моих

безумных желаний. Я читала о жизни сестры Марии Кабрини⁶. Она столько сделала для американцев, потому, что смогла стать для них своей. Так неужели я не смогу сделать в Индии то же, что сделала она для своих? Она не ждала, пока к ней придут – шла сама, вместе со своими преданными помощниками. Почему я не могу сделать для Него здесь то же?

Здесь так много душ – чистых – святых душ, что рвутся отдать себя Богу. Европейские ордена для этого слишком богаты – они больше получают, чем отдают. – *«Неужели ты не поможешь?»*⁷ Но как? Я всегда была очень счастлива в Лоретанской общине. И теперь оставить все, что я люблю, обречь себя на новые труды и страдания, а они будут велики, стать посмешищем для многих – и особенно для монашествующих, добровольно взвалить на себя тяготы индийской жизни, согласиться на одиночество, поношения, неопределенность, и все только потому, что этого ждет Христос, и какая-то сила зовет меня «оставить все и собрать немногих, чтобы жить Его жизнью – делать в Индии то, что Он делал. Эти мысли доставляли мне немало мучений, но голос настойчиво твердил: *«Неужели ты Мне откажешь?»* Однажды, во время Святого Причастия, я очень отчетливо расслышала, как тот же голос говорит: *«Мне нужны индийские монахини, которые принесли бы себя в жертву ради любви ко Мне, стали бы Марфой и Марией, так прочно соединились бы со Мной, что сами излучали бы Мою любовь к душам. Мне нужны свободные монахини, облеченные в бедность Креста. Мне нужны кроткие монахини, облеченные*

⁶ Св. Мария Франциск Ксаверий Кабрини (1830-1917) – итальянская монахиня, основательница Конгрегации Миссионерок Святейшего Сердца Иисуса, члены которой помогали итальянским эмигрантам в США, а также работали в больницах, детских домах, приютах и школах. Была канонизирована в 1946 г. Она стала первой американкой, причисленной Католической Церковью к лику святых.

⁷ Здесь и далее обращенные к матери Терезе слова Христа выделены курсивом.

в послушание Креста. Мне нужны любящие монахини, облеченные в милость Креста. Неужели ты Мне в этом откажешь?» И потом, в другой день: «Ты обручилась со Мной ради Моей любви. Ради Меня ты приехала в Индию. Вот как далеко привела тебя жажда спасать души. И теперь ты боишься сделать еще один шаг ради своего Возлюбленного, ради Меня, ради душ? Неужели твоя щедрость оскудела? Неужели теперь Я для тебя не дороже всего? Ты не умирала ради душ – вот почему тебе безразлично, что с ними будет. Твое сердце никогда не сжалось от скорби, как сердце Моей Матери. Мы оба отдали ради людей все, а ты что же? Ты боишься, что потеряешь призвание, смеаешься с миром и не устоишь. Нет, твое призвание в том, чтобы любить, страдать, спасать души и, решившись на этот шаг, ты исполнишь намерение Моего сердца. Вот твое призвание. Ты будешь одеваться, как индианки, или, вернее, как Моя Матерь – просто и бедно. Твое нынешнее облачение свято, ибо оно Мой знак. Твое сари тоже будет свято, ибо оно тоже станет Моим знаком». Я попыталась убедить Господа, что постараюсь стать очень преданной, святой Лоретанской монахиней, принести себя в жертву Ему в этом призвании, но в ответ ясно услышала: «Мне нужны индийские монахини, миссионеры милосердия, которые принесут пламя Моей любви бедным, больным, умирающим, детям. Бедные, вот кого Я хочу, чтобы ты ко Мне привела, и сестры, что принесут себя в жертву ради Моей любви, будут приводить ко Мне эти души. Я знаю, ты самый неподходящий для этого человек, слабый и грешный, но потому Я избрал тебя, чтобы явилась Моя слава. Неужели Ты мне откажешь?» Эти слова, точнее, этот голос, меня испугал. Сама мысль о том, чтобы есть, спать, – словом, жить, как индусы – приводила в отчаяние. Я долго молилась, очень крепко молилась – умоляла Матерь нашу Марию попросить Иисуса о том, чтобы Он отвел все это от меня. Но чем больше я молилась, тем отчетливей голос звучал в моем сердце,

и тогда я стала просить о том, чтобы Он сделал со мною все, что захочет. Он просил снова и снова. А однажды я совсем ясно услышала: «*Ты всегда говоришь: “Делай со мной все, что захочешь”. Настало время Мне действовать. Позволь Мне, дитя Мое, возлюбленная Моя. Не бойся. Я буду с тобой всегда. Ты будешь страдать, ты и сейчас страдаешь, но если Ты – Мое дитя, Моя возлюбленная – возлюбленная Распятого Христа, тебе предстоит понести эти муки в своем сердце. Позволь Мне действовать. Не откажи Мне. Доверься Мне с любовью, доверься Мне слепо. Дитя Мое, приведи ко Мне души. Приведи ко мне бедных уличных детей. Знала бы ты, как больно смотреть на этих несчастных малышей, уже запятнанных грехом. Я тоскую по их чистой любви. Если бы ты только согласилась привести ко Мне эти души, вырвать их из лап зла. Знала бы ты, сколько детей гибнут во грехе день за днем. О богатых, способных трудиться людях, заботится множество монахинь, а о Моих нищих – совсем никто. Но о них Я тоскую – их Я люблю. Неужели ты Мне откажешь?» [...]*

Я рассказала Вам обо всем, что происходило между мною и Им в эти дни усердной молитвы. И сейчас мне совершенно ясно, что предстоит делать.

Призвание

Стать индианкой – жить с ними – как они, чтобы достучаться до их сердец. Орден будет основан не в Калькутте, а в Коссипоре – это открытое пустынное место, или при церкви св. Иоанна, что в Сильде, здесь сестры проведут год созерцательной жизни в новициате – они будут учиться по настоящему познавать себя – и год деятельной. Сестры будут жить в полной бедности – это Бедность Креста: ничего, кроме Бога. Если они полюбят нестяжание, у них не останется ничего, что держало бы их вовне, а жить они будут

трудами своих рук: францисканская бедность и бенедиктинские труды.

В Орден будут принимать девушки разных национальностей, но все они должны любить Индию. Одежда их будет совсем простая: длинное белое платье с длинными рукавами, легкое голубое сари, белый монашеский покров, сандалии, никаких носков. Крест, веревка, розарий.

Сестры должны будут как можно больше узнать о внутренней жизни – от святых пастырей, чье дело помогать им нераздельно соединиться с Богом, чтобы нести Его свет тем, кому они будут служить. Им предстоит стать настоящими жертвами – иначе не скажешь – во всех смыслах индийскими жертвами за Индию. Любовь должна быть для них словом, огнем, чтобы они могли «иметь жизнь в избытке». Если монахини совсем бедны, им ничто не мешает любить только Бога, одному Ему служить и принадлежать только Ему. Два года полного уединения научат их хранить внутреннюю жизнь в самой гуще внешних событий.

Чтобы восстановить силы и укрепить дух – один из дней каждой недели сестры будут проводить в доме – Материнском доме того города, куда они посланы на миссию.

Работа

Работа сестер будет состоять в том, чтобы идти к людям. Никаких пансионов, но множество школ – бесплатных – и только до второго класса. В каждый приход пойдут две сестры – одна к больным и умирающим, другая – в школу. Когда сестер станет больше, в приход может быть направлено несколько пар. Сестры будут заниматься с малышами, играть с ними и так ограждать их от улицы и греха. Школы мы создадим в самых бедных частях прихода, чтобы увести детей с улицы и опекать, пока их родители зарабатывают на хлеб. Сестра, которой поручено заботиться о больных – она

же ухаживает за умирающими – должна обеспечить им все, что делают в больнице, если не больше: мыть их и готовить ко встрече с Ним. В установленное время сестры, работающие в разных приходах, будут собираться в назначеннем месте, чтобы идти домой, где будут полностью отгорожены от мира. Так в городах, где бедных много. В деревнях – все то же, только они смогут покинуть свою деревню лишь после того, как закончат работу. Чтобы передвигаться как можно легче и быстрей, каждой монахине надо будет научиться ездить на велосипеде, а некоторым – водить автобус. Это, может быть, чересчур новомодно, но люди умирают без заботы – без любви. Сестры – истинные Жертвы станут выполнять работу, которая больше всего нужна для христианского апостольства в Индии. Кроме того, они будут содер-жать лечебницу для тяжелобольных детей. Монахини этого Ордена будут называться «Миссионерами Милосердия» или «Сестрами Миссионерами Милосердия».

Бог призывает меня со всем моим недостоинством и грехами. Мне очень хочется отдать все, что у меня есть, ради спасения душ. Конечно, меня сочтут сумасшедшей: после стольких лет начать с нуля дело, которое принесет, в основном, страдания, но Бог велит мне вместе с несколькими такими же взяться за работу, объявить бой дьяволу и отвоевать у него тысячи детских душ, которые он губит день за днем.

Вышло довольно длинно, но я не скрывала от Вас ничего. [...] Поверьте, я ищу одного: принадлежать только Ему, принести себя во всесожжение ради Него и близких. Так хочется, чтобы побольше людей полюбили Его всем сердцем. Поэтому, если Вы сочтете нужным, если Вы позволите, я готова исполнить Его волю. Не думайте о моих чувствах или о той цене, какую придется заплатить – я готова, ибо давно вверила себя Ему без остатка. Если же Вам все это покажется заблуждением – я и такое приму, и в этом без остатка принесу себя в жертву. Посылаю это письмо через о. Ван

Эксема. Я разрешила ему рассказывать все, что он знает о беседах между мною и Богом касательно работы. [...] больше времени, чтобы молиться и готовиться к Его приходу.

Прошу Вас, молитесь обо мне, о том, чтобы я стала монахиней, угодной Еgo Сердцу.

Преданное Вам дитя в Иисусе Христе,
Мария Тереза».

Архиепископ Перье согласился предоставить «дело» церковным властям, и вскоре мать Тереза (к тому времени ее перевели в монастырь, находившийся в соседнем с Калькуттой городе Асан-сол) пишет ему снова:

Монастырь Божьей Матери Лоретанской
Асансол

Ваше Высокопреосвященство!

Огромное спасибо за письмо. Вполне понятно, что сейчас Вы ничего не станете делать и не будете спешить с ответом. Когда-нибудь оно [разрешение] непременно придет, и уверена, Вы тут же, первым, станете во всем помогать нашей юной Конгрегации.

Вы пишете, что хотели бы представить дело церковным властям в Риме, где его со всей строгостью изучат. Я была бы крайне признательна, если бы Вы поговорили об этом со Святейшим Отцом. [...] Расскажите о бесчисленном множестве разрушенных семей здесь, в Индии, в Калькутте, везде. Ради того, чтобы сделать этих обездоленных людей счастливей, чтобы милость Христова пришла в их мрачные жилища, Господь просит нас с сестрами принести себя в жертву. Бедность, труд, рвение приведут нас в каждый дом, помогут собрать детей, что растут в этих несчастных семьях. [...] В бедности, какую мы избрали или, точнее, какой ждет от нас Бог, мы будем совершенно свободны. Есть несколько индианок, девушки из англо-индийских семей и даже из Европы, которые уже сейчас рвутся отдать все Богу и

разделить жизнь местных жителей – в какую бы страну их ни послали. [...] У меня нет доказательств, но я точно знаю, что зовет нас Бог. А если ничего не выйдет – я не боюсь. Даже если одну семью, одно бедное дитя сделает счастливей любовь Христова, скажите, разве не стоит отдать ради этого все? Разве это не стоит всех Ваших беспокойств? [...]

У тех, кто живет в нищете – знали бы Вы, как страдают матери – из-за своих детей – жены из-за своих мужей. Мы с сестрами станем заботиться об их малышах – приходить в их дома, чтобы ухаживать за больными, стариками, умирающими. Сестры будут учить молодых жен, как вести дом и сделать семейную жизнь счастливей. Есть немало мест, куда никогда не приходят священники, но сестры своими трудами смогут проникнуть в каждую лачугу – всюду, где теплится человеческая жизнь, где есть душа, которую ищет Иисус. [...]

Я же буду ждать – ждать так долго, как захочет того Святейший Отец, но достаточно одного его слова, и я тут же оставлю все, чтобы вести жизнь в полной бедности и предать себя Христу.

Вы спросите, есть ли сестры, готовые ко мне присоединиться. Я знаю, чем живут многие девушки, и на что они готовы ради Христа. О сестрах я не беспокоюсь. Бог усмехнется. Чем больше мы Ему доверяем, тем больше Он может сделать для нас. [...]

Прошу Вас, молитесь обо мне, чтобы мне стать смиренной, щедрой монахиней, чтобы Он мог распоряжаться мною, как Ему угодно.

Преданное Вам дитя в Иисусе Христе,
Мария Тереза.

Ответа не последовало, и через несколько недель, накануне Пасхи 1947 г., мать Тереза убежденная в том, что промедлением она отказывает Богу, осмеливается напомнить о своей просьбе:

[...] Ваше Высокопреосвященство, позвольте мне начать, позвольте отдать себя ради них, позвольте вместе с теми, кто ко мне присоединится, принести себя в жертву ради этих, никому не нужных, бедняков, ради брошенных уличных детей, ради больных, умирающих, нищих, позвольте пойти в их лачуги и принести в их убогие жилища радость и мир Христов. Я знаю, Вас пугает моя затея. Вы боитесь: а вдруг ничего не получится. Ну и что с того? Разве единственная душа не стоит всех возможных страданий? А наш Господь, разве Он не поступил так же: какой позор Он пережил на Голгофе, на Кресте – и все ради меня, грешной.

Скажу Вам честно, от всего сердца: мне нечего терять. Все, начиная с настоятельниц, будут надо мной потешаться. Они сочтут меня полной дурой, решат, что я возгордилась, сошла с ума и т.п. Но что, если благому Богу зачем-то понадобилось мое имя? Я принадлежу Ему и только Ему – остальное мне неважно. Если Он со мной – я смогу без всего обойтись. Нам – мне и тем, кто со мной пойдет – бояться нечего. Он позаботится о нас. Если за одну лишь чашу воды Он обещал столько благ⁸, так неужели оставит тех, кто привнес Ему свое сердце в жертву ради бедных? Бог все усмехнется. Я же только слабое орудие в Его руках, и выбрал Он меня лишь потому, что я ничего не стою. [...]

Я хочу только одного – сделать то, что Ему угодно. Его боль, Его скорбь по этим убогим детям, по обездоленным, умирающим во грехе, по бесчисленному множеству несчастных, разбитых семей, неизмерима. Я беспомощна перед этой бедой, но при всем своем убожестве очень хочу утешить Его сердце.

Вам может показаться, будто я ищу только радости от того, что отдаю Богу все и этим утешу Его сердце. [...] Это правда, но я понимаю, ценой каких страданий будет оккуплена эта радость. По натуре я чувствительна, люблю милые

⁸ См. Мф 10:42.

красивые вещицы, уют и все, что с ним связано. Мне очень нужно любить и быть любимой, но я знаю, что у Миссионеров Милосердия ничего этого и в помине не будет. Только полная бедность; да и потом, чтобы жить так, как живут индусы, причем самые бедные, придется все время выкорчевывать непомерно разросшееся, себялюбивое «я». И все же, Ваше Высокопреосвященство, поверьте, я искренне, всей душой, рвусь к этой жизни – ради того, чтобы утешилось скорбящее Сердце Христово. Ваше Высокопреосвященство, пожалуйста, позвольте мне начать. Станем доверять Ему слепо, и Он увидит, что мы еще не потеряли веру. [...]

Ваше Высокопреосвященство, очень прошу Вас, не медлите, не откладывайте наше дело. Души гибнут без любви, без заботы. Спросите, не называя имен, любого из приходских священников, и они Вам скажут, как нужны такие сестры. [...]

Индию опять трясет от ненависти⁹. Я слышала, что в Калькутте снова беспорядки. Миссионеры Милосердия могли бы оказаться сейчас там и пересилить ненависть любовью. Вы скажете: да что вы с несколькими индийскими девушками можете сделать? Сами по себе – ничего, но вместе со Христом мы, готовые принести себя в жертву, способны творить чудеса. [...]

Ваше Высокопреосвященство, простите, что все время донимаю Вас просьбами, но другого выхода у меня нет. Давайте вместе утешим Сердце Христово, избавим Его от невыносимых страданий. Думайте не о том малом, что мы потеряем, а о радости, которую принесем Христу. [...]

Не знаю, даровал ли Вам Святой Дух эти намерения и мысли, поэтому продолжаю просить о том, чтобы Он Вас наставил.

Пожалуйста, помните обо мне в нынешние дни покаяния и молитвы, молитесь, как можно чаще молитесь о том, чтобы я еще крепче любила Бога.

⁹ Речь идет о массовых беспорядках, которые начались в Индии вскоре после объявления независимости.

С пожеланиями светлой Пасхи,
Преданное Вам дитя в Иисусе Христе,
Мария Тереза.

Из последующей переписки с церковными властями со всей несомненностью видно, что создаваемое ею сообщество было призвано явить Церкви не только небывалый ранее опыт миссионерского служения, но, прежде всего, качественно новый образ жертвенного единства. В июне 1947 г. мать Тереза, в ответ на просьбу архиепископа Перье «сосредоточиться и подробно изложить, что и как она намеревается делать», шлет ему обстоятельную программу жизни будущей конгрегации:

Монастырь Божьей Матери Лоретанской
Дарджилинг
Праздник Тела Христова, 1947 г.

Ваше Высокопреосвященство!

В последнем письме Вы велели: «Прислушайтесь к тому, что Вам откроет Святой Дух, и в мое отсутствие постарайтесь описать, как Вы предполагаете работать».

В дни новенны ко Святому Духу я набросала несколько идей, которые могли бы мне пригодиться, и сегодня, с Божьей помощью, попытаюсь ответить на Ваши вопросы.

1. Что и как именно Вы намерены делать?

Господу нужны индийские монахини, которые принесли бы себя в жертву Его любви, соединились бы с Ним настолько, что сами излучали бы Его любовь к людям, монахини, которые воспримут образ жизни индусов, будут одеваться, как они, станут Его светом, пламенем Его любви для бедных, больных, умирающих, нищих, уличных детей. Чтобы исполнить Его просьбу, я хочу стать индианкой, разделить эту жизнь ради Него и бедных. Мы сможем неразрывно соединиться с Ним только если сами будем бедны – свободны

от всего. Это бедность Креста – Полная Бедность, она даст нам увидеть в бедных Бога. Ангельская чистота – чтобы мы всегда откликались по первому Его зову. Радостное послушание. Верность этим трем обетам поможет моим сестрам и мне привести Христа сперва в убогие лачуги калькуттских трущоб, а потом – и в другие места.

2. Каким образом Вы предполагаете осуществить свое намерение?

Идти к людям. Ухаживать за больными у них дома. Помогать умирающим примириться с Богом. Открывать маленькие бесплатные школы для детей трущоб. Навещать бедных в больницах. Помогать нищим, что сидят на улицах, вести достойную жизнь. Другими словами, привести Христа к самым бедным, чтобы, живя среди страданий, они могли познать Бога и нуждаться в Нем. Если сестер будет достаточно, со временем мы сможем создать приют дляувечных, слепых, отверженных. Такую же работу сестры будут выполнять и в деревнях. Чтобы сделать как можно больше, они не будут постоянно приписаны к одному месту, но станут работать там, где это нужно для Церкви в Индии.

3. Как Вы предполагаете готовить своих последователей?

Дать им как можно более полное представление о духовной жизни, чтобы везде – на улицах, в лачугах бедняков, или у себя дома, то есть, в монастыре – они пребывали в единении с Богом. Внешнее должно следовать из внутреннего. Чтобы достичь этой цели, весь первый год монашества сестры проведут в глубоком созерцании и полном уединении, и затем, после принесения обетов, раз в год они будут уходить в полный затвор. В духовной жизни им будут всем, чем можно, помогать опытные священники – так, чтобы мо-

нашеский путь стал для них простым и ясным – как жизнь Марии в Назарете. Ибо если они не любят Бога – они не смогут каждый день приносить себя в жертву ради спасения душ. Каждой из них предстоит понять: чтобы стать Миссионером Милосердия, нужно возлюбить Распятого и отдать себя ради бедных.

4) Кого Вы намерены принимать?

Девушек от 16 лет и старше. Крепких телом и здравых умом. Никаких специальных умений от них не требуется, но им нужно хорошо знать или выучить здешний язык. Они должны быть щедры и любить бедных. Им надо быть готовыми взяться за любую работу, какою бы грязной она ни казалась. Они должны быть жизнерадостными и отзывчивыми. Девушки всех национальностей, но из какого бы народа они ни пришли, им следует знать его язык и обычай. Например, если к нам придет тамильская девушка, она будет работать среди тамилов, китаянка – среди китайцев и т.д. Если захотят прийти образованные девушки – мы будем этому рады, но особо выделять их не станем. Они будут такими же, как и другие сестры. Если захотят прийти богатые – пусть, но только они, а не их деньги. Мне нужны миссионеры – души не покупаются. В годы, отведенные для созерцательной жизни в затворе, сестры должны быть готовы сочетать покаяние и молитву с физическим трудом, который также будет возводить мысль к Богу.

5) Где будет сосредоточена Ваша работа?

Сначала – в трущобах и на улицах Калькутты, а когда Миссионеров Милосердия станет больше, они появятся и в других городах Индии. Мы не будем ждать, пока епископ или священник попросят нас сделать то или это, но сами пойдем на поиск душ и будем предлагать свою помошь местным епископам. [...]

6) Возможно ли достичь этих целей силами уже существующих конгрегаций?

Нет. Во-первых, потому, что они европейские. Наши индийские девушки приходят в эти Ордена и перенимают их образ жизни – одеваются, спят, едят, как они. Другими словами, становятся, как здесь говорят, «Мем». У них нет возможности почувствовать, что такое жить в Святой Бедности. Как ни стараются сестры¹⁰ освоиться в этой стране, они все равно остаются для здешних людей иностранками, да и потом их уставы – они не позволяют стать для этого народа, так сказать, «своими». Они содержат большие школы и больницы – люди приходят к ним, или их приводят. Миссионеры Милосердия, напротив, сами пойдут на поиск нуждающихся, станут жить с ними на улицах и в трущобах. Войдут в их жизнь – будут совершать работу Господню в их домах – в темных, грязных лачугах уличных нищих. «*О богатых, способных трудиться людях, заботится множество монахинь*», – говорит Господь, – *а о Моих нищих – совсем никто. Но о них Я тоскую, их Я люблю*». Он просил об индийских монахинях, что носят индийское платье, во всем делят здешнюю жизнь. «Если кто хочет стать Миссионером Милосердия, пусть станет частью этого народа: как он, одевается, как он, живет».

7) Не будет ли целесообразней создать для этих целей сообщество или братство мирян?

В миру невозможна та жизнь, которую нам предстоит вести. Для работы, требующей постоянно забывать о себе, жертвовать собой ради других, нужны души, обращенные внутрь себя, пылающие любовью к Богу и ближним. Чистые души, способные видеть и искать Бога в бедных. Свободные души – способные пожертвовать всем ради того,

¹⁰ Имеются в виду выходцы из Европы. – *Прим. перев.*

чтобы привести одного человека ко Христу. Наша работа потребует неустанной, пылкой молитвы, глубокого покаяния. Мирянам это не под силу, и их труд не достигнет цели – «привести людей к Богу, а Бога к людям».

8) Успешность начинания.

*«Не бойся, – говорит Господь. – Я буду с тобой всегда...
Доверься Мне с любовью – доверься Мне слепо».*

Знали бы Вы, Ваше Высокопреосвященство, сколько бедных нуждаются в любящей руке, сколько невинных детей отданы власти греха и обречены скитаться по улицам. Как много людей умирает без Бога – только потому, что им никто не рассказал о Его милости. Они так страдают телом, что им не до размышлений о тех ужасных муках, которые могут ждать душу в вечности. Вот почему Господь говорит: *«Знала бы ты, как больно смотреть на этих несчастных малышей, уже запятнанных грехом... Они не знают Меня – и во Мне не нуждаются... Как бы хотел Я прийти в их лачуги – в их темные, убогие дома. Стань жертвой ради них. В твоем самоотвержении, в твоей любви ко Мне они увидят Меня, познают Меня, станут Меня искать...»*

Я не знаю, что у нас получится, но если Миссионеры Милосердия принесут радость хотя бы в один из этих несчастных домов, сохранят для Христа хотя бы одну невинную детскую душу, хотя бы одному человеку помогут перед смертью примириться с Богом, – Ваше Высокопреосвященство, разве не согласитесь Вы с тем, что это стоит любых жертв, ибо утешит Христово Сердце...

9) Как сестры будут себя содержать?

Кормить их будет, главным образом, небольшое хозяйство – кое-что они смогут продавать, чтобы покупать необходимое. Что касается одежды – сестры будут изготав-

ливать на продажу игрушки, картинки и другие поделки, чтобы на вырученные деньги покупать то, без чего нельзя обойтись. Нужно нам будет совсем мало — мы хотим, с Божьей помощью, хранить полную бедность и потому не будем владеть домами. Нам никогда не понадобится много денег. Всю работу по дому будут выполнять сестры. Это значит, что мы обойдемся без прислуги, а в остальном — точнее, во всем — я уповаю на Него! Он нас не оставит, а если Он с нами, мы ни в чем не будем нуждаться. [...] Он все устроит. А без Него я совсем ничего не могу — совершенно беспомощна.

Вот, пожалуй, и все.

Прошу Вас, молитесь обо мне.

Преданное Вам дитя в Иисусе Христе,
Мария Тереза.

В апреле 1948 г. мать Тереза получила официальное разрешение жить вне монастыря и, проведя несколько месяцев в Патне, в больнице Святого Семейства, где она учились уходу за больными, поселилась в одном из самых бедных районов Калькутты. 21 декабря она впервые пришла в трущобы Миссионером Милосердия.

В восемь утра я вышла из монастыря св. Иосифа, — записала она в тот день в дневнике. — В церкви св. Терезы ко мне присоединилась Вероника¹¹ и мы пошли.

Начали с Талталы, навещали каждую семью, где есть католики. Люди нам радовались, но детей почти нигде дома не было, и какая везде грязь, какое убожество — сколько нищеты, сколько горя. Я говорила очень, очень мало, а старалась что-то делать, омывала раны, перевязывала, давала лекарства... Старик лежит прямо на улице — никому не нужный, больной, умирает в полном одиночестве. Я дала ему лекарство, напоила, и он был так странно благодарен... Потом мы

¹¹ Речь идет о Веронике Гомес, одной из первых помощниц матери Терезы. — Прим. перев.

пошли на местный базар, и там нищая, умирает, скорее, от голода, чем от чахотки. Какая бедность. Какое неподдельное страдание. Я дала ей лекарство, чтобы она могла хоть немного поспать, но ей нужен уход. У нее была очень низкая температура, не выше 96°F¹². Она настойчиво просила об исповеди и Святом Причастии – и я поняла, как же я сама бедна – мне нечего было ей дать. Сделала все, что могла, но если бы я могла дать ей горячего молока или что-нибудь в этом роде, от чего в ее холодающее тело вернулась бы жизнь! Надо постараться и устроить так, чтобы поблизости были люди, у которых всегда можно раздобыть самое необходимое.

Первые месяцы таили в себе немало открытий. У матери Терезы не было романтических иллюзий относительно того пути, на который она ступила, но оказалось, что без остатка делить жизнь с бедняками гораздо больнее, чем она могла предположить.

Из дневниковой записи от 16 февраля 1949 года:

«Сегодня я получила хороший урок – оказывается, быть бедным очень трудно. Когда в очередной раз я искала для нас дом – ходила, пока от усталости не заныли руки и ноги, вдруг поняла, что у бедных также стонет душа и тело от того, что они все время вынуждены искать крышу над головой, пищу, хоть какую-то помочь. И тут подступило искушение, оно становилось все сильнее: вспомнились наши монастырские хоромы, милые вещицы, уют, люди, которые с этим связаны, – словом, многое. «Скажи только слово, и все снова твое будет», – нашептывал искушатель. Но, Господи, из одной лишь любви к Тебе я хочу устоять и исполнить Твою Святую Волю, какой бы она ни была. Больше я не пророню ни слезинки. Я буду искать только Твоей Воли

¹² Мать Тереза указывает температуру по шкале Фаренгейта. 96° F – это 35,6 С°. – *Прим. перев.*

— даже если страдать придется еще сильней. Пусть это будет темная ночь рождения нашего Сообщества. Боже мой, даруй мне сил сейчас, в эту минуту, выстоять в том, к чему Ты меня призываешь!»

«В Калигхате¹³, — писала она несколько лет спустя архиепископу, — опять неприятности: мне очень грубо было сказано, мол, я должна благодарить своего Бога, что до сих пор не удостоилась побоев или пули в лоб, потому как иной награды, чем смерть, те, кто здесь работает, не заслужили. Я, как могла, спокойно ответила, что готова умереть за Бога. Наступают тяжелые времена, пожалуйста, молитесь о том, чтобы нам выдержать экзамен на Милосердие».

К физической усталости, которой мать Тереза никогда не скрывала, примешивалось одиночество, вдвойне мучительное из-за непонимания с сестрами из Лоретанской общины. Когда незадолго до переезда в Калькутту она обратилась к Генеральной настоятельнице с просьбой некоторое время пожить в пустовавшем доме Лоретанских сестер в калькуттском пригороде, ей недвусмысленно дали понять, что отныне на помощь конгрегации ей рассчитывать не стоит. «Я становлюсь пугалом для Лоретанских сестер, — сетовала она в письме к архиепископу Перье. — Меня сравнивают с сатаной, а нашу работу — с его делами и т.п. Когда-нибудь все прояснится. Пока же я благодарна Богу за все — и сестер из Лоретанской общины люблю так же, если не сильней, чем любила их все эти годы. Я часто молюсь о них, а что до “гонений”, они учат меня ценить нашу новую жизнь».

В эти годы мать Тереза все чаще говорит о собственной беспомощности и о той изматывающей опустошенности, которую она называла «тьмой»:

¹³ Здесь мать Тереза основала первый в Индии приют для прокаженных. — Прим. перев.

Ваше Высокопреосвященство!

Скажите, ну почему все так добры к нам? Ответа у меня нет, одна лишь бесконечная благодарность...

А в душе по-прежнему полный раздрай. Я очень сильно – до боли тоскую по Богу, страданиям не видно конца, но Ему я не нужна, отвергнута. Так пусто – ни веры, ни любви, ни рвения. Души мне безразличны. Небеса ничего не значат – так, пустое место, даже мысль о них не радует, – и все-таки я мучительно тоскую по Богу. Пожалуйста, молитесь о том, чтобы я, несмотря ни на что, могла Ему улыбаться. Ведь я только Его – ничья больше. Он волен распоряжаться мной, как Ему будет угодно. Если надо, я счастлива быть ничем даже для Бога...

Преданное Вам дитя во Христе,
М. Тереза.

О богооставленности, в которой мать Тереза жила многие годы, знали только ее духовные наставники. Ни сестры, ни подопечные, ни собеседники (а их с каждым годом становилось все больше) не догадывались, чем окупалась жизнерадостность, какой мать Тереза щедро делилась с миром. Ни мистики прежних веков, ни рассуждения об «искупительном пути» ответа на вопрос о смысле этой тьмы, ни тем более, выхода из нее, не давали, и лишь постепенно, как видно из писем, она понимала, что тьма, парадоксальным и единственным возможным образом, соединяет ее не только с ночью Гефсимании, но и с теми, кому она стремилась донести хотя бы частицу света. Чтобы помочь оставленным, обездоленным людям, ей надо было в самом прямом смысле «принять на себя», разделить их отверженность, безверие и мрак. В юности мать Тереза мечтала отдать себя, чтобы спасти хотя бы одну душу. Прорицание приняло ее мечты всерьез – и дало ей «породниться в боли» не с одной, а с бесчисленным множеством душ, тоскующих по милости и надежде. «Даже если я когда-нибудь стану святой, – писала она в 1962 г. о. Йозефу Нейнеру, – наверняка окажусь среди святых тьмы. Я то и дело буду сбегать с небес, чтобы нести свет тем, кто во мраке».

Святой – не только противоядие. Он приходит, как напоминание о том, что мир забыл или чего не хочет помнить. Мать Тереза рассеяла по миру множество напоминаний. «Своим беднякам» (она, как мало кто, имела право называть их «своими») она напоминала об их неотъемлемом достоинстве детей Божьих и о надежде, которая у них не отнимется, состоятельный людям – о чистой радости отдавать, епископам – о том, что «без конца рассуждать о нищете в других странах – легко, а мы очень часто понятия не имеем о страдающих, одиноких людях [...] что живут по соседству с нами [...] и у нас нет времени даже на то, чтобы им улыбнуться». Но если попытаться обобщить свидетельство, которое проступает в поступках и прочитывается в письмах одной из самых непредсказуемых святых XX столетия, окажется, что оно – о том, что соединиться с Богом можно только, до конца разделив жизнь человека:

Чтобы спасти нас, Христос разделил нашу жизнь, наше одиночество, нашу муку и смерть. Все это Он взял на себя и пронес сквозь тьму ночи. Чтобы искупить нас, Он до конца соединился с нами. То же заповедано и нам: если мы хотим спасения отверженным, никому не нужным [...] нам надо разделить с ними не только физическую нищету, но и духовную оставленность. Поэтому, когда вам трудно, молитесь: «Я хочу жить в этом мире, удалившемся от Бога, отвратившемся от света Христова, чтобы помочь им, чтобы взять на себя хоть малую часть их страданий. Это правда, мои дорогие, наше дело – разделить страдания каждого, ибо только породнившись с людьми в страданиях, мы сможем их вызволить, то есть привести Бога к ним, а их – к Богу».

**ИУДЕИ, ХРИСТИАНЕ, МУСУЛЬМАНЕ –
ПОИСК ПУТИ К ДИАЛОГУ**

Протоиерей Александр Мень

ИУДЕЙСТВО, ИУДАИЗМ, ХРИСТИАНСТВО

Беседа

Друзья! Меня попросили рассказать вам о некоторых событиях, лицах, именах, о моих соображениях относительно иудеохристианства. Существует ли вообще такое явление или это миф? Я всю жизнь вокруг этой темы и думал, и действовал. Не взыщите, если что-нибудь будет коряво или недостаточно аргументировано.

Боюсь, что сегодня иудеохристианства не существует, это миф. Есть христианство евреев, так же как есть христианство русских, англичан или японцев. Иудеохристианство – термин, подразумевающий некий синтез между ветхозаветными обычаями и новозаветной верой. Пока этот синтез не существует нигде. Впрочем, должен сказать, забегая вперед, – он существовал: была иудеохристианская Церковь, существовавшая около пяти столетий в начале нашей эры.

Маленькая преамбула. Часто вопросы религиозные смешиваются с национальными. Недавно в израильской газете «Менора» некий Барсела с пеной у рта писал, что евреи-христиане пытаются отравить национальное сознание израильтян, пытаются внести ересь Христову в их головы. Для него еврей, который принял чужую веру, становится отступником от своего народа. Конечно, для меня такого рода погромные речи являются нашей национальной формой черносотенства, потому что тут нет ни разумных доводов, ни логики – одни аффекты. Происхождение этих аффектов ясно: выработанная тысячелетиями схема конфликта между евреями и христианами. Тысячелетний антисемитизм и, наоборот, презрение к гоям – все это вызывало взаимную ненависть. Мы можем сейчас либо переживать эту ненависть снова (это легче), либо пытаться над ней подняться – как люди, как израильтяне, как представители любой национальности.

Итак, абсурдным, как мне кажется, является утверждение, что в наше время, в двадцатом веке, можно говорить об автоматическом тождестве наций и религий. Если человек неверующий, например, Троцкий или Каганович, он все равно еврей. Если человек – оккультист или теософ, последователь Штейнера, и он еврей – он перешел в другую веру, но он все равно еврей. Разве не еврей был Спиноза, отлученный от синагоги? Все они были евреями.

В древнем мире нация, общество и религия почти всегда были тождественны. Замкнутые цивилизации требовали этого, и это частично сохранилось в обществе более позднем. «Русский» и «православный» тоже считались тождественными терминами. Между тем мы теперь знаем, что русский может быть воинствующим атеистом, и православным, и баптистом – и не перестает от этого быть русским. Лев Николаевич Толстой был в высшей степени русским, но никогда не был православным, во всяком случае, в свой сознательный период жизни. Мы вступили в такую эпоху, когда сама жизнь неизбежно заставляет разделять веру и нацию. В высказываниях вроде заявления Барселы видятся просто рецидивы прошлого.

Напротив, я недавно познакомился с тезисами доктора Давида Флуссера, специалиста по рукописям Мертвого моря (кумранским материалам), раннему христианству и вообще по эпохе Второго храма. В этих тезисах он говорил о генетической связи между иудаизмом и христианством. Эта позиция профессора Иерусалимского университета здравая, спокойная, объективная, и под его тезисами я мог бы подписатьсь во всех пунктах, кроме тех, где речь идет о вещах мистических. Тут можно не спорить, а просто стараться поделиться друг с другом какими-то внутренними убеждениями.

Прав ли был Давид Флуссер, утверждая, что иудейство и христианство есть единая вера, «one face» (так он и говорил)? Если он прав, то возможность иудеохристианства налицо.

Я могу ответить на это неоднозначно: Флуссер и прав, и не-прав. Безусловно, Христос принял все то, что содержалось и в Библии, и в раввинистической духовной традиции, – все завещанное

Ветхим Заветом наследие как нечто органичное, освящаемое Им. Но выразиться, как Давид Флуссер, что Христос был иудеем, жил в иудейской вере и умер за нее, не означает ли сказать нечто парадоксальное, потому что тогда непонятно – что же нового внесло христианство? Тогда христианства не существует! Мы же видим, что все-таки есть какая-то разница. Итак, я сейчас попытаюсь проследить, где в глубине есть точки соприкосновения и где начинаются расхождения.

Прежде всего, я должен поставить эпиграфом слова Христа: «Не думайте, что Я пришел нарушить Закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить» (Мф 5:17). Далеко не все понимают эти слова правильно.

Под словом «Закон» («Тора») Христос не имел в виду весь конгломерат обрядовых предписаний. Он исходил из той концепции, которую выдвинул за несколько столетий до Него знаменитый раввин Гиллель, который говорил, что весь Закон и пророки заключаются в нравственном служении Богу, а все остальное – комментарии. Для Христа Закон заключался именно в этом. Главными заповедями Он считал «Шма, Исраэль» («Слушай, Израиль» (начальные слова заповеди о том: что Бог – един)) и вторую – «люби ближнего, как самого себя». В этом для Него был Закон. Кроме того, Христос никогда не отвергал внешних обрядовых постановлений. Только толстовцы, либеральные богословы, рационалистические критики полагали, что Он хотел основать некую религию без обрядов. Напротив, Иисус и Сам совершал обряды. Скажем, исцелив человека, Он говорил: иди, покажись священнику – так, как требовало того предписание Торы. Но Христос даже увеличивал количество обрядов: Он создал священнодействие Евхаристии на основании пасхального еврейского праздника. Он создал таинство крещения на основании иудейского обряда приятия прозелитов.

Иисус исполнял и устанавливал обряды, потому что обращался к живым людям из плоти и крови, которые нуждаются во внешних проявлениях своей веры. Но когда Он говорил, что Он пришел «исполнить Закон», это вовсе не значит, что Он хотел выполнять

все заповеди. Очень многие хотели выполнять все заповеди. Рабби Шаммай – антипод Гиллеля – который тоже жил в 1 в. до нашей эры, старался исполнить все заповеди, которые только можно было изобрести, даже те, которых не было и в устной Торе. Он изобретал новые запреты, выводя их логическим путем из старых. Разве это имел в виду Христос? Нет. Слово, которое стоит в подлиннике этой евангельской фразы, обозначает не «исполнить» в смысле «выполнить». Там стоит «плеросис» – «восполнить», от слова «плерома» – «полнота». Христос хотел подчеркнуть, что учение ветхозаветное – это открытая система, которая нуждается в восполнении. Его учение, вернее, Его явление, было восполнением Ветхого Завета.

И для Нового Завета, и для Ветхого исходной теологической точкой является непостижимость Бога. Израильское сознание с большим недоверием относится к спекулятивной метафизике. Поэтому Бог был признан непостижимым, «Кадош» – Святым, совершенно Иным, Которого созерцать человек не в состоянии. Об этом свидетельствовал запрет изображения Бога. Только символически Он мог присутствовать, только через Теофанию, через Славу Свою – через «Кавод», через облако, огненный язык, светлый дым. Но к мысли о полной инаковости Бога по отношению к миру приходили все мыслители. Это, в конце концов, высший и заключительный аккорд мышления человека о Боге. В самом деле, когда человек порывает с грубыми мифологическими представлениями, поднимаясь все выше и выше, он, наконец, приходит к идее Универсального, Чистого, Мирового Разума или Действия, Энергии, Силы – Божества, о котором нельзя ничего сказать. Возникает апофатическое богословие – богословие, которое исходит из того, что о Боге нельзя высказать ни одного позитивного утверждения, потому что Он превосходит все, даже бытие. Это апофатическое богословие было развито в индийской философии, было развито в греческой философии, особенно в неоплатоновской, у христианских Отцов Церкви. В Израиле это было выражено в понятии «Кадош» – понятии Святости Божией. Но такой, безмерно превосходящий всю тварную реальность Бог ока-

зывался Отцом мира, любящим Отцом. В этом и заключалось необычайное, удивительное, потрясающее Откровение пророков: что Бог заинтересован в мире, что Он хочет сблизиться с миром, от которого Он далек, заключить с ним союз, «Берит» – договор. Присоединить к Себе, искупить, то есть взять в Свой удел, приблизить. Это необычайное чудо ведет от Ветхого Завета к Новому. Как же оно совершилось?

Рационально описать этот процесс невозможно. Перед нами люди, действовавшие в Палестине и диаспоре в течение нескольких столетий, которые говорили от лица Божия и чувствовали в самих себе действие Бога настолько реально, что они говорили прямо от первого лица. Они не передавали слова Божии, а как бы становились Богом: «Выйди, народ Мой...» и т.д. Кто это говорит: Бог или пророк? Это говорит Бог через пророка.

Было множество попыток смоделировать это мышление, аналитически проникнуть в тайну двуединого сознания. Кое-что здесь сделано, кое-что достигнуто, но чудо остается чудом. В других религиях известно мистическое, экстатическое слияние с Богом, когда Божественное входит в человеческое. Но во всех тех случаях человеческое подавляется, оно растворяется, и это выражено в известной притче о статуе из соли, которая хотела познать вкус моря и растворилась в море.

Пифии, прорицатели, вешуны, вакханки, дионисисты, менады – все они говорили в состоянии безумия, одержимости, мании (отсюда слово «менада»). А пророки не только оставались теми, кем они были, сохраняли сознание личности, но они даже спорили с Богом. Иеремия не хотел проповедовать того, что Бог ему велел. Ему было жалко и Иерусалим, и свой народ, и, однако, он говорил: «Тако глаголет Господь ... будет город разрушен и ковчега никто не вспомнит, потому что не будет его» (Это не точная цитата из Библии, а скорее выражение сути проповеди Иеремии, как она изложена в Иер 3:16-17: «В те дни, говорит Господь, не будут говорить более: «ковчег завета Господня»; он и на ум не придет, и не вспомнят о нем, и не будут приходить к нему, и его уже не будет. В то время назовут Иерусалим престолом Господа». Ср. Иер 5:17:

«Разрушат мечом укрепленные города твои, на которые ты надеешься»). Он плакал, и жаловался, и говорил Богу, что ему не хочется идти с такой проповедью, но Слово Божие было в нем. Вот этот феномен (если это можно назвать феноменом – я употребляю это слово неточно) удивительной близости двух «я»: Божественного «Сверх-я» и тварного человеческого «я», – этот феномен выявляет самое глубокое в израильской религии.

Когда же является Христос, Сын Человеческий, в Нем этот феномен достигает абсолютного уровня. Достигает такого уровня, в котором Божественное и человеческое почти неразличимы. Перед нами единая Личность, а не просто посланник – хотя Христос часто говорит о Себе, как о Посланнике. Пророков жгло Слово Божие – Христос говорит: «Я и Отец – одно». Пророки так никогда не говорили: пророк Исаия, обнаружив перед собой Видение Божие, говорил: «Горе мне! погиб я! ибо я человек с нечистыми устами [...] и глаза мои видели Царя, Господа Саваофа» (Ис 6:5). У Христа никогда не было сознания греха: «Аз есмь свет» – говорит Он (Ин 8:12). Совершенно иное сознание: это Пророк, Который полностью отождествился с Богом, Пророк, в Котором человеческое сознание и Божественное слились в одну феноменальную личность – только такая Личность могла создать мировую религию для миллиардов людей на многие-многие века. И, как правильно говорят большинство христиан, главное, что приносит нам Евангелие – это не новая доктрина, а высочайшее, величайшее соединение Бога с человеком. Христос говорит: «Я есть Путь» (Ин 14:6)... «Все предано Мне Отцом Моим» (Мф 11:27). Он открывает Бога через Себя, потому что Он Сам в Себе Его носит в абсолютном смысле.

И здесь уже может говорить только вера. Когда люди увидели Его, почему они пошли за Ним? Потому что Он сказал им: «Любите Бога»? Но так говорил и Гиллель, и пророки, и Тора. Потому что Он сказал им о Божественном Милосердии? Так ведь об этом писал и пророк Осия. Потому что Он сказал им о Царствии Небесном? Но о Царстве Божием говорили пророк Даниил, апокрифы, все апокалиптики. Все ждали этого Царства. Что же привлекло

– что Он творил чудеса? Но и чудотворцы были в Израиле. Были и предсказатели: ессеи Менахем предсказал Ироду, что он будет царь, когда Ирод был еще мальчиком. Ессеи Иуда около 100 года привлекал всех тем, что он прекрасно предсказывал. Был такой дар в Израиле, и сейчас он, наверное, не вымер. Но все это не то. Ни один из них не создал ничего подобного христианству.

Уникальная, феноменальная сила Присутствия Бога в этом Человеке и создала христианство. Когда критики Евангелия говорят, что там нет учения о Божественном начале Христа, что это не Богочеловек, а просто пророк, они лишают Евангелия правдоподобия. Христос, который проповедовал бы толстовство, никогда бы не смог сделать того, что было сделано. Такую личность как Христос не смог бы изобразить даже гений, а Евангелие написано четырьмя людьми. Но, тем не менее, как свидетельствуют все объективно читавшие Евангелие, даже в плохих переводах, в устаревших переводах все равно чувствуется сила Христа. Откуда? Все четыре евангелиста – гении? Нет. Их свет – это лунный свет, отражающий солнечный. Была такая Личность.

Больше того, как говорил один из современных богословов, для нас Иисус не просто был, а Он есть. И есть не только в памяти, а, совершив свое дело на земле, Он включается в Богочеловеческое действие. Он осуществляет тот самый Завет, который предсказывал Иеремия, – Завет между Богом и людьми.

Этот Завет в сознании Израиля был связан с грядущим Царством. В отличие от всех, или, по крайней мере, большинства, преобладающего большинства древних религий, израильская религия была не статической, а динамической. Все религии были системами из обряда, морали и верований. Израильская религия заключала в себе некую надежду на будущее. Она была путешествием, которое начал Авраам и продолжал ее в неведомую даль. Это было всегда ожидание чего-то свершающегося впереди, причем чего-то исключительно грандиозного: «Настанет время, когда из Сиона выйдет Закон, и Слово Господне из Иерусалима, и соберутся все народы, и потрясется небо и земля. «О, если б Ты разверз небеса и сошел!» Что-то космическое, какое-то необыкновенное

Богоявление было в предчувствии пророков. Надо считать их либо заблуждавшимися глубоко, либо слепцами – потому что если отвергать, что это случилось, что это произошло в христианстве, тогда непонятно, о чем говорили пророки. О возрождении Израиля, как государства? Представим себе, что пронесутся годы и прекратятся войны, и будет небольшое государство – одна из многих прибрежных стран, с обычным парламентом, с обычными грехами, с обычными ресторанами. Можно ли сравнить это с тем, о чем грезили пророки? Что небо и земля потрянутся, что весь мир будет потрясен?..

Пророк Исаия, так называемый «Второй Исаия», говорит, обращаясь к Израилю – к его олицетворению, служителям: «Я сделаю Тебя светом народов» (Ис 49:6). В каком отношении? Когда это случилось? Это действительно случилось. Причем только единственный раз – больше этого не было. Две тысячи лет назад Ветхий Завет был взят Христом в правую руку, выражаясь образно, отдан народам, и они пришли и поклонились. Все совершилось. Это совершилось, хотя эти народы были грешными, столь же грешными, как и Израиль. Они так же отступали от Бога, нарушили Его Волю, как Израиль в Ветхом Завете. Но, тем не менее, они встали под этот знак, под это знамя. Это произошло. В Ветхом Завете ожидался пророк, царь и первосвященник. Христос был пророком в том смысле, о котором я сейчас говорил – ибо в Нем действовал Бог. Он был Царь, потому что Он является сейчас Царем – Владыкой Новой Жизни, о которой, конечно, нельзя говорить в отвлеченных терминах. И, наконец, Он – первосвященник. Первосвященник – это тот, кто был посредником, кто стоял между алтарем, народом и Небом. И вот Христос есть именно врата – Он Сам себя называет: «Аз есмь дверь» (Ин 10:9) – открытые врата в Небо.

Противоречит ли это ветхозаветной вере? Нисколько. Потому что во времена Гиллеля, Шаммая, во времена первых таннaim верили, что этот мир («Олам ха-зэ») сменится будущим миром («Олам ха-ба»), в котором все будет иным. Верили, что Бог приблизится к человеку, что наступает иная эра. В этих же терми-

нах пишет апостол Павел, которого многие еврейские писатели несправедливо упрекают в отрыве от иудаизма, хотя он весь жил иудейскими понятиями. «Проходит образ мира сего», – говорит апостол Павел (1 Кор 7:31), и Христос говорит о двух мирах, о двух веках, о двух эонах. Только Он говорит о том, что с Его явлением кончился Ветхий мир и начинается история Нового. Само по себе это учение не противоречило упомянутым фарисеев и книжникам. Мы знаем, что многие фарисеи и книжники обратились в христианство,

Закон, который был дан Богом на Синае и после Синая, апеллирует к человеку, к его воле, к его совести, к его разуму. Но он не дает человеку сил исполнить то, что он повелевает. Поэтому апостол Павел сравнивал его с оградой, да и в Талмуде он называется «оградой». В «Пирке-авот» (один из трактатов Талмуда) говорится: «Сделайте ограду, закон». Закон ограждал, выполнял преимущественно охранительную функцию.

Что же является в Новом мире, который возвещает Христос? Теперь уже Бог взаимодействует с человеком непосредственно, и благодаря этому возникает та сила, которую мы называем «благодатью», которая помогает человеку становиться исполнителем воли Божией. Для этого уже не нужно выполнение всех ветхозаветных ритуалов. Они были защитным приспособлением, которое должно было сохранить нацию и веру в могущественном языческом окружении. Когда функция защиты отпала, отпало и многое из ритуалов. Священные авторы, которые собирали постановления Торы касательно ритуалов и запретов, пользовались и самыми архаическими представлениями, табу. Половина законов, которые есть в Торе, уже существовали прежде, они были заимствованы у древних вавилонян, у древних хананеев, у жителей государств Финикии и Эблы. Заимствование было средство создать такое религиозно-правовое, обрядовое, жизненное целое, которое держало бы народ, цементировало бы его, делая крепостью среди языческого моря.

В эволюции часто происходят следующее явление: защитные механизмы организма становятся не защитными, а тормозящими.

Нередко так бывало и в нашей истории. Броня Торы становилась часто столь неповоротливой, что мешала духовному развитию. В Талмуде сказано: «Не делай слишком большой ограды Торы, иначе она обвалится и задавит насаждения». Весьма поучительное предупреждение. Это происходило неоднократно. Это не особенность еврейской психологии – человеку как таковому свойственен ритуализм. Каждой цивилизации свойственно тяготение к многочисленным обрядам, которые бы связывали воедино жизнь, будь то конфуцианские правила, будь то римские законы. Все это системы, имеющие функциональное значение. Но система закона может превращаться в самодовлеющее начало, может становиться фетишем, может мешать жить и т.д. Когда Христос выступал против книжников и фарисеев, Он выступал против их злоупотребления формой. Он никогда не отрицал субботы: суббота, говорил Он, дана для человека, т.е. для отдыха и для праздника (Мк 2:27). Но когда люди делали из этого культа, когда они считали, что в субботу нельзя помочь человеку, вытащить его из беды, это уже становилось карикатурой на заповедь. Подобные вещи свойственны законничеству всех времен и всех народов.

Так мы снова возвращаемся к центральному пункту. Христианство есть Откровение Бога через личность Христа. Мы познаем это откровение во внутреннем опыте, который основывается на Евангелии. Является ли это уходом от иудейского монотеизма, изменой ему, «паганизацией» иудейства (от слова *paganus* – «языческий»), т.е. «объязычиванием» иудаизма? Нисколько. Дело в том, что задолго до христианской эры в иудейском богословии возникла мысль об ипостасях в Божестве. Руах Элохим («Дух Господа»), и Хокма («Премудрость») и Мемра (арамейское понятие о Слове). Все эти ипостаси Бога действовали, как Сам Бог. Если вы возьмете наиболее ранние пласти Библии, вы найдете там выражение «Манеах Элохим» – «Ангел Бога», который был одновременно Богом. Есть некоторое саморазличение внутри Божества, есть некие лики внутри – это не значит, что это боги. Это не значит, что Премудрость Божия, Слово Божие и Дух Божий – это отдельные боги. Но это и не только атрибуты Бога. Если вы вни-

мательно почитаете Притчи Соломоновы, вы увидите, что Премудрость говорит о Себе, что Она присутствовала при самом сотворении мира, что Она была художницей и т.д. Божественным Теофаниям, Богоявлениюм свойствен некий личностный аспект – они ипостазируются.

Когда мы говорим о действии Слова Божиего во Христе, мы продолжаем, углубляем, развиваем веру Ветхого Завета в могущественное действие Слова Божия. Когда мы говорим о Духе, который горит в огненных языках над апостолами, витает над Иисусом на Иордане, когда мы говорим о Духе, Которого Иисус обещает послать Своим ученикам и посыпает, чтобы они потом шли в мир проповедовать, мы по-прежнему говорим о Боге, о том самом Руах, который созидает мир, подымает мертвые кости (Иез 37:7), созидает народ. Мы углубляем веру Ветхого Завета в Премудрость, когда вместе с апостолом Павлом исповедуем Христа, Божию Премудрость (1 Кор 1:24). «Премудрость» – это перевод еврейского слова «хокма». «Логос» – слово, которое употреблено Евангелием от Иоанна – это перевод (и, конечно, углубление) на греческий чисто ветхозаветных понятий. Таким образом, Тройичное богословие, бесспорно сложное – и сейчас нам неуместно говорить об этом подробно – коренится в ветхозаветном богословии и никакого отношения к многобожию, язычеству не имеет.

Другое дело, что попав в языческие страны, христианство, конечно, впитывало элементы язычества. Сами евреи, попадая в различные страны, тоже впитывали эти элементы. Один пример. Археологи раскапывали ханаанский город и нашли там остатки жертвоприношений, причем было видно, как приносилась жертва, какие части шли жрецу. Все оказалось так, как в книге Левит. А евреи только что пришли – значит, они заимствовали это у ханаанеев. Херувимы, которые охраняли ковчег, тоже нееврейского происхождения, и множество других вещей. Взаимодействуют народы, взаимодействуют культуры. Ничего страшного здесь нет. С этим приходится бороться, когда это взаимодействие разрушительно.

Первые христиане не только не вызывали агрессии, подобно той, какую вызывают сейчас иногда в Израиле, но они находились

в любви у всего народа, как отмечает книга Деяний. Их любили как очень благочестивых людей. К ним примкнули многие фарисеи. Рабби Гамалиэль, внук великого Гиллеля, относился с симпатией к христианам. Много позже возникла легенда, что он стал тайным христианином. Во всяком случае, на суде, когда саддукийский Синедрион пытался осудить апостолов, он заступился за них и сказал: «Мы не знаем, может, это дело Божие? Не следует их преследовать». (Изложение речи Гамалиила в Деян 5:39).

Когда апостола Павла предали церковному трибуналу, то фарисеи встали на его защиту, ибо он крикнул: «Отцы и братья, я фарисей, сын фарисея. Меня судят за чаяние воскресения мертвых!» И фарисеи набросились на саддукеев и сказали: «Ни в чем не повинен человек. А если ангел или дух говорил им, то мы можем стать богопротивными». (Вольное изложение событий, описанных в Деян 23). Мы знаем, что был убит саддукийским Синедрионом апостол Иаков, брат Господень. Из Иосифа Флавия известно, что это так возмутило фарисеев – противников Синедриона – что они отправились к римлянам, потребовали смещения первосвященника и добились своего. Это вызвало большое недовольство, как пишет Иосиф Флавий.

Больше того, когда стали появляться христиане-язычники, то к христианам-евреям они относились как к эlite. Поэтому доктор Флуссер говорит, что евреи могли бы стать в христианстве своеобразной кастой брахманов. Конечно, такое было возможно, но как раз этого и надо было избежать. Евреи-христиане сами претендовали быть элитой. Более того, христиане из язычников этому способствовали: еще в V-м и VI-м веках христиане-греки, христиане-персы, когда освящали урожай, освящали дом, вообще совершали какие-то сакральные действия, обязательно звали еврея, потому что считали, что его благословение действеннее.

Я не отрицаю, что на евреях могла почтиться некая тайная Благодать. Мы, однако, народ буйный, «жестоковыйный». Бог именно таких и выбрал, потому что тихие никогда бы не создали мировую религию. Гордость у нас и так достаточно развита, подпитывать ее не следует. Напротив, здравое смижение полезней сознания своего величия. Скромность никогда никому не мешала. [...]

Когда стали креститься первые язычники, то большинство евреев сказали: «Как, не приняв Моисеева Закона, они становятся христианами?! Нет, они должны пройти через обрезание и все прочие вещи». Это было трудно, это стало ощутимым препятствием. Для многих греков и римлян это было совершенно неприемлемо. Не надо забывать, что обрезание было принято в Египте, у арабов, но в западном мире совершенно не было известно. Поэтому и был собран апостольский Собор, о котором, может быть, некоторые из вас слышали. В 51 году, в Иерусалиме, было решено, что евреи-христиане могут соблюдать все обычаи Закона, но христиане из язычников освобождаются от этого. Дальнейшее развитие Церкви показало, что это освобождение стало важнейшим фактором в распространении христианства в мире. Евреи-христиане продолжали жить замкнутыми небольшими общинами, читали Библию на иврите (а не на греческом, как в первых общинах христиан из язычников). В этих общинах соблюдалась суббота, они сохранили первоначальное название христиан – «ноцрим», то есть, «назаряне», в память об Иисусе из Назарета, Йешуа ха-Ноцри. Называли их и эвлонитами, «бедняками». У этих общин были свои епископы, свои храмы. Когда после восстания Бар-Кохбы евреи стали возвращаться в Иудею, в Назарете вновь поселились родственники брата Господня Иакова, близкие к Христу люди. Там они жили – у них были свои дома, были построены небольшие храмы.

В середине II-го века Иустин Мученик писал, что он знает (он жил в Палестине) таких людей, которые соблюдают Закон и живут по-христиански. Все это просуществовало до тех времен, пока в Палестине не начались войны, разгромы, выселение иудеев. Потом пришли арабы, и христиане-евреи исчезли. Впрочем, в значительной степени были вытеснены оттуда и «обычные» евреи. Такова была первоначальная история иудео-христианской Церкви. Она имела у себя таких авторитетов, как апостола Иакова – брата Господня, апостола Иуду, Симона. Кое-что о ней рассказывают раннехристианские писатели, но мало.

Однажды я спросил одного еврея, который с недавних пор стал считать себя религиозным, относится ли он к иудаизму как к

истинной религии. Спросил я, возможно, несколько грубо, но не без умысла. Он ответил, что считает иудаизм истиной для евреев. На что я возразил ему, что истина может быть только для всех или ни для кого. Или это истина, или это ложь. Если дважды два для китайца – это четыре, то это истина и для индуиста. Следовательно, не может быть специальной еврейской религии, хотя могут быть национальные религиозные обычай. Правда, есть и христиане, считающие чужим «еврейского Бога». Но ведь Церковь, устами св. Иустина, прямо говорит, обращаясь к раввину Тарфону: «Не иному Богу мы поклоняемся, как Тому, который вывел ваших отцов из Египта рукою крепкой, мышцей высокой»¹. Что касается мнения о Боге, то еще Иосиф Флавий гордился тем, что евреи не опускаются до богословских споров. Фарисеи, саддукеи, зелоты, караимы, каббалисты, реформаторы, – все это было внутри иудаизма. В иудаизме редко возникали преследования инакомыслящих, такие, как гонения на хасидов, Маймонида или Спинозу.

Иудейская религия задумана – я употребляю этот термин специально – Богом как мировая религия. Это яствует из всей Библии. Эта религия не может оставаться в рамках Израиля. То, что было сложено в рамках нашего народа, должно быть и было вынесено для всего мира. Несмотря на взаимные конфликты, взаимные обвинения, взаимную борьбу, о которой я сейчас не буду говорить, мысль о родстве и близости двух вер сейчас все более и более становится очевидной. Мартин Бубер называет Христа «центральным евреем». Доктор Флуссер говорит, что Христос – это не Цезарь, что Иисус раньше разъединял евреев, а теперь будет объединять. Знаменитый английский политический деятель Дизраэли говорил о том, что с Евангелием семитское культурное начало было внесено в Европу и стало неотделимо от Европы. Так

¹ Вольное изложение слов св. Иустина: «Не иного Бога почитаем нашим, а другого вашим, но признаем одного и того же, который вывел отцов ваших из земли египетской рукою крепкою и мышцею высокою». Сочинения святого Иустина философа и мученика. Сост. П. Преображенский. М., 1892 (репринт 1995). С. 150. – *Прим. ред.*

же думал знаменитый историк церкви Неандер (XIX век), который перешел в христианство в сознательном возрасте. Так же думал Бергсон и многие другие.

Каким будет разрешение конфликта, покажет будущее. Кто-то из евреев может признать во Христе великого учителя и пророка – высшего из еврейского народа. Мы же знаем, что Он более чем пророк, и для нас Его голос – это голос Божий. Его Лик – это Лик Предвечного. Большего, чем это, добавить невозможно. Большего нам даже не нужно.

Сейчас в Израиле люди верующие составляют меньшинство. Большинство людей вообще отпало от всякой веры, живет в бездуховности. Мы должны считать добром, если этим людям не будет навязана какая-то официальная государственная религия, как бывало в прошлые века, а будет открыт свободный путь выбора. Если они вернутся к иудаизму – хорошо, если они будут искать другие выходы – хорошо. Если они придут к христианству, они от этого не перестанут быть евреями, а только прочнее свяжутся со своей традицией. Но это уже будет традиция не в архаическом смысле, не в замкнуто-национальном, а в широком, всемирном, могучем, как самая основа Церкви.

1973 г.

Сандрин Канери

Сандрин Канери – православная француженка (в юрисдикции Антиохийского Патриархата); библеист, патролог; назначена Ассамблеей православных епископов Франции на пост вице-президента Общества иудео-христианской дружбы (AJCF), состоящего из духовенства, богословов, мирян – представителей различных православных юрисдикций, находящихся во Франции.

ЕВАНГЕЛИЕ, ВЕТХИЙ ЗАВЕТ И УСТНОЕ ПРЕДАНИЕ¹

Как лучше понимать слова Иисуса

Говорить о Евангелии и Ветхом Завете, значит говорить о двух составных частях текста, которые мы объединяем в Христианскую Библию. Не забудем, что библейский «канон», состоящий из Ветхого и Нового Заветов, складывался постепенно. Отцы Церкви рассматривали канон в качестве «Священного Писания». Богословенное Писание стало нормативным для жизни Церкви и христианских общин. Писание служило основой веры и церковной жизни. Отцы были единодушны, рассматривая оба Завета в их нерасторжимом единстве, чей смысл открывается в Церкви под воздействием Духа Святого. Будучи богословенным, Писание стало для нас, внимающих Духу, «Словом живым и действенным» (Евр 4:12)².

¹ Статья написана на основе выступления в православном монастыре Солан 1 июня 2009 г. (Франция).

² Библейские цитаты даются в Синодальном переводе, за исключением цитат в современном русском переводе (Библия. М.: РБО, 2011 г.), отмеченных в сносках.

Патристический подход и иудейское предание

Отцы Церкви без конца размышляли над Писанием и обдумывали, как лучше передать его смысл. Если мы хотим быть истинными их сыновьями, внимающими тому, что они нам передали, нам надлежит обратиться к их размышлениям и следовать за ними в духе творческой верности, чтобы идти далее, что потребует от нас нового обращения к Писанию, а не только к комментариям, которые они нам оставили.

Не забудем о том, что немало Отцов знали раввинистическую традицию, из которой они заимствовали свои образы, символы и порой сам язык. То, что они писали по-гречески (или на латыни), как и тот факт, что эллинизм быстро поглотил собою иудеохристианство, не должно заслонить от нас то обстоятельство, что иудейская и библейская культуры постоянно присутствовали в их мышлении и в оборотах речи, равно, как и то, что они создали не дуалистическую антропологию (вопреки грекам, которые противопоставляли душу и тело), но антропологию, соответствующую Откровению. Это подчеркнул Его Святейшество патриарх Константинопольский Варфоломей: «Православное предание таит в себе элементы глубокого семитизма. В литургии, называемой «византийской», составленной на самом деле лингвистически эллинизированными семитами, ощущается страх и трепет Израиля перед трансцендентным началом. Православное предание обладает онтологией, близкой к иудаизму. Различие, которое существует между иудейским онтологическим видением и западными христианскими конфессиями той же природы, которое отличает православие от тех же конфессий. Уже в самом начале онтологии мы находим в иудаизме и православии примат личности, а не интеллигibleйной сущности»³. По наблюдению многих эллинистов, под греческим текстом Евангелий можно с обезоруживающей легкостью обнаружить кальку древнееврейского синтаксиса⁴,

³ *La Vérité vous rendra libre*, cité par O. Clément, Paris DDB, 1996, Marabout n°3656, p. 267.

⁴ Fr. Bernard-Marie, *La langue de Jésus, l'araméen dans le Nouveau Testament*, Tequi, 2002.

и сам св. Ириней Лионский («Против ересей», III, 1) свидетельствует о Евангелии, написанном по-еврейски. Маргерит Арль, крупный специалист по Библии LXX объясняет, что для евреев в эллинистическую эпоху греческий стал повседневным языком, практической необходимостью. Она поясняет: «В особенности в Александрии греческий язык позволял евреям отстаивать их идентичность перед лицом правителей, дабы отличаться от местного египетского населения. Однако языковая эллинизация не обязательно влекла за собой принятие греческих идей. [...] Труды историков иудаизма все более осторожно говорят о влиянии эллинизма на иудаизм. [...] Что касается Востока, то хотя, как полагали, что в византийском иудаизме греческий язык вышел из потребления, Н. де Ланж представил доказательства его «удивительной устойчивости» до VIII или IX века, когда не только Библия читалась по-гречески [...] но греческий язык служил для лучшего понимания древнееврейского [...] и раввины вводили греческие слова в свои комментарии, когда они хотели сделать более ясным смысл фразы. Фрагменты, обнаруженные в Каире и написанные по-древнееврейски изобилуют греческими словами – иногда греческие слова написаны еврейскими буквами, и определенные ритуальные указания даны по-гречески, когда автор не находит нужного древнееврейского слова, он обращается к греческому»⁵.

Мы видим здесь, что существует определенное взаимодействие между греческим и еврейским языками. Это относится и к Библии LXX. До недавнего времени, о ней говорили, что она весьма далека от древнееврейского текста. Но сегодня, после Кумрана и дальнейших исследований, было открыто, что Пятикнижие и Экклезиаст, например, представляют собой настоящую кальку с древнееврейского. Другие книги Библии, действительно, обнаруживают некоторые различия, которые до сего времени истолковывались как противоречия, тогда как они раскрываются в гармонии, ибо зачастую интегрируют данные устного предания, известного Отцам, но остающегося нам по большей части неведомым.

⁵ Marguerite Harl, *Le Pentateuque, La Bible d'Alexandrie, «Le rôle du grec dans la diffusion de la Bible»*, Cerf 2001, Folio essais 419, p. 534, 536.

Вот почему многообразие текстов не порождает проблемы в устном предании. Но мы, люди письменного слова, бываем склонны к противопоставлению этих текстов. На самом же деле они гармонируют друг с другом, как сказал еще Андре Поль: «До сей поры объясняли, прежде всего, количественные и качественные расхождения этих греческих текстов, прибегая к приспособлениям и истолкованиям, сделанным в западных культурных рамках еврейских писаний в эллинистической Александрии III и II веков до нашей эры. Однако, было открыто, что перевод Семидесяти частично соответствовал древнееврейской текстуальной основе, хорошо документированной в Кумране. Она же со своей стороны сосуществовала с другой основой, бывшей прототипом Массоретского текста»⁶. Вот почему открытие разнообразия библейских текстов, употреблявшихся в иудейских общинах, сколь бы удивительными они ни казались нам, западным людям XXI столетия, убедительно показывают, что устное предание – это всегда истолкование источников, и что фундаментализм плохо согласуется с принципом чтения иудаизма, потому что многообразие интерпретаций и прочтений сосуществует одно с другим, что уже стало традицией... И потому мы легко признаем экзегезу Отцов в качестве дальнейшего развития экзегезы иудейских учителей. Это не должно удивлять нас, но, как говорит М. Арль: «Греческая версия неотделима от предания своей среды, она занимает свое место в общем экзегетическом пространстве. Совершенно не искажая Библию, перевод Семидесяти толковников, представляет интерпретацию, которая принадлежит продолжающейся традиции»⁷. Некоторые авторы даже показывают, что герменевтические правила раввинов дохристианской эры опирались на эллинистические методы, немалое число которых мы находим в применении к переводу Семидесяти.

⁶ *Et l'homme créa la Bible d'Hérodote à Flavius Josèphe*, Bayard, 2000, p. 306–307.

⁷ Marguerite Harl, Id. p. 539.

*Устное еврейское предание позволяет
лучше понимать Библию*

Если мы хотим понять Евангелие и слова Христа, как понимали их апостолы и Отцы Церкви, – возврат к источникам Ветхого Завета и еврейскому преданию могут стать для нас драгоценным подспорьем. Мишель Ремо в своей статье «Нужно ли быть евреем, чтобы читать Новый Завет?» пишет: «Чтобы перейти от Нового Завета к изучению Ветхого, нельзя обойтись без еврейской культуры того времени, – чтобы читать Библию, как читали ее авторы Нового Завета»⁸. Подобным образом высказывался и Роже Ле Део, который обратился к этим исследованиям уже в 1971 году, оговаривая, что экзегеты знают, что невозможно понять «последовательность истории спасения в библейском Откровении [...] если не исследовать внимательно то, что было общим наследием древнего иудаизма и первоначального христианства»⁹. Он продолжает: «Христианская экзегеза должна постоянно считаться с посреднической ролью, которую играет еврейское предание, в широком смысле, между Ветхим и Новым Заветом. Это кажется трюизмом, но на практике зачастую новозаветные исследования переходят сразу к библейским данным, оставляя в стороне то основное звено, каким являлись современные иудейские воззрения. [...] Мы все более убеждаемся в том, что, прежде всего, нужно попытаться объяснить Новый Завет Ветхим, если можно сказать, в его «голом состоянии», но таким, каким его понимали в то время»¹⁰.

Рассмотрим упоминания некоторых следов устного предания раввинов, которые мы находим в Новом Завете.

Когда Стефан в своей речи в 7-ой главе книги «Деяния Апостолов» обращается к истории жизни Моисея, он говорит: «Когда же исполнилось ему сорок лет, пришло ему на сердце посетить

⁸ <http://un-echo-israel.net/Pour-lire-le-Nouveau-Testament. Pour lire le N.T. faut-il être juif? Michel Remaud>.

⁹ «La tradition juive ancienne et l'exégèse chrétienne primitive», *Revue d'histoire et de philosophie religieuses* 51 (1971), pp. 31–50.

¹⁰ Там же.

братьев своих, сынов Израилевых». Затем далее он продолжает: «По исполнении сорока лет явился ему в пустыне горы Синай Ангел Господень в пламени горящего тернового куста» (Деян 7:23,30) (в книге Исхода во 2 и 3 главах мы не находим упоминания его возраста). Откуда Стефан знает, что Моисею было сорок лет, когда он вышел из дворца фараона, и что ему было 80 лет, когда он увидел горящий куст? Непосредственно из устного еврейского предания, которое позднее было закреплено в мидраше¹¹.

Когда автор Первого Послания Иоанна (3:11-12) говорит: «Потому что вот та Весть, которую вы услышали изначально: мы должны любить друг друга! Мы не должны быть такими как Каин, который был порождением Злодея и зарезал брата. А почему он его зарезал? Потому что дела его были злы, а дела его брата – праведны»¹². Но в книге Бытия, в 4-й главе не уточняется, каким образом Каин убил брата. Откуда известно, что он его зарезал? Из устного иудейского предания.

Петр говорит в своем Первом Послании: «что некогда отказалась покориться Богу, в те времена, когда Бог терпеливо дожидался, пока Ной построит ковчег, Немногие спаслись в нем тогда по воде, только восемь душ» (1 Петр 3:20)¹³. Наше внимание привлечено типологической интерпретацией потопа как образа крещения, т.е. как его предизображения. Но мы не замечаем вводного предложения: «Когда Бог терпеливо дожидался». Петр здесь пря-

¹¹ *Yalkhout Shimonī* комментарий на Исход, глава 2. Это своего рода антология мидрашей, составленная в XI веке. (Мидраш (ивр. שָׁרָשִׁים, букв. изучение, толкование) – раздел Устной Торы, которая входит в еврейскую традицию наряду с Торой Письменной и включает в себя толкование и разработку коренных положений еврейского учения, содержащегося в Письменной Торе – цит. по Википедия). Эта антология цитирует источники, ничего в них не меняя. Этот мидраш, как и многие другие, возник намного позднее Нового Завета. Это означает, что Новый Завет – это исторический свидетель записанных еврейских преданий, которые будут восприняты еврейскими общинами гораздо позже. Это касается также многочисленных следов Устной Торы.

¹² Цит. по Библии. М.: РБО, 2011 г.

¹³ Там же.

мо ссылается на устное предание, которое уточняет, насколько милосердие Божие было предупредительным, ибо Бог предоставил время поколению потопа для обращения. Вот почему Ной потратил 120 лет на строительство Ковчега, – ибо люди спрашивали его: для чего ты делаешь это? И когда, узнав о замысле Божием, они возвращались к своим злым делам, тогда Богу не оставалось ничего иного, как осуществить задуманное. К несчастью, люди не слушали Ноя.

Эти детали могут показаться малозначащими и не слишком интересными, но они указывают на тесное знакомство апостола с устным преданием, источники которого утрачены для нас, однако они были известны некоторым Отцам и осмыслены ими. Это позволяет нам сделать следующий шаг.

Мы часто слышим, что ап. Лука написал свое Евангелие на более литературном греческом языке, чем другие евангелисты, и, следовательно, он был не иудеем, а греком¹⁴. Если его стиль, несомненно, более совершенен, чем язык других евангелистов, это не означает, что его язык не содержит в себе большого числа семитизмов, как и наибольшее число ссылок на интерпретацию текстов со стороны фарисейских учителей. Мы уже не говорим о той точности, с какой ап. Лука показывает соблюдение иудейского закона Иисусом, как и Марии с Иосифом, который он называет Законом Моисеевым или Законом Господним: «Когда пришло им

¹⁴ Никто более Луки не возлагает в такой степени ответственность за смерть Иисуса на евреев, на растущую враждебность фарисеев и начальников иудейских, и ожесточение всего народа. Однако Лука отнюдь не стремится оторвать язычников от Израиля, напротив, он хочет соединить их с иудаизмом. Как говорит Д. Маргера (Margera): «Церковь не образует новый Израиль, который должен заменить прежний, она является продолжением ветхого Израиля, ибо обетования, данные ему, во многом исполнились, и значительная часть народа обратилась к вере». Cahier Evangile 108 р. 25. Так и Ф. Манн (F. Manns): «Евангелие от Луки открывает свой смысл лишь тем, кто знаком с Первым Заветом, и даже с еврейскими преданиями. [...] Он обращается прежде всего к иудеям, и во вторую очередь к язычникам» (*Les racines juives du christianisme*, Presses de la Renaissance, 2006, р. 132).

время совершить обряд очищения, предписанный Законом Моисея, они принесли младенца в Иерусалим, чтобы посвятить Его Господу, потому что в Законе Господнем сказано: “Всякий первенец мужского пола должен быть посвящен Господу”, а также для того, чтобы принести жертву – “пару горлиц или двух молодых голубей”, как предписывал Закон Господень»¹⁵ (Лк 2:22-24)¹⁶. Евангелист тем самым показывает, что речь идет не просто об обычae, но о заповеди самого Бога. Как в наши дни, например, поется на вечерне праздника Пятидесятницы: «Премудрости воду жизни источая мирови, всех Спасе призываешь почерпти спасения воды: божественный твой закон приим человек, в себе угашает прелести углие, отнудже во веки не вжаждет, ни престанет насыщения твоего владыко Царю Пренебесный. Сего ради славим державу твою Христе Боже, прегрешение оставление просяще ни-спослати богатно рабом твоим»¹⁷.

Мы прекрасно понимаем, что ни в литургии, ни у ап. Луки, выражение Закон Божий или Закон Господень, не означает законнических предписаний. Речь идет не о поведении, но о жизни согласно Слову Божию. В этом, в сущности, значение слова *Tora*¹⁸, переведенная по-гречески как *nomos*, по-русски как «Закон». По отношению к слову «Закон», например, отец Андре Борели, в своем великолепном исследовании об ап. Павле-богослове, делится с нами весьма глубокими размышлениями: «Если он (ап. Павел) писал по-гречески, то мыслил он по-семитски [...] и под греческими словами можно найти собственно семитическую, древнееврейскую мысль, которую Павел впитал с молоком матери, когда он изучал Тору под руководством Гамалиила»¹⁹. И отец Андре Бо-

¹⁵ В той же фразе Лука говорит о соблюдении Марией и Иосифом Закона Моисея, затем Закона Господня, просто для того, чтобы показать, что речь идет об одном и том же Законе Божием.

¹⁶ Цит. по Библии. М.: РБО, 2011 г.

¹⁷ Триодь Цветная, Подобен после 2 Славы, после 3-ей песни Канона в среду Преполовения Пятидесятницы.

¹⁸ «Тора – это более, чем порядок, это упорядочивание, это, скорее, призыв к послушанию, побуждение к соучастию, чем Закон, путь». Anne-Marie Dreyfus, Lexique pour le dialogue, Cerf, 2000, p. 212.

¹⁹ *Orthodoxes à Marseille*, déc 2008- janv. 2009, n°124 p. 5–6.

релли советует всякому христианину, слышащему по воскресным дням Евангелие и Послания, тотчас перелагать их на понятия оригинала, например, «когда он слышит слово *познание*, понимать его как *проникновение*, когда слышит слово *дух* понимать его как *дыхание*, когда говорится о *богодухновенном человеке* воспринимать его как *пророка*, и видеть *Тору*, когда говорится о *Законе*». Однако слово *Тора* означает учение, руководство к жизни. В этом слове есть динамизм. Как объясняет Андре Неер: «Тора на древнееврейском языке, это не порядок, но упорядочивание, не Закон, но Путь, дорога, по которой следует идти вместе»²⁰.

Четвертая глава Евангелия от Луки представляет Иисуса как Учителя, наряду с фарисеями. Эта сцена, которая у Луки, выглядит гораздо конкретней, чем у Матфея или Марка, показывает нам субботнее богослужение так, как, за вычетом некоторых деталей, оно совершается и сегодня. Иисусу доверяют чтение книги пророка Исаи, которое называют *haftara*, (буквально означающее «дополнение», чаще всего это бывает отрывок из пророков), ибо оно следует за *Parasha*, длинным отрывком, взятым из Торы (Пятикнижия). Оба эти чтения входят в синагогальное богослужение, которое совершается в субботу утром и по праздникам. Чтение не доверяют кому попало, но лишь раввину, способному не только прочитать, но и достаточно образованному, чтобы прокомментировать смысл прочитанного. Эта сцена показывает, с одной стороны, насколько Лука был пропитан иудейским преданием, а с другой – она говорит, что истолкование Иисусом пророчества Исаи исполняется и осуществляется в Нем самом. Здесь Иисус преподает нам правило чтения Своей *типологической* интерпретацией, показывая, что Он Сам как «антитип» пророка, который есть «тип» его, как возвещение Христа²¹. Тем самым пророк книги Исаи как бы является предварением и возвещением Благой Вести Иисуса как Того, Кто приходит

²⁰ André Neher, *Moïse et la vocation juive*, Seuil, coll. 'Maîtres spirituels', 1966, p. 104.

²¹ Терминология «тип» и «антитип» восходит к Оригену и принята в богословской литературе.

освободить Свой народ, исцелить его от болезней, избавить от угнетения и т.п.²²

Продолжим рассмотрение Евангелия от Луки. Дважды в главе 24 он говорит нам, что Иисус *открывает* Писания. Спутникам, следующим в Эммаус Он говорит: «Какие же вы бестолковые! Как тяжело дается вам вера во все то, о чем говорили пророки! Разве Помазанник не должен был претерпеть все эти страдания, чтобы достичь Своей Славы! И Он разъяснил им *все места в Писаниях, относящиеся к Нему, начав с Моисея и всех пророков*»²³. (Курсив мой – С. К.)

А вот Его явление одиннадцати апостолам: «И [...] показал им руки и ноги. Когда же они от радости еще не верили и дивились, Он сказал им: есть ли у вас какая пища? Они подали Ему часть печеной рыбы и сотового меда. И, взяв, ел перед ними. И сказал им: вот то, о чем Я вам говорил, еще быв с вами, что надлежит исполниться всему, написанному о Мне в законе Моисеевом, и в пророках и псалмах. (Курсив мой – С. К.) Тогда отверз им ум к уразумению Писаний»²⁴ (Лк 24:40-45). Если содержание этих божественных поучений Иисуса не дошло до нас, то методология их вполне восстановима. Иисус использует традиционную процедуру иудейского предания называемую *hariza*, которая собирает в виде «ожерелья» слова, извлеченные из трех частей древнееврейской

²² «Рассмотрим смысл слов пророка и то истолкование этих слов, которое Иисус в синагоге применил по отношению к Самому Себе. «*Он помазал Меня благовестовать нищим*». Нищие означают язычников. И, на самом деле, они были нищими, ибо не имели абсолютно ничего: ни Бога, ни Закона, ни Пророков, ни праведности, никакой иной добродетели. Именно для этого Бог послал Его, как благовестника нищим, дабы «возвестить пленным освобождение». Мы были пленниками, мы, которых столько лет сатана пытался заковать, сделать узниками и подчинить своей власти». Ориген, Омилия XXXII на Евангелие от Луки.

²³ Цит. по Библии. М.: РБО. 2011 г.

²⁴ Глагол «отверзнуть», «открыть» составляет часть технического словаря раввинистической экзегезы, он употреблялся в древних частях фарисейской литературы: Равви [...] открыл». M. Collin et P. Lenhardt, *Evangile et Tradition d'Israël*, Cerf, Cahier Evangile 73, p.16.

Библии²⁵, а именно: Тору, Пророков, и Писаний (чаще всего Псалмов) чтобы создать доказательство целостности предания, которое опиралось бы на полноту Библии, свидетельствуя тем самым о ее внутреннем единстве.

Этот метод «ожерелья» типичен для иудейской традиции, он многократно применяется в мидраше и Талмуде. Его заимствуют также ранние Отцы Церкви, которые, комментируя тот или иной стих Писания или разъясняя основы христианской веры, естественно, основывались на разных отрывках из Писания. Например, свт. Иоанн Златоуст, который хочет доказать по Писанию, что Иисус является истинным Богом и истинным Человеком, опирается на Исаию, Михея, Псалмы, книгу Бытия и другие книги. Приведем отрывок из него: «Потом, дабы показать, что Господь не по видимому только, а поистине будет человеком, он присовокупляет: “Он будет питаться молоком и медом, доколе не будет разуметь отвергать худое и избирать доброе; ибо прежде нежели этот младенец будет разуметь отвергать худое и избирать доброе” (Ис 7:15-16). [...] И не только то, что Господь станет человеком, но и самый образ пришествия Его предсказали пророки. Он пришел, не посыпая грома и молнии свыше, не колебля землю, не потрясая неба, и не производя какие-либо страшные явления, но родившись без шума и в неизвестности, в доме плотника, бедном и незнатном; о чем, послушай, как не умолчал Давид: “сойдет, – говорит он, – как дождь на скошенный луг” (Пс 71:6) [...] А другой пророк означил и место, где Господь имел родиться: “И ты, – говорит он, – Вифлеем-Ефрафа, мал ли ты между тысячами Иудинymi? из тебя произойдет Вождь, Который упасет народ Мой, Израиля, и Которого происхождение из начала, от дней вечных” (Мих 5:2; Мф 2:6). Он указывает и на Божество и на человечество (Христа);

²⁵ Древнееврейская Библия, в отличие от Библии христиан, состоит лишь из трех частей (исторические книги относятся к пророкам). Это трехчастное деление Писаний указано в прологе к Книге Премудрости Иисуса, Сына Сирахова, включенной в Библию («Многое и великое дано нам через Закон, Пророков и прочих писателей...» – Сир 1).

ибо словами: “происхождение из начала, от дней вечных”, изображает предвечное существование Господа; а словами: “произойдет Вождь, Который упасет народ Мой, Израиля”, – рождение Его по плоти. Заметь здесь еще другое ясное предсказание. Пророк сказал не только то, что Господь родится, но что и место Его рождения, прежде незнатное и маловажное, сделается славным: “мал ли ты между тысячами Иудинymi”. Действительно, вся вселенная теперь стекается в Вифлеем, чтобы видеть место, где родившийся Господь был положен, и стекается не для чего другого, а только для этого. Другой пророк предсказал и время, в которое Господь имел явиться: “Не отойдет, – сказал он, – скипетр от Иуды и законодатель от чресл его, доколе не приидет Примиритель, и Ему покорность народов. Он привязывает к виноградной лозе осленка своего и к лозе лучшего винограда сына ослицы своей; moist в вине одежду свою и в крови гроздов одеяние свое; блестящи очи [его] от вина, и белы зубы от молока” (Быт 49:10-12)»²⁶.

А вот как со своей стороны мидраш излагает этот метод, исходя из стиха Песни Песней: «Прекрасны ланиты твои под подвесками, шея твоя в ожерельях» (Песн 1:10). Когда они делали подвески (horezim) слов Торы, когда передавали слова Торы Пророкам, а от Пророков Писаниям, огонь пламенел вокруг них, и слова становились радостными, как если бы они были провозглашены на Синае: ибо когда они произносились на горе Синай впервые, не исходили ли они от огня, как сказано: «Гора горела огнем до самых небес»? (Втор 4:11). Бен Аззай сидел, вперяясь взглядом в Писание и огонь горел вокруг него. Об этом сказали Равви Акиве: «Равви, Бен Аззай сидит, вперяясь взглядом в Писание и огонь горит вокруг него». Акива приходит к нему и спрашивает: «Я слышал, что когда ты вперяешь взгляд в Писание, огонь горит вокруг тебя». Тот ответил ему: «Да». Равви Акива спросил его: «Может быть, ты изучаешь секреты колесницы?» (см. Иез 1) «Нет, но когда я сидел, я делал ожерелье из слов Торы, переходя от Торы к Пророкам, от Пророков к Писаниям и слова были радостны как тогда, когда

²⁶ Творения святаго отца нашего Иоанна Златоуста. СПб, 1898. Т. 1. С. 618–619.

они произносились на Синае, они были сладостны, как тогда, когда они произносились впервые, ибо когда они произносились впервые, не изошли ли они из огня? И гора горела»²⁷.

Составляя ожерелье из библейских стихов, Равви Ши-мон бен Аззай желает показать единство Писания, дабы тем самым явить и единство Божие. Почему же огонь сопровождает медитацию над словом? Он напоминает о событии на Синае, когда сыновья Израиля восприняли единство Слова таким, каким оно вышло из уст Божиих.

Пример, касающийся воскресения мертвых

Другой пример мы находим в Евангелии от Марка (он имеет свою параллель и в Евангелии от Луки), который еще раз показывает близкое знакомство Иисуса с устным преданием, утраченным нами. Речь идет о споре с саддукеями по поводу воскресения мертвых. Этот диалог типичен, и, естественно, считая Иисуса учителем, принадлежащим к фарисейской традиции, саддукеи обращаются к нему. «Потом пришли к Нему саддукеи, которые говорят, что нет воскресения, и спросили Его, говоря: Учитель! Моисей написал нам: “если у кого умрет брат и оставит жену, а детей не оставит, то брат его пусть возьмет жену его и восстановит семя брату своему”» (Мк 12:18-19). Далее говорится о семи братьях, которые умирали один за другим, и каждый из братьев женился на вдове, но при воскресении чьей женой она будет? «Иисус сказал им в ответ: этим ли приводитесь вы в заблуждение, не зная Писаний, ни силы Божией? Ибо, когда из мертвых воскреснут, тогда не будут ни жениться, ни замуж выходить [...] А о мертвых, что они воскреснут, разве не читали вы в книге Моисея, как Бог при купине сказал ему: “Я Бог Авраама, и Бог Исаака, и Бог Иакова (ср. Исх 3:6)”? Бог не есть Бог мертвых, но Бог живых. Итак вы весьма заблуждаетесь» (Мк 12:24-27).

В чем упрекает Иисус саддукеев? В неверии в воскресение, как думаем мы, и мы правы. Но Он идет и дальше, упрекая их в

²⁷ Cantique Rabba 1, 10.

незнании устной Торы (предания), которое учит о воскресении мертвых, заимствуя это учение из Писаний, вошедшее в него благодаря мидрашу. Ибо мидраш дает ключ к истолкованию: «Рассказывают: Равви Симай сказал: откуда мы знаем о воскресении мертвых, о котором учит Тора? Потому что сказано: “И Я поставил завет Мой с ними, чтобы дать им землю Ханаанскую...” (Исх 6:4). Не говорится: дать *вам*, но дать *им*. Отсюда следует, что воскресение мертвых содержится в Торе»²⁸. Этот стих Писания напоминает нам, что обещание, данное патриархам, остается не-действенным и неисполненным, если их нет в живых. Вот почему этот отрывок указывает, что в действительности они оживут вновь. Это тот же довод, который Иисус использует в диалоге с саддукеями, Боге трех патриархов, не вдаваясь в дальнейшие объяснения, но этого достаточно для свидетельства о том, что Бог – это Бог живых²⁹.

Другой мидраш еще более разъясняет это слово Иисуса. Но обратимся, прежде всего, к тексту книги Исход, глава 5, стихи 1-2: «После сего Моисей и Аарон пришли к фараону и сказали (ему): так говорит Господь, Бог Израилев: отпусти народ Мой, чтобы он совершил Мне праздник в пустыне. Но фараон сказал: кто такой Господь, чтобы я послушался голоса Его и отпустил (сынов) Израиля?»

К этому присоединяется другой, хорошо известный мидраш: «Когда фараон услышал просьбу Моисея и Аарона, он потребовал, чтобы ему принесли списки, в которых содержались имена всех божеств всех народов. Он искал имя Предвечного, но не нашел никакого упоминания о Всевышнем. “Такого Бога не существует, – заявил он, – Его нет ни в одном из моих списков”. Тогда Моисей и Аарон ответили: “Безумный! Ты ищешь не там, где следует. Твои списки содержат лишь имена безжизненных богов

²⁸ Вавилонский Талмуд, Sanhedrin 90 b.

²⁹ Иисус свидетельствует о вере фарисеев в воскресение мертвых. В этом свете мы можем понять и слова ап. Павла (1 Кор 15), который опирается на ту же веру, исповедуя «Первенца из умерших». M. Collin et P. Lenhardt, *Evangile et Tradition d'Israël*, Cerf, Cahier Evangile 73 p. 24.

(идолов). Наш Бог есть Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова, Бог не мертвых, но живых, Властитель вселенной”»³⁰.

Подобно заблуждавшимся саддукеям, фараон также был в заблуждении, ибо, как и они, не верил в воскресение, т.е. во всемогущество Божие, которое воскрешает мертвых.

Но если мы присмотримся лучше к доводам Иисуса, то увидим, что Он, прежде всего, процитировал Тору Моисея: «Я Бог Авраама, и Бог Исаака, и Бог Иакова», а вслед затем Он тотчас цитирует³¹ устную Тору (предание), которую мы видели в мидраше: «Бог не есть Бог мертвых, но Бог живых». Подобно тому, как святые жены-мироносицы, искали мертвого, поспешив ко гробу, чтобы помазать тело Его ароматами, ибо они не осознали Его Благой Вести. Но когда они пришли ко гробу, то услышали от двух людей в сияющих одеждах: «Что вы ищете живого между мертвыми? Его нет здесь; Он воскрес!» Это выражение евангелиста Луки свидетельствует о его близости к еврейским источникам, поскольку он еще раз обращается к мидрашу. И вслед за ап. Лукой, мы поем на Пасхальной Заутрене: «Жены с миры богоумудрия вслед Тебе течаху, Его яко мертвя со слезами искаху, поклонишася радующаяся живому Богу и Пасху тайную Твоим, Христе, учеником благовестиша» (7 Песнь).

Таким образом Иисус, черпая в Своей сокровищнице³² и интерпретируя мидраш, показывает людям Храма, что живой Бог Израиля – это Бог, Который дает жизнь и воскрешает мертвых.

Если благодаря Благой Вести, мы уже узнали о Воскресении мертвых, значит вместе с ап. Павлом мы можем сказать, что Иисус – «первенец из мертвых» (Кол 1:18), прообраз всякого вос-

³⁰ Shemot Rabba 94.

³¹ Глагол «цитировать» не означает только привести цитату из письменного текста (скажем, из написанной Торы), но привести по памяти точную формулу устного предания, которую можно будет найти в тех же словах в написанном виде несколько десятилетий спустя.

³² Ср. Мф 13:52: «Он же сказал им: поэтому всякий книжник, наученный Царству Небесному подобен хозяину, который выносит из сокровищницы своей новое и старое».

кресения. Источники мидраша открывают нам особую глубину, утверждающую и питающую нашу веру у самого основания корней Откровения. Ибо, если мы читаем этот спор с саддукеями, – благодаря мидрашу – в свете книги Исхода и долгого и трудного освобождения сынов Израиля от египетского рабства, то именно в основе рассказа о Пасхе мы можем постичь эту перикопу и увидеть ясную связь между пересечением Красного моря и христианской Пасхой, которую Христос являет в Своей жизни, смерти и Воскресении.

У св. Иринея Лионского и св. Кирилла Иерусалимского мы вновь находим Его с той же точностью: «Это Тот, Кого зовут в Законе Богом Авраама, и Богом Исаака, и Богом Иакова, Богом живых, хотя величие и высота этого Бога невыразимы»³³.

«Бог говорит Моисею: “Я Бог [...] Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова” (Исх 3:6). Если бы Авраам был мертв, как и Исаак и Иаков, Он был бы Богом тех, кого нет! Нужно, чтобы Авраам, Исаак и Иаков существовали, дабы в этом отрывке Бог был бы Богом живущих людей. Ибо Он не сказал “Я был их Богом”, но “Я есмь”»³⁴. Как не увидеть здесь перекличку с мидрашем и раввинистическим преданием?

Святой Афанасий, патриарх Антиохийский (VI век), подтверждает эту связь: «Ибо Христос для того и умер, и воскрес, и ожил, чтобы владычествовать над мертвыми и над живыми» (Рим 14:9); «Бог не есть Бог мертвых, но живых». Поскольку Господь мертвых жив, мертвые более не мертвые, но живые, ибо жизнь владычествует в них, дабы они жили и не страшились более смерти, подобно тому как Христос, «воскреснув из мертвых, уже не умирает» (Рим 6:9). Воскресшие и освобожденные от разложения, они не увидят более смерти, они будут соучаствовать в воскресении Христа, как Сам Он соучаствовал в их смерти. Ибо если Он пришел на землю, бывшей до сего времени вечной темницей, то для того, чтобы «сокрушить медные двери и сломать железные запо-

³³ Проповедь Апостолов §8, DDB, coll. les Pères dans la foi, 1977 p. 26.

³⁴ in *Catéchèses baptismales*, 18, Éditions du Soleil levant, 1961, p. 422ss.

ры» (см. Ис 45:2), чтобы освободить нашу жизнь от разложения, привлекая ее к Себе, и дать нам свободу вместо рабства»³⁵. Мы вновь находим здесь мысль о том, что если Бог есть Бог живых, то и мертвые живы. Таков и пример самого Христа, воскресшего из мертвых, и в пасхальной тайне Своей освободившего нас от рабства.

Трудно завершить эту тему. Отец Лев Жилле в своей книге «Причастие Мессии» (*Communion in the Messiah*) дает несколько ключей к пониманию того, чего мы еще не касались³⁶: «Ветхий Завет является основой иудаизма, но лишь на камнях еврейского предания, было выстроено затем его здание. Если христианин считает, что может увенчать иудейскую постройку, поставив Новый Завет на Ветхий, он будет подобен человеку, который захочет положить крышу дома непосредственно на фундамент вместо того, чтобы водрузить ее на вершину. Постичь иудаизм, не имея понятия о живом предании иудеев, без глубокой симпатии к ним – дело тщетное».

Можно понять трудности, которые могут встретить некоторые христиане, открывая это предание, которое нам незнакомо. Но вот мысль о. Льва Жилле, которая наводит на размышление. «Если мы признаем как нечто очевидное, что религия Торы, которую исповедовали фарисеи, выражала подлинный духовный опыт, была источником откровения для жизни и смерти в святости, – то разве уменьшится от этого духовная сила христианства? Не должен ли радоваться христианин, узнавая, что иудей, даже и фарисей, знал гораздо больше, чем думали до сих пор, о духовных началах, что он по-своему, иным образом, чем христианин, любил Господа Бога своего всем сердцем, всей душой, всей крепостью, и ближнего своего как самого себя?» Встреча Иисуса с фарисеями не осталась бесплодной, напротив, Иисус впитал в себя лучшее, что было в иудаизме, и возвысил его. Не только книжнику Он ответил с

³⁵ Омилия 5 на Воскресение Христово ; PG 89, 1358; см также Оригена Омилии на Иеремию IX.

³⁶ *Communion in the Messiah, Studies in the Relationship between Judaism and Christianity*, ed. James Clarke and Co., Cambridge, 2002; p. 44.

премудростью, но обратил это слово к подлинной любви к Богу и ближнему, которая была у фарисеев: “Недалеко ты от Царствия Божия” (Мк 12:34)»³⁷.

Отцы были отважны в их истолковании Писаний, и нам надлежит следовать за ними в этом. Не будем гасить Духа, Который говорит Церквам в лице их сынов, и Который обновляет для нашего времени вкус к Писанию. Оливье Клеман еще раз может помочь нам найти эту отвагу и верность их мысли:

«Нужно читать Ветхий Завет, отказываясь от всякой типологии, которая приводит к отказу или незнанию иудаизма. Это предполагает труд современного творческого осмыслиения наследия Отцов Церкви. [...] Нужно читать Библию, следуя ее тексту, не забывая о параллельных местах, установленных Отцами, но, не делая из этого оправдания незнания иудаизма. И, разумеется, нужно учитывать и то, как Талмуд, каббала, Зохар читают те же тексты. Установить, как чтение иудейской мудрости и мудрости Отцов может согласовываться друг с другом. Этот труд нам еще предстоит. [...] Исходя из этого, я думаю, что следует уважать иудаизм в его специфиности, таким, каким он сложился. Мне кажется важно, открыть перед христианами и тот иудаизм, который разился после Христа»³⁸.

*Сокращенный перевод с французского
Владимира Зелинского*

³⁷ Там же, стр. 4–7, где о. Лев Жилле цитирует книгу Т. Herford, *Pharisaism. Its aim and its Method*, Londres, 1912, p.333.

³⁸ Olivier Clément. *Mémoire d'Espérance, Entretiens avec Jean-Claude Noyer, DDB, 2003*, p.166–167.

Александр Кантор

Александр Кантор родился в 1954 году в Одессе. Закончил среднюю школу в 1970 году и поступил в Одесский медицинский институт. Во время занятий в институте в 1974–75 гг. закончился период духовных поисков и был сделан выбор духовного пути (Александр принял святое крещение в Православной Церкви). Тогда же встретил своего учителя игумена Андрея Машкова – постриженника Глинской пустыни.

Закончил институт в 1976–77 гг. и после интернатуры работал в академической поликлинике г. Одессы.

Затем работал врачом в сельской амбулатории и больнице Кременецкого р-на Тернопольской области около Почаева.

В Почаевской Лавре сблизился с архимандритом Богданом (Болдинковым). В 1990 г. познакомился с о. Николаем (Гурьяновым), несколько раз приезжал к нему на остров Залит.

В 1992 г. переехал в Израиль, оттуда ездил на Афон в 1994 г.

Сфера интересов кроме профессиональных врачебных – христианская антропология и экклезиология, профетическое направление в современной Церкви.

Живёт в Иерусалиме, работает врачом. Женат, имеет 3-х сыновей.

«РАДУЙСЯ, СИОНЕ, МАТИ ЦЕРКВЕЙ!»

Тайна начала и конца. Убогая и малозначущая, полуразрушенная и немноголюдная, Церковь на небольшом холме, ставшем камнем преткновения и соблазна для мира...

Кто обидел её, первую Церковь – сам обижен последующими, и пренебрегший матерью - от детей своих принял наказание...

Когда же начнут подходить к концу времена и сроки, и нивы поседеют и убелятся, пригнутся высокие земли и восстанут униженные, и смятутся народы. и стенания Духа раздадутся в церквях и на перепутьях – тогда воспомянут мать, и она вернётся...

Странная и почти невидимая внешне, тихо и неслышно придет она. Так затихает всё в доме при появлении того, кто отсутствовал очень долго.

Без прекрасных словий узнанная верными, она и не вспомнит о былых обидах от чад своих, как мать заботится лишь о том, чтобы дети в семье после долгой вражды простили друг друга.

Она вернется перед последними испытаниями, дабы прекратить раздоры и обновить в детях своих силу изначального братства, чтобы напомнить им об Отце и Супруге, чтобы утешить и укрепить их, и послужить всем, ничего не требуя для себя – ибо так и только так от века поступают все матери...

* * *

Для меня иудаизм и христианство – это, в сущности, одна и та же религия. Но, конечно, не на косной периферии нашей истории, где огненная лава, изливающаяся из недр Откровения, застывает и превращается в камень. Из этого камня усердно мостят стены, мостят с обеих сторон – и те, кто «возводят ограду вокруг Закона», и те, кто именуют себя учениками апостолов.

Две общины, разодравшие сами себя на множество кровоточащих лоскутов, два родных брата, разлучившиеся по воле, по неволе, по грехам, воспитавшиеся в ненависти друг к другу, ставшие друг для друга злейшими врагами.

Они похожи до оторопи, и в болезнях своих, смешных и страшных, и в прозрениях и высотах – ослепительных и трудно переводимых на земной язык.

Но для ощущения и осознания этого сходства нужно, кроме открытой и любящей души, пожить в общине, постоять, потерпеть в ней не один год. И, конечно, не избирать главным орудием своим бичи соборных и галахических постановлений или свидетельства переходящих из одного стана в другой.

Верность Богу, Закону, Израилю.

Верность Богу, Мессии, Церкви.

Там, на глубине этой верности, на последней её глубине, скрытой до времени от всех, кому в соблазн это видение – братья могут узнать друг друга, узнать, что они – одно, одна кровь, один дом. И это Единство навеки запечатал простерший руки и давший забить в каждую по гвоздю. Он раскрыл и тем, и другим Свои объятия навсегда, и не войдёт в них – здесь ли, за гранью ли земного бытия – лишь тот, кто скажет Ему последнее «не соизволяю».

А здесь, на земле, единая суть и еврейства, и христианства в принятии на себя ответственности за выбор, за свободу, за невидимое предательство, за глухоту к Его тихим словам, за Каинову зависть, за глупость, леность, упрямство, за всё, что живёт в душе брата – в моей душе.

За весь мир, не желающий возвратить Свободу своему Творцу, даровавшему её – Он, доныне идущий рядом с нами по земле – возвращает её Отцу...

«Твоя от Твоих, Тебе приносяще – о всех и за вся». Он возвращает её вновь и вновь вот уже столько веков, и мы идём за Ним. И народ Его, бегущий от Него, не желающий поднять на него глаза, идёт за Ним, идёт во многом впереди нас.

Но Он говорит нам, нам всем, непостижимые, невыносимые слова о Своей Любви к нам и скрывается от нас, рождаясь в нас... Так Он присутствует в мире.

Шехина. Кнесия. Кнессет. Исрээль. Машиах¹.

Оставим в покое

Оставим в покое братьев наших – западных христиан, подчиняющихся Римскому первосвященнику, сидящему на престоле Петра.

Оставим в покое братьев наших протестантов, избравших себе в удел подчиняться собственным человеческим уму и совести.

¹ Шехина – место присутствия Благодати Божьей на земле, к примеру, в Ковчеге Завета.

Кнесия – церковь, кнессет – собрание, Исрээль – Израиль, Машиах – Мессия (иврит).

Оставим в покое братьев наших иудеев, до сего дня ищущих Лице Бога Иаковля, ищущих и не видящих Его в кротком лице учителя и раввина из Назарета.

Оставим в покое и мусульман, и индуистов, и буддистов.

Оставим – ибо не в силах наших, таких, какие мы есть, помочь чем-либо им – и собратьев наших, вовсе лишённых света веры, и в потёмках падшего разума служащих земному веществу или силам зла.

Оставим – чтобы смогли мы обрести сокровищницу нашей собственной веры, войти в наследие всех от века святых и, будучи не в силах подражать им – познали бы свою немощь и Божию милость и силу...

Оставим, если сможем, и всю тварь – чтобы смогли мы погрузиться в самих себя и, оставив наконец и себя самих – востечь ко Творцу и покаяться перед Ним покаянием истинным, совершающим в безмолвии ума и чувств...

Там обретём мы сокровища, даруемые лишь право славящим Бога – силу вместить в своё сердце всего Адама, мудрость разделять грех и грешника, мужество носить немощи плоти нашей – немощи всякого сочеловека...

Тогда увидим ясно истоки и концы ересей, и расколов, и служданий человеческих, тогда почувствуем в себе самих страсти и грехи всего мира, тогда научимся всех людей и всю тварь предавать милосердию Божию, в котором мы первые так нуждаемся...

Тогда познаем, что были обкрадываемы врагом нашим, который подучал нас силы души своей отдавать не познанию себя и Бога, не стяжанию Духа, а суду над человеками, и народами, и Церквами – суду, который мерзок в очах Господних, ибо Ему Единому суд принадлежит и тем из ближайших друзей и соработников Его, на кого благоволил Он, Милостивый, возложить это тяжкое бремя...

* * *

Ждущие Машиаха евреи – закваска мира, не знающего Христа.
 Ждущие его Второго и Славного Пришествия – закваска среди христианских народов.

И те, и другие – незримо сводят в мир Божественную благодать, будучи друг для друга врагами, выполняют одно дело.

Евреи, верующие во Христа – скрепа между ними. Они обречены на распятие вслед за Учителем, Который есть единственная скрепа между Богом и миром, проходящая как острое оружие через сердце Израиля.

О тайна, скрытая от чуждых глаз! – Христос присутствует в мире явно и тайно, явно – в теле своей Церкви, распинаемой её грехами и торжествующей в её святых, тайно – на всех путях духовных исканий мира, но, прежде всего – в теле народа Израиля, отвергающего, ненавидящего, боящегося и вечно ждущего Его...

* * *

О чём лепечешь мимо цели?
 О Ком и с Кем слагаешь речь?
 Не ты поёшь – тебя воспели!
 Тебе лишь сказано стеречь

пределы слов.
 Как строго, мерно,
 нездешним воздухом дыша
 восходит стих –
 но прянет Серна –
 и вслед за ней летит душа!

«Хранить и делать» –
 ниоткуда – лишь из Себя
 и в никуда – к Себе – ко мне
 струится чудо –
 речей играющих вода,

Глаголов шум, живых и странных,
Велений, шуток (огнь в пыли!)
шептаний страстных, кликов бранных
летящих дымом от земли...

А здесь, внизу – хранить и делать,
вычёркивать – и вновь хранить,
и лишь к утру понять несмело
с Кем будешь снова говорить...

* * *

Я Вечность призываю в каждый миг!
Огнём души, слова мои, зажгитесь
И памяти броню испепелите –
Я Вечность призываю в каждый миг

Умитесть, песнопенья снов моих,
Страданья чаша – опрокинься в сердце –
Что счастье мне?! Мне никуда не деться –
Я Вечность призываю в каждый миг...

Малая сестра Анни Иисуса

ИСПЫТАНИЕ ЛЮБВИ¹

5 июня 1967 Ближний Восток взорвался войной между Израилем и арабскими странами. [...] Война завершилась победой Израиля и серьезной модификацией границ. Она нанесла тяжелую рану отношениям между арабскими народами и народом Израиля, и глубоко потрясла жизнь братств малых сестер на Ближнем Востоке. Матушка Магдалена написала несколькими неделями позже:

«Мы переживаем ужасное испытание, испытание нашей вселенской любви этой войной.

[...] В Иерусалиме столкнулись два народа, которые все мы призваны любить вселенской любовью. Но, кроме того, каждый из этих народов любим особенно сильно теми из нас, кто посвятил себя именно ему.

И вот сейчас эти два народа восстали друг на друга, они убивают друг друга. Израиль победил Иорданию и отнял то, что она почитала жемчужиной своего королевства: Старый Город Иерусалима [...] Он был сначала столицей Израильского царства, о чем свидетельствует Писание, и для евреев немыслимо лишиться его.

Во имя нашего призыва, мы все должны нести особую любовь мусульманам. Им посвящена вся наша конгрегация. Мы также посвящаем себя всем малым мира сего, всем бедным и угнетенным. Но где они? На стороне арабов, переживших поражение? На стороне евреев, чей народ веками был гоним и уничтожаем, и теперь, пред лицом новой угрозы уничтожения [...] в отчаянном стремлении спастись, вышел за пределы своих границ?

¹ Из книги малой сестры Анни Иисуса « *Petite sœur Magdeleine de Jésus, l'expérience de Bethléem jusqu'aux confins du monde* ». Les éditions du CERF, Paris, 2008.

Душераздирающая ситуация и для одних, и для других. Весь мир разделился, осуждая ту или другую сторону. Как не понять, сколь разрушительно это для малых сестер, живущих с обеих сторон! Выход может быть только в любви, во вселенской любви ко всем людям без исключения, в любви, которая понимает и прощает.

Что мне сказать малым сестрам? С самого начала войны на Ближнем Востоке я от всего сердца защищаю тех, кого обвиняют мои собеседники – то арабов, то израильтян... стараюсь, чтобы их лучше поняли, больше любили... и прощали, если они были несправедливы».

РЕЧЬ ПАПЫ РИМСКОГО БЕНЕДИКТА XVI В МЕМОРИАЛЕ ЯД ВА-ШЕМ В ИЕРУСАЛИМЕ

11 мая 2009 г.

«Дам Я в доме Моем и в стенах Моих место и имя . . . дам им вечное имя, которое не истребится» (Ис 56:5).

Этот отрывок, взятый из Книги пророка Исаии, содержит два простых слова, торжественно выраждающих глубокое значение этого почитаемого места: *yad* – «память»; *shem* – «имя». Я пришел сюда, чтобы постоять в молчании перед этим монументом, который был воздвигнут для того, чтобы почтить память миллионов евреев, убитых в страшной трагедии Шоа. Они потеряли свои жизни, но никогда не потеряют своих имен: они навсегда запечатлены в сердцах их родных и близких, выживших заключенных концлагерей и всех тех, кто решил больше никогда не допускать, чтобы подобный ужас мог еще раз обесчестить человечество. Но, прежде всего, их имена навсегда запечатлены в памяти Всемогущего Бога.

У человека можно украсть его имущество, возможности или свободу. Можно соткать коварную сеть лжи, чтобы убедить других, что кто-то не заслуживает уважения. И все же, как ни стараясь, человека невозможно лишить имени. Священное Писание учит нас тому, что имя имеет важное значение, когда кому-то поручается уникальная миссия или особый дар. Бог назвал Аврама «Авраамом», потому что тот должен был стать «отцом множества народов» (Быт 17:5). Иаков был назван «Израилем», потому что он «боролся с Богом и с людьми, и победил» (ср. Быт 32:28). Имена, хранящиеся в этом почитаемом монументе, всегда будут занимать священное место среди бесчисленных потомков Авраама. Как это было с Авраамом, их вера также была подвергнута испытанию. Подобно Иакову, они также погрузились в борьбу между добром и злом, пытаясь распознать замыслы Всемогущего. Пусть имена этих жертв никогда не уйдут в небытие! Нельзя допустить,

чтобы их страдания отрицались, преуменьшались или забывались! И пусть все люди доброй воли будут бдительны, чтобы искоренить из человеческих сердец все, что способно привести к трагедиям, подобным этой!

Католическая Церковь, следуя учению Иисуса и подражая Ему в любви к каждому человеку, чувствует глубокое сострадание к жертвам, чью память чтят здесь. И точно также она встает сегодня на сторону тех, кто подвергается преследованиям из-за своей расы, цвета кожи, условий жизни или религии: их страдания – это ее страдания, равно как и их надежда на справедливость. Как епископ Рима и преемник апостола Петра, я подтверждаю, – как мои предшественники – обязательство Церкви молиться и работать без устали ради того, чтобы ненависть больше никогда не владела сердцами людей. Бог Авраама, Исаака и Иакова есть Бог мира (ср. Пс 85:9).

Писания учат, что наш долг – напоминать миру, что этот Бог жив, даже если иногда нам трудно понять Его таинственные и не-постижимые пути. Он явил Себя и продолжает действовать в человеческой истории. Лишь Он один судит вселенную по правде и совершает суд над народами по правоте (ср. Пс 9:9).

Всматриваясь в лица, отражающиеся в недвижимой водной глади, раскинувшейся внутри этого мемориала, нельзя не вспомнить о том, что каждое из них имеет имя. Могу лишь представить радостные ожидания их родителей, как они с нетерпением ждали рождения своих детей: «Как мы назовем этого ребенка? Что станет с ним или с ней?» Кто мог представить, что они будут приговорены к столь плачевной судьбе!

В то время как мы стоим здесь в молчании, их крик все еще звучит в наших ушах. Это крик против любой несправедливости и насилия. Это вечное осуждение пролитию невинной крови. Это крик Авеля, возносящийся от земли ко Всемогущему. Исповедуя нашу непоколебимую веру в Бога, дадим голос этому крику словами Книги Плач Иеремии, исполненными значения, как для иудеев, так и для христиан:

*Папа Римский Бенедикт XVI
в мемориале Яд ва-Шем 11 мая 2009 г.*

«По милости Господа мы не исчезли,
ибо милосердие Его не истощилось.
Оно обновляется каждое утро;
велика верность Твоя!
Господь часть моя, говорит душа моя,
итак, буду надеяться на Него.
Благ Господь к надеющимся на Него,
к душе, ищущей Его.
Благо тому, кто терпеливо ожидает
спасения от Господа» (Плач 3:22-26).

Дорогие друзья, я глубоко благодарен Богу и вам за возможность остановиться здесь в молчании: в молчании – чтобы помнить, в молчании – чтобы молиться, в молчании – чтобы надеяться.

МОЛИТВА ПАПЫ БЕНЕДИКТА XVI У СТЕНЫ ПЛАЧА

*Бог всех времён, приехав в Иерусалим, «Город Мира»,
общий духовный дом евреев, христиан и мусульман,
я являю пред Тобой радости, надежды и устремления,
испытания, страдания и боль людей всего мира.*

*Бог Авраама, Исаака и Иакова,
услышь вопль несчастных, испуганных, обездоленных;
пошли мир свой на Святую Землю, на Ближний Восток,
всей семье человеческой;
разбуди сердца тех, кто взвывает именем Твоим,
чтобы шли путями справедливости и сострадания.*

«Благ Господь к надеющимся на Него, к душе, ищущей Его»
(Плач 3:25).

12 мая 2009 г., Иерусалим

Давид Розен

Раввин Давид Розен (David Rosen) – бывший главный раввин Ирландии, директор департамента межрелигиозных связей в Американском еврейском комитете, директор Всемирной конференции «Религии за мир» (WCRP) и Международного совета христиан и иудеев (ICAJ). Кавалер Ордена Британской империи и рыцарь-командор Ордена Григория Великого¹. Живет в Израиле.

ДИАЛОГ ЦЕРКВИ С ЕЕ СТАРШИМИ БРАТЬЯМИ

*Выступление Давида Розена на Синоде
Католической Церкви в Риме в октябре 2010 года*

Сегодня отношения между Католической Церковью и еврейским народом – это благословенное преображение нашего времени, которому нет исторических параллелей. В своём выступлении в большой синагоге, здесь в Риме, в январе этого года, Его Святейшество, папа Бенедикт XVI охарактеризовал декларации Второго Ватиканского собора как «ясный ориентир, по которому постоянно сверяются наше отношение и наши связи с еврейским народом, и который обозначил новый и значительный этап».

Естественно, этой поразительной трансформации в восприятии и представлении о еврейском народе приходилось и приходится бороться с многовековым (даже тысячелетним) влиянием «учения презрения», направленного против евреев и иудаизма, которое не может исчезнуть ни на завтра, ни через сорок пять лет. Влияние этой трансформации на еврейско-католические отношения, неизбежно, очень разнится в каждом отдельно взятом контексте, в зависимости от социологических, образовательных и даже политических факторов. Например, в США евреи живут в откры-

¹ Папский рыцарский орден. Учрежден папой Римским Григорием XVI в 1831 г.

том обществе бок о бок с христианами, как проявляющее себя, уверенное меньшинство, принимающее активное участие в гражданской жизни общества. В результате, эти отношения достигли небывалого уровня, включающего сотрудничество и взаимообмен между общинами и их образовательными институтами. И сегодня США могут гордиться буквально десятками академических организаций, которые заняты изучением еврейско-католических отношений, в то время, как в остальном мире их, от силы, три. Рассumeется, еврейские общины США воспринимают Католическую Церковь как искреннего друга, обладающего истинными духовными ценностями и общими интересами. Я счастлив возглавлять международное межрелигиозное представительство Американского еврейского комитета, которое было и остаётся ведущей еврейской организацией в области этой замечательной исторической трансформации.

Однако, в мире много стран, в которых отсутствуют подобные социальные и демографические факторы. Во многих странах, где католицизм является доминантной социальной силой, еврейские общины или малочисленны или вообще отсутствуют, и отношениям между Церковью и иудаизмом придаётся мало значения. Признаюсь, я был очень удивлён, обнаружив, что в некоторых странах католический клир, а иногда даже иерархи, не только не знакомы с современным иудаизмом, но и с *Nostra Aetate*, и с документами Ватикана из него происходящими, т.е. не знакомы с соответствующим учением *Magisterium*, касающимся евреев и иудаизма.

Как уже отмечалось, положение евреев в США очень способствовало смягчению негативной памяти трагического прошлого, однако, в еврейском мире и по сей день процветает невежество касательно христианства, особенно там, где почти или совсем нет соприкосновения с современными христианами.

В единственной государственной системе, где евреи являются большинством, в государстве Израиль, эта проблема ещё усугубляется политической и социальной ситуацией. На Ближнем Востоке, как и в большинстве стран мира, религиозные общины

имеют тенденцию жить в своём собственном языковом, культурном и конфессиональном окружении, и Израиль в этом смысле – не исключение. Более того, арабы-христиане в Израиле являются меньшинством в меньшинстве – составляя примерно 120 тыс. человек среди полутора миллионов арабских граждан, подавляющее большинство из которых – мусульмане, и которые составляют примерно 20 % от общего числа граждан Израиля (всего их около 7,5 млн.).

По правде сказать, арабы-христиане представляют особо успешное меньшинство во многих отношениях. Их социо-экономический и образовательный уровень значительно выше среднего – их школы показывают высочайшие результаты в ежегодных экзаменах на аттестат зрелости. Многие из них (христиан) стали известными политиками и извлекли немалую пользу из демократической системы, интегральной частью которой они являются. Однако, повседневная жизнь большинства арабов и евреев протекает в определенных рамках. И, как результат, большинство израильских евреев не встречаются с современниками христианами; и даже, когда они выезжают за границу, они имеют склонность воспринимать людей как неевреев, а не как современников христиан. Соответственно, до недавнего времени большая часть израильского общества совершенно не подозревала о серьёзных изменениях в еврейско-католических отношениях. Тем не менее, эта ситуация за последнее десятилетие стала в корне изменяться по различным причинам, две из которых достойны особого внимания.

Первая причина – влияние визита в 2000 году ныне покойного папы Иоанна Павла II, который стал возможным после установления шестью годами ранее двусторонних отношений между Израилем и Святым Престолом. Последнее событие, безусловно, оказало воздействие на восприятие христианства евреями в Израиле, но именно визуальные образы, значение которых так хорошо понимал папа Иоанн Павел II, раскрыли израильскому обществу трансформацию, произошедшую в христианском учении и в отношении к еврейскому народу, с которым сам папа Иоанн Павел II всегда искал дружбы и взаимоуважения. Для израильтян было

настоящим потрясением видеть, как папа стоит у Стены Плача, (это всё, что осталось от Второго Храма) в глубоком почтении к еврейской традиции, и вкладывает записку с молитвой, им написанной, для литургии покаяния, которая состоялась здесь, в соборе св. Петра, за две недели до этого. В молитве – проосьба о Божьем прощении за грехи, совершённые против еврейского народа на протяжении многих веков. Евреям Израиля ещё предстоит долгий путь для преодоления отношения, оставленного негативным прошлым, но, без сомнения, со временем этого исторического визита их отношение к христианам изменилось. Кроме того, визит проложил новый путь к диалогу, взаимопониманию и сотрудничеству в форме двусторонней комиссии Главного Раввината Израиля и комиссии Святого Престола по религиозным связям с евреями, основанной по инициативе папы Иоанна Павла II, и активно поддержанной папой Бенедиктом XVI во время паломничества в Святую Землю в прошлом году, а также в его выступлении здесь, в Большой синагоге Рима, ранее, в нынешнем году.

Второй важный фактор – это приток новых христиан, которые удвоили демографическую составляющую христиан в Израиле. Я имею в виду, прежде всего, примерно 50 тысяч практикующих христиан, которые прибыли в Израиль в последние два десятилетия в составе репатриантов из бывшего СССР. Интегрально встроенные в еврейское общество через семейные и культурные связи, они, несомненно, впервые, со времён самой первой христианской общины (которая была еврейской), представляют христианское меньшинство, которое, в то же время, видит себя неотъемлемой частью еврейского большинства. Христиане эти, как и арабы-христиане, являются израильскими гражданами, и в полной мере пользуются всеми гражданскими правами (избирательное право, равенство перед законом и т.д.). Однако, в Израиле существует и третья, довольно значительная по численности, группа христианского населения, чьё пребывание в стране не всегда законно. Четверть миллиона иностранных рабочих включают в себя десятки тысяч верующих христиан с Филиппин, из Восточной Европы,

Латинской Америки, из Африки. Большинство этих рабочих находятся в стране легально и временно. Однако, около половины из них попали или остались в стране нелегально, и их положение, с точки зрения закона, сомнительно.

Тем не менее, существенное христианское присутствие, проявляющееся в активной религиозной жизни, составляет сегодня в Израиле третье измерение христианской реальности. Все эти факторы способствовали знакомству Израиля с современным христианством. К тому же, существует около двух сотен израильских организаций, содействующих арабо-еврейскому взаимопониманию и сотрудничеству в целом, и, буквально, десятки организаций, способствующих межрелигиозному общению, диалогу, исследованиям. Участие христиан в этой деятельности весьма значительно, благодаря интенсивной работе христианских институтов, духовенства, учёных, международных представителей различных Церквей и т.д. Кроме того, сам факт существования в государстве Израиль христианского и мусульманского меньшинства, которое еврейское большинство должно понять и принять, также является импульсом для межрелигиозных контактов.

Ситуация, в которой живут христиане Израиля, очень отличается от ситуации их братских общин в Святой Земле, являющихся частью палестинского общества, борющегося за свою независимость, т.к. последние неизбежно оказываются втянуты в повседневность израильско-палестинского конфликта. Действительно, расположение некоторых из этих общин на линиях пересечения израильской и палестинской юрисдикции означает, что им приходится испытывать основную тяжесть мер безопасности, которые государство Израиль вынуждено применять для защиты своих граждан от нескончаемого потока насилия, проявляемого со стороны палестинских территорий. Поэтому, выражение палестинскими христианами своей боли и надежд в связи со сложившейся ситуацией является абсолютно правильным и уместным. Однако, примечательно и прискорбно, что выражение это не всегда было созвучно букве и духу *Magisterium*, касающегося отношения к евреям и иудаизму. Это очевидно отражается и в более широ-

ком географическом контексте, где влияние арабо-израильского конфликта вызвало у многих христиан дискомфорт в связи с обнаружением Церковью её еврейских корней, и часто – предпочтение исторических предубеждений истине.

Однако, положение палестинцев вообще и палестинских христиан в частности, должно быть предметом серьёзной заботы евреев как в Израиле, так и в диаспоре.

Прежде всего, потому, что именно иудаизм принёс миру осознание того, что каждый человек создан по образу Божию; и, как учат мудрецы Талмуда, любое проявление неуважения к человеку является, соответственно, неуважением по отношению к самому Творцу; на нас лежит особая ответственность, особенно за соседей, которые страдают. Эта ответственность ещё увеличивается, когда страдание вызвано конфликтом, частью которого мы являемся, и, – парадоксально, – именно там, где на нас лежит моральный и религиозный долг охранять и защищать самих себя.

Лично для меня, как для израильтянина и жителя Иерусалима, тяжёлая ситуация в Святой Земле и страдания множества людей, находящихся по различные стороны политических баррикад, являются источником невыносимой боли; даже притом, что я полностью осознаю, что многое используется для нагнетания напряжения, которое далеко переходит географический аспект самого конфликта.

И всё же, я благодарю Господа за то значительное количество организаций в нашем обществе, которые стараются, насколько возможно, облегчить страдания людей в этой сложной ситуации.

Я горд тем, что являюсь основателем одной из таких организаций – *Раввины за права человека* – члены которой, будучи лояльными израильскими гражданами, продолжают борьбу за сохранение и утверждение человеческого достоинства всех, и особенно, тех, кто уязвим. Безусловно, я полностью осознаю кровавые события недавнего прошлого на улицах наших городов, а также и существующую угрозу в настоящем от тех, кто задумал разрушить и уничтожить Израиль. Тем не менее, мы должны стремиться делать всё возможное для облегчения трудностей ситуации, и,

особенно, когда они касаются христианских общин в Иерусалиме и окрестностях.

На самом деле, в последние месяцы наблюдается значительное улучшение условий, например, в отношении свободного передвижения духовенства, несмотря на требования безопасности, и более внимательное отношение к нуждам местных христианских общин со стороны властей. Мы продолжаем отстаивать эти изменения, веря, что это – в наших общих интересах.

Безусловно, еврейская ответственность за христианские общины, за обеспечение их процветания в нашей среде, – уважая тот факт, что Святая Земля это место рождения христианства и его святынь, – усиливается нашим увеличивающимся чувством братства.

И даже помимо наших особых отношений, христианство, как меньшинство в среде евреев и мусульман, играет особую роль в наших обществах в целом. Положение меньшинства всегда является глубоким отражением социального и морального состояния в обществе как таковом. Благополучие христианских общин на Ближнем Востоке есть не что иное, как барометр этического уровня наших стран. Сама степень, в которой христиане пользуются гражданскими и религиозными правами и свободами свидетельствует о здоровье или немощи соответствующих обществ на Ближнем Востоке.

Более того, как я уже упоминал, христиане вносят неоценимый вклад в активизацию межрелигиозного взаимопонимания и сотрудничества в стране. И действительно, я бы позволил себе предположить, что это и есть истинно христианское занятие, способствовать преодолению предубеждений и недоразумений, которые терзают Святую Землю и которые в большой степени усилены в регионе в целом. В то время, как было бы несправедливо предполагать, что малые местные христианские общины будут в состоянии сами нести подобную ответственность, мы могли бы надеяться, что поддержанные в этом Вселенской Церковью и её иерархией, они (христиане) могут стать благословенными миротворцами в городе, чьё имя означает мир, и который так важен

для наших общин. Начальные признаки этого уже заметны в ведущей роли местных католиков в основании, – в последние годы, – Совета Религиозных институтов Святой Земли, который объединил Главный Раввинат Израиля, Шариатский суд и Министерство по делам религии Палестинской Автономии и официальное христианское руководство в Святой Земле. Этот Совет не только содействует связям между различными религиозными властями, но и старается бороться с непониманием, фанатизмом и подстрекательством, а также старается стать силой урегулирования и примирения, чтобы две нации и три религии могли жить в стране с полным достоинством, свободно и спокойно.

Instrumentum Laboris этой особой Ассамблеи Ближнего Востока цитирует слова папы Бенедикта XVI, сказанные в интервью газете «Оссерваторе Романо» по пути в Святую Землю: «...важно, чтобы, были и двусторонние диалоги – с иудаизмом и с исламом – а затем, также трёхсторонний разговор» (ч. 96). Действительно, в этом году, впервые Папский Совет по межрелигиозным отношениям и Папская Комиссия по религиозным связям с еврейским народом провели в Севилье (Испания) совместную встречу с Международным Еврейским Комитетом по международным консультациям (IJCIC) и Фондом Трёх Культур, – наш первый трёхсторонний разговор.

Для меня это стало особой радостью, т.к. предложение это было выдвинуто во времена моего председательства в IJCIC, и я искренне надеюсь, что это только начало более обширного трёхстороннего разговора, который преодолеет подозрения, предубеждения и непонимание, чтобы вместе мы смогли высветить общие ценности семьи Авраама, ради благоденствия всего человечества.

Мне кажется, что вышеупомянутая двусторонняя комиссия Главного раввината Израиля и Совета Религиозных институтов Святой Земли несет в себе даже ещё большую возможность в этом отношении.

Instrumentum Laboris, также, обеспечивает для христиан, вместе с мусульманами и евреями, постижение самой природы отношений. Документ цитирует слова папы Бенедикта XVI в Кёльне,

в августе 2005 года, когда он определил отношения с исламом как «жизненную необходимость ... от которой в большой степени зависит наше будущее» (ч. 95). Действительно, для Ближнего Востока это – прописная истина. В зависимости от понимания концепции *дар эль-ислама* только в контексте географическом/культурном, или теологическом, встаёт критический вопрос для будущего наших общин: будут ли в состоянии наши мусульманские братья воспринимать христианское и еврейское присутствие в регионе как абсолютно законное и интегральное. Действительно, обращения к этой теме не что иное, как «жизненная необходимость ... от которой ... зависит наше будущее».

В самом деле, это касается самой сути вопроса, т.е. корня арабо-израильского конфликта. Те, кто заявляют, что «корнем» конфликта является «оккупация», по меньшей мере, неискренни. Этот конфликт тянулся десятки лет задолго до Шестидневной войны 1967 года, в результате которой Западный берег Иордана и Газа перешли под израильский контроль. «Оккупация», в действительности, есть именно следствие конфликта, истинный «корень» которого в том, может ли арабский мир допустить существование неарабского государства в своей среде.

Однако, *Instrumentum Laboris*, комментируя *Dei Verbum*, определяет диалог Церкви с «её старшими братьями» не только как необходимый, но как «насущный» (ч. 87). И в нынешнем году, посещая Большую синагогу в Риме, папа Бенедикт XVI цитировал Катехизис Католической Церкви (ч. 839): «Церковь, Божий народ в Новом Завете, исследуя свою собственную тайну, открывает свою связь с еврейским народом, “первым, к кому обращены были слова Господа”, и добавляет, что “в отличие от других нехристианских религий, иудейская вера уже представляет собою ответ на Богооткровение». Эти слова перекликаются со словами покойного папы Иоанна Павла II, который во время своего исторического визита в тот же центр еврейского поклонения в этом городе в 1986 году, заявил, что «еврейская религия не является для нас чем-то внешним, посторонним, напротив, определённым образом, она составляет внутренность нашей религии». И более

того, в своём Апостольском Послании (28.06.2003) папа описывает «диалог и сотрудничество с последователями иудаизма», как «фундаментально важный для самопознания христиан», в соответствии в призывом Синода «для признания общих корней, связывающих христиан и еврейских народ, призванного Господом к Завету, который остаётся неизменным».

Как я уже отмечал, политические реалии Ближнего Востока не всегда позволяют легко понять, не говоря уже о том, чтобы принять, эти уверещания. Тем не менее, я молюсь о том, чтобы чудо, которое Иоанн Павел II описывал как «цветение новой весны в отношениях» постепенно стало очевидным на Ближнем Востоке и во всём мире.

Для этого, давайте с ещё большей преданностью посвятим себя, посредством и молитвы и труда, всеобщему миру и достоинству. Давайте молиться словами папы Иоанна Павла II у Стены Плача в Иерусалиме, которыми папа Бенедикт завершил своё выступление в Большой синагоге в Риме: «Пошли мир Твой Святой Земле, Ближнему Востоку и всей семье человеческой, разбуди сердца тех, кто призывает Имя Твоё, чтобы смиренно шли они путём справедливости и сострадания».

И позвольте мне, как человеку, прибывшему к вам из святого и любимого всеми нами города, завершить выступление словами Псалмопевца: «Благословит тебя Господь с Сиона, и увидишь благоденствие Иерусалима во все дни жизни твоей» (Пс 128:5).

*Перевод с английского
Татьяны Троян*

Священник Рафик Хури

МОЙ УЧИТЕЛЬ ИЕРУСАЛИМ

Беседа

Наталья Больщакова: Здравствуйте, отец Рафик! Мы знаем, что вы живете в Израиле, что по национальности вы – араб, и что вы – христианин, католический священник. Расскажите, пожалуйста, о Вашем пути, о Вашем видении Святой Земли, Иерусалима.

Отец Рафик: Меня зовут Рафик Хури. Это очень распространенная фамилия на Ближнем Востоке. По-арабски «хури» – «священник». Значит, среди моих предков были священники восточного обряда¹, и весь наш род стал именоваться «семьей священников».

Я родился и вырос в поселке Тайбе («хороший» по-арабски). Согласно христианской традиции, Иисус удалился туда² незадолго до Своих Страстей.

Я был рукоположен во священники в 1967 году, через месяц после Шестидневной войны. Таким образом, все мое священническое служение протекало на фоне израильской оккупации и связанных с ней страданий.

В прошлом году меня назначили настоятелем прихода на севере от города Рамалла. А до этого я почти все время жил и служил в Иерусалиме. С ранних лет Иерусалим поразил мое воображение: я часто поднимался на холм в Тайбе, откуда можно увидеть Елеонскую гору. Поселившись в Иерусалиме, я научился любить его, более того, этот Святой Город многому научил меня. День за днем, его дух, его тайна вливались в мое сердце, расширяя его границы. Ибо к Иерусалиму невозможно оставаться равнодушным.

Иерусалим научил меня любви и справедливости, состраданию и прощению. Он показал мне, что явления, казавшиеся мне

¹ Священники восточного обряда могут быть женатыми.

² Имеется в виду город Ефраим, см. Ин 11:54. – *Прим. ред.*

несовместимыми, на самом деле дополняют друг друга. Ибо Иисус примирил несовместимое. А Иерусалим пропитан Духом Иисуса.

Иерусалим научил меня, что я могу быть человеком только вместе с другими людьми; что я могу быть христианином только вместе с другими христианами; что я могу быть верующим только вместе с другими верующими.

Иерусалим научил меня примиряться с моей собственной памятью, не отвергая при этом памяти других; и понимать, что Церковь Воскресения не исключает Мечети Омара и Стены Плача и что праздники одних не исключают праздников других.

Иерусалим научил меня, что единство и многообразие не взаимопротивоположны, но что единство предполагает многообразие, а многообразие нуждается в единстве.

Иерусалим научил меня, что жизнь состоит из «давать» и «принимать», и что каждому есть что дать и что принять.

Иерусалим научил меня, что моя личность должна быть открытой, а не закрытой, что обрести полноту она может, только обогащаясь личностью другого.

Иерусалим научил меня, что вселенскость не отменяет уникальности, и что воистину универсален лишь тот, кто готов привлечь к своей трапезе все богатства всех уникальных.

Иерусалим научил меня, что отношения между людьми – это процесс жизни и смерти, Пасхальный процесс. В Иерусалиме невозможно жить, не умирая для разрушительных аспектов нашего человеческого естества, чтобы открыть путь силам жизни.

Иерусалим научил меня, что любовь – это всегда распятие, что она может выжить, лишь если переживает непрестанное очищение.

Иерусалим научил меня, что все это осознается возле пустого гроба, где почивало Тело Того, Кто разрушил в Теле Своем стену вражды, разделявшую две общины, дабы собрать их воедино³.

Иерусалим – город многообразия и контрастов. Именно здесь многообразие распинается (и распинает), напоминая нам, что

³ См. Еф 2:14-16. – Прим. ред.

наша жажда примиренного человечества всегда остается неутоленной, что она требует от нас непрестанных усилий и духовной брани.

Н. Б.: Спасибо, отец Рафик, что вы поделились Вашей любовью к Иерусалиму и дали понять, что для Вашего мироощущения значит этот Святой Город.

Еще вопрос. Скажите, пожалуйста, как вы воспринимаете Псалтирь?

О. Р.: Псалтирь – богодохновенная книга Библии. Она содержит дивные и волнующие молитвы «на все случаи жизни». Кроме того, Псалтирь – молитва Церкви. Каждый день я молюсь по ней, читая *Бревиарий*. Надо сказать, что для арабской христианской общины Псалтирь очень важна, и многие используют псалмы в личной молитве. Я собираюсь устроить в моем приходе встречу, посвященную книге псалмов. Мы сначала поговорим об этой книге, объясним, как включить ее в молитвенное правило, а потом раздадим Псалтирь каждой семье, чтобы тем самым «подпитать» их ежедневную молитву.

Н. Б.: А что для вас лично несет в себе псалом 137 (136) «На реках Вавилона»?

О. Р.: Это ведь псалом изгнанников? В таком случае, надо сказать, что он воистину берет за душу. Он представляет собой молитву всех изгнанников на земле. И каждый может молиться им. (Например, палестинские изгнанники.) Что касается стихов проклинающих, то мы воспринимаем их в духе Евангелия, призывающего нас молиться за врагов.

Н. Б.: Почитают ли арабские христиане ветхозаветных праведников, включенных в святцы Церковью?

О. Р.: В богослужении нашей Церкви Латинского Иерусалимского Патриархата присутствуют праздники ветхозаветных праведников (Авраама, Давида, и других). Они помогают нашему стоянию перед Богом.

Н. Б.: Разделяете ли вы, отец Рафик, арабское духовенство и верующие бесспорный тезис христианского богословия о неразделимости Ветхого и Нового Завета, о призвании Богом народа

Израиля на служение Ему, и о том, что призвание и обетование Божие непреложно, и по сей день, и до скончания века?

О. Р.: Для нас тоже, как и для христиан всего мира, Ветхий и Новый Завет нераздельны. Иначе мы бы не были христианами! Что же касается избранности, мы трактуем ее в свете Христа. Он дает нам осознание вселенской. Все люди, все народы любимы и избраны Богом. Что касается непреложности Божьих обетований, мы говорим, что все обетования исполняются во Христе. Он дарует им новый смысл. Относительно верности Бога Его обетованиям, – у этой верности есть имя: Иисус Христос. Иисус Христос – великое знамение верности Бога Его обетованиям.

*Ноябрь 2010 г., Иерусалим
Перевод с арабского*

«ЦЕРКОВЬ ПЫТАЕТСЯ СТАТЬ ЧАСТЬЮ ИЗРАИЛЬСКОГО ОБЩЕСТВА»

*Беседа с отцом Давидом Нойхаузом (SJ),
настоятелем ивритоязычных католических общин
Латинского Иерусалимского Патриархата в Израиле*

Наталья Большакова: Спасибо, отец Давид, что вы, при вашей занятости, нашли возможность и время встретиться с нами. Прежде всего, расскажите, пожалуйста, о себе.

Отец Давид: Я родился в 1962 году, в еврейской семье с немецкими корнями. В 1936 г. мои предки бежали из Германии, а те из них, кто остался, – погибли в лагерях. Моя семья нашла прибежище в Южной Африке, в Йоханнесбурге, где была очень хорошо организована еврейская община. Мои родители – пара, в которой отец – практикующий иудей, а мама – совсем не практикующая. Компромисс, к которому они пришли к моменту заключения брака был таким: дома минимум проявлений практики, но дети получают религиозное образование. Поэтому меня и моего брата, который на три года младше меня, отправили учиться в очень хорошую еврейскую школу.

Н. Б.: А в Йоханнесбурге, вероятно, было много межнациональных проблем?

О. Д.: Да, это было ужасное время – разгар апартеида. Но мне повезло, что моя мама очень сознательная была. Я был единственным в моей школе, у кого дома не было черных рабов. Мама всегда отказывалась, она говорила: «Если я не имею права платить черной женщине так же, как белой, которая у меня прислуживает, я не беру черную». И моя мама была в числе немногих белых, которые радовались, когда апартеид пал.

И вот, в 1977 году, в этот очень трудный момент в истории Южной Африки, мои бабушка с дедушкой уговорили родителей отправить меня в Израиль и заплатили за дорогу.

Я поехал в Иерусалим. Мне было 15 лет.

Нас было 70 ребят моего возраста – все евреи. Мы жили в интернате, на юге Иерусалима. И в тот момент я не верил ни во что.

Более того – я был возмущен этими обязательными религиозными занятиями в школе, и я все оставил.

Н. Б.: Простите, а дома, в Йоханнесбурге, в шаббат что вы делали?

О. Д.: Отец ходил в синагогу, мама – нет, и мы ходили с отцом. Но в школе мы молились каждое утро. Бар-мицва, с тфелинами – все у нас было, как положено. И мы выучили иврит. Я приехал в Иерусалим, уже зная язык.

Н. Б.: И учился здесь на иврите?

О. Д.: Нас учили здесь на двух языках – на иврите и на английском. В тот момент меня очень интересовала история Европы и особенно России. Я очень интересовался историей семьи Романовых. Я знал из прочитанного, что княжна Романова, Татьяна Константиновна¹ живет в одном монастыре в Иерусалиме. Сразу же, как только я приехал в Израиль, я побежал искать «мой предмет», сбежав из интерната во время шаббата. Но игуменья Тамара была стара и очень больна, и не в состоянии разговаривать. Но ее келейница сказала мне: «Если тебя интересует семья Романовых, ты должен пойти в церковь Марии-Магдалины и поговорить с настоятельницей Гефсиманской обители, ее зовут Варвара², и она знала всю семью Романовых». Мать Варвара была тоже стара, но голова у нее была хорошая, ясная.

Н. Б.: Откуда вы узнали про Романовых?

¹ Дочь Великого Князя Константина Константиновича Романова, княгиня Татьяна Константиновна (по мужу – Багратион-Мухранская) приняла монашеский постриг с именем Тамара; с 1951 по 1975 гг. – игуменья Елеонского монастыря; скончалась в 1979 г., похоронена на Елеоне. – *Прим. ред.*

² Игуменья Варвара (Валентина Николаевна Цветкова, 1889–1983 гг.) похоронена в Гефсимании. – *Прим. ред.*

Давид Нойхауз
во время беседы.
Ноябрь 2010 г., Иерусалим

О. Д.: В 15 лет я изучил историю всей семьи Романовых в деталях. Я знал, что сестра последней императрицы, – Елизавета Федоровна, была похоронена в этом монастыре, в церкви Марии-Магдалины, и я пошел к игуменье Варваре, – 15-летний, маленький еврей, и сказал, что хочу написать биографию Елизаветы Федоровны. Она восприняла меня очень серьезно, и я провел многие часы с ней. Ей было 89 лет в тот момент, когда мы познакомились. Она была парализована, все время лежала в кровати, и я много-много раз приходил к ней. Это происходило каждый раз в субботу во второй половине дня, когда я сбегал из интерната. Удивительно, что она рассказала мне историю Романовых: Николая, Александры, Распутина и так далее... Это было очень интересно. Но что меня поразило больше всего, – это ее радость. Старая, очень больная, прикованная к постели женщина, и при этом – сияющая от радости. Это произвело на меня сильное впечатление, и, словно магнитом, притянуло к ней.

Н. Б.: А на каком языке вы разговаривали?

О. Д.: На английском. Тогда я говорил только на английском и на иврите.

Н. Б.: И ведь матушка Варвара понимала, что перед ней – мальчик, некрещеный еврей?..

О. Д.: Да, она все знала.

Я ее спросил: «Почему ты такая радостная?» И она начала мне говорить о своей вере во Христа. Этот мир все более интересовал и привлекал меня. Христиане, церковь – это было совершенно новое для меня... Я начал организовывать подпольно маленькие группы учеников, и мы вместе сбегали из школы и посещали церкви. Мы начинали с монастыря на Елеонской горе, потом – виа де ла Роса, храм Гроба Господня, и каждый раз мы завершали нашу программу в церкви, которая называется «Москобия».

Н. Б.: Троицкий собор...

О. Д.: Много раз, каждую субботу мы совершали такие походы тайком.

Н. Б.: И этим мальчикам тоже было интересно?

О. Д.: Да, очень. Они открывали новый мир. После трех недель наших походов ректор школы, узнав об этом, призвал меня и ска-

зал: «Выбирай: либо ты прекращаешь это дело и остаешься в школе, а если ты не прекращаешь, мы тебя просто вышлем обратно в ЮАР. Не потому что это плохо, но потому что это опасно – ты ходишь в арабский квартал. Ты прекратишь это дело?» А я ему ответил: «По-моему, очень жалко, что мы сидим здесь в Иерусалиме и знаем только еврейскую сторону». И тогда он мне сказал: «Хорошо. Вот что я тебе предлагаю – на следующей неделе ты берешь меня с собой». Я повел по тому же маршруту ректора и его жену. И потом он сказал: «Ты можешь продолжать».

Н. Б.: Он познакомился с матерью Варварой?

О. Д.: Нет. Тут была какая-то очень личная причина.

В течение этого школьного года я каждый день вел дневник. Все записывал. Все мои встречи с матерью Варварой, и как все это происходило. В конце года я попросил, чтобы все мои соученики что-нибудь написали в моем дневнике. Из-за этих моих визитов в церковь почти все из этих 70-ти мальчиков написали мне: «Дорогой отец Давид, дорогой брат Давид и так далее...» Много лет спустя я показал эти записи моей маме: «Ты видишь, это уже тогда было написано...» В конце учебного 1977 года я вернулся домой и сказал моим родителям, что я хочу стать христианином.

Н. Б.: А вы уже читали Евангелие?

О. Д.: Нет. Это был результат именно моего контакта с матерью Варварой и богослужение.

Родители были в ужасе. Я сказал: «Я буду ждать 10 лет. Мне 15 лет, но если через десять лет это будет по-прежнему истиной для меня, – вы согласитесь. В 17 лет я стал гражданином Израиля. Я начал учиться в университете. Я продолжал постоянные контакты с матерью Варварой до ее смерти, – она умерла в возрасте 93 лет. После ее смерти мне открылась очень большая проблема – антисемитизм в церкви. Матушка Варвара была очень тонко чувствующей, поэтому она и оберегала меня. Она никогда не пытаялась обратить меня в христианство, крестить меня. Она всегда говорила: «Я хочу, чтобы ты был человеком верным, но в своей вере – иудейской».

Но открытием для меня был не только антисемитизм сестер этого монастыря, но так же реакция моего еврейского мира. Мои родители, мои друзья говорили мне: «Как ты, принадлежащий к народу, который христиане преследовали веками, как ты станешь христианином?» Я начал искать, чтобы понять, как Церковь отвечает на этот вопрос. Я не нашел ответа здесь, в православной церкви. Я нашел дивное богослужение, очень глубокую духовность, но которая вся – внутри церкви. И очень большую подозрительность по отношению ко всему, что не в церкви. Это была «белая церковь»³, и она была, как гетто. И так я, в конце концов, пришел к католической церкви. И именно к иезуитам.

Н. Б.: А в каком году это произошло?

О. Д.: В 1981 г. я познакомился с первыми иезуитами. Это был второй год моей учебы в университете. Я встретил отца Питера, который до сих пор живет в Вифлееме. И что мне очень понравилось в нем – это его любовь к миру, потому что и я люблю мир. Я надеюсь, что я не мирской человек, но ведь Бог очень любит мир. И эта открытость к миру, которая тесно связана с самокритикой церкви была для меня очень важна. В моем решении стать христианином значительную роль сыграло то, что церковь способна попросить прощение.

Н. Б.: У евреев?

О. Д.: У евреев, но так же и у всех других.

Н. Б.: Вы имеете в виду церковь при папе Иоанне Павле II?

О. Д.: Это началось раньше. Знаменательная фигура для меня папа Иоанн XXIII. То, что он был готов открыться навстречу миру, который включает в себя и евреев. И так я постепенно перешел от православия к католицизму через греко-католическую церковь, в которую я ходил все время, пока не стал иезуитом. Я должен прибавить, что вся эта история параллельна с другой историей. Когда я приехал в Израиль, я приехал из ЮАР. Я был очень чувствителен к ситуации в стране, которая была разделена на этнические группы, и я уже знал иврит. Я сразу начал учить арабский язык.

³ Так называли РПЦЗ. – *Прим. ред.*

Я несколько лет учил его, очень хорошо себя чувствовал в нем, и я попытался войти глубже в здешнюю поместную арабскую церковь.

Н. Б.: А антисемитизма в арабской церкви не встречали?

О. Д.: Он везде существует. Здесь очень трудно провести разделяющую черту между антисемитизмом, который существует повсюду, и очень сильной оппозицией по отношению к евреям из-за политики израильского правительства. Лично я могу вполне принять то, что говорит палестинский человек против евреев, и я никогда не соглашусь слышать то же самое от европейца.

Потому что для палестинского жителя, евреи – это солдаты, полиция, поселенцы, и он – их жертва. И еврейский народ – жертва европейской истории.

Вот уже 11 лет я преподаю иудаизм по-арабски в университете и в католической семинарии в городке, по соседству с Вифлеемом. Т.е. я пытаюсь как-то помочь изменить перспективу отношений между арабами и евреями. Но это нелегко из-за политической ситуации.

Еще я преподаю христианство – евреям, на иврите. Уже много лет я занимаюсь подготовкой здешних гидов для паломнических групп. Это те гиды, которые специализируются на экскурсиях, связанных с христианством. Вот уже три года я преподаю интенсивный курс христианской герменевтики на иврите.

Н. Б.: В университете?

О. Д.: Это институт, там училась Элишева Хемкер⁴.

Но вернемся к моей истории... Когда десять лет прошло, я снова говорю с моими родителями, они уже видели, куда меня ведет, они согласились. Я был катехуменом в течение двух лет, и перед этим я провел два месяца в тюрьме, потому что я отказался служить в израильской армии. Я был крещен в 1988 году. После крещения сразу попросил, чтобы меня приняли в общину иезуитов. Они мне сказали, что надо подождать три года. Я защитил докторскую диссертацию в Иерусалимском университете и в 1992

⁴ Помощница о. Даниэля Руфайзена, секретарь созданной им общины в Хайфе. – Прим. ред.

году вступил в орден иезуитов, в Ближневосточную провинцию ордена. Это значит, что я выбрал арабскую провинцию, чтобы пройти все этапы моей формации – новициат и т.д. с братьями из Сирии, Ливана, Египта. Я изучал богословие два года в Египте, потом три года в Париже и два года учился библейской экзегетике в Риме.

Латинский патриарх Иерусалима попросил, чтобы я специализировался на Библии, чтобы здесь, в епархии я мог заниматься библеистикой и преподавать.

В сентябре 2000-го года я стал священником. Меня рукоположил Латинский Иерусалимский патриарх Мишель Саба, служба была на иврите и в присутствии моих родителей. И мой отец читал первое чтение из Ветхого Завета на иврите. У меня очень хорошие отношения с моими родителями.

Н. Б.: Но они смогли, спокойно, с мирным сердцем принять ваш путь?

О. Д.: Да. Мой отец очень простой человек. После шестого класса он вынужден был оставить школу. Он не интеллектуал, не аналитически мыслящий человек. А мама – очень культурный человек. В ее жизни были герои и один из них – Альберт Швейцер. Она была гораздо больше открыта к христианскому миру.

Н. Б.: Но ведь для еврейского сознания очень трудно принять, что сын не женится, не приносит внуков своим родителям...

О. Д.: Мне очень повезло! У меня есть брат, который уже девушка.

За две недели до того, как меня рукоположили, я начал преподавать в арабской семинарии, где я и продолжаю работать до сих пор. В то же время я попросил, чтобы мне дали возможность полноценно участвовать в жизни ивритоговорящих общин в Израиле. И это было далеко не всегда легко, потому что очень многие из членов этих общин приехали сюда, чтобы жить в глубочайшей солидарности с Израилем, и они не понимали, почему я работаю с палестинскими людьми. И эта проблема, которая существует в огромном количестве общин, в том числе и среди малых сестер.

Н. Б.: Даже и среди малых сестер?..

О. Д.: Да, сестры, приехавшие в Израиль, чтобы делить жизнь с палестинским народом, не общаются с теми сестрами, которые приехали ради солидарности с еврейским народом. И если это так, если даже эти монахини, которыми движет единая любовью, находятся в конфликте друг с другом, – то какая может быть надежда на мирные отношения между арабами и евреями?!

В прошлом году меня назначили папским викарием для ивритоговорящих общин, и я думаю, что для многих это был шок. Но это нынешняя реальность.

Н. Б.: Вы преподаете иудаизм арабам-христианам. Как они его воспринимают?

О. Д.: Проблема не в богословии и не в философии. Проблема в том, чтобы убрать стены, которые появились из-за политики, из-за оккупации. Довольно трудно войти в класс и начать занятия, потому что они всё знают о евреях. Еврей – это враг. Это не богословие, это не связано с верой, это связано с реальной действительностью, в которой они находятся. И проблема в том, чтобы преодолеть их предубеждение, их закрытость, и когда удается это изменить, когда они открываются, – тогда я могу сказать им: «Вы ничего не знаете».

Вы меня не спросили, как я их «открываю». Знаете, что я делаю? Я ставлю музыкальную кассету. Они слушают, и они очень удивлены, потому что звучит песня, которую они отлично знают. Они прекрасно знают эту певицу. Это Лейла Мурад. Великая певица. Она была очень знаменита в Египте в 40–50 годах XX века. И для всего арабского мира она – как Мэрилин Монро для западного мира, – до сих пор. Мои студенты знают ее песни наизусть. И когда песня заканчивается, я спрашиваю: «Почему я поставил вам эту песню? Какая связь между этой песней и моим уроком?» Они забыли, что Лейла Мурад – еврейка. Отец Лейлы – Заки Мурад был одним из величайших еврейских композиторов. Евреи играли огромную роль в арабской цивилизации, в культуре. И было время, когда были *арабские евреи*. После 1948 года началось противопоставление, и постепенно это стало, как нечто

противоположное. Вот, например, я – немецкий еврей. Но сегодня невозможно сказать «арабский еврей».

Преподавая в течение 11 лет «Введение в иудаизм», я стараюсь для моих семинаристов-палестинцев организовать в Иерусалиме три посещения, три встречи – мемориал Яд ва-Шем, синагога и общение со студентами-евреями. Перед посещением Яд ва-Шем я их прошу на два часа забыть, что они арабы, прошу их быть просто людьми. Им удавалось отодвинуть самоощущение арабов и действительно войти в трагедию Холокоста, но потом возникал вопрос, который мне часто задавали: «Как вы, евреи, после того, что вы пережили в Европе, можете делать с нами то, что вы делаете?..» И это не антисемитизм. Это человеческий, очень глубокий вопрос.

Н. Б.: А у ваших студентов ничего не возникает, когда совершаются террористические акты, когда взрываются автобусы, гибнут мирные люди?..

О. Д.: Это ужасно, но страдания в этой земле хватает на всех. Это было бы ложью сказать, что страдает только одна сторона.

Н. Б.: У меня такое чувство, что сатана, – которому всегда надо, чтобы люди были врагами, – на этой земле как будто сорвался с цепи.

О. Д.: Да, это так.

Н. Б.: Но в таком случае, есть ли у вас надежда и на чем она, кроме упования на Бога, держится?

О. Д.: Единственная человеческая надежда, которая у меня есть, это то, что не всегда было так. Значит, может быть что-то другое. Нужно знать историю, потому что история тоже дает надежду, – ведь конфликты не вечны. Мы не предопределены жить так, как мы живем сейчас. Было время, когда арабы и евреи жили вместе. И это дает мне надежду, что потом, после нынешней трагедии, опять придет это время. Главное для человека – вера, вера не только в то, что Бог есть, но, что Он – среди человеческого страдания. Он – самый страдающий.

Н. Б.: Отец Давид, недавно вы вернулись из Рима, где впервые в истории Церкви папой Римским был созван Синод Епископов

Католической Церкви Ближнего Востока, проходивший в Ватикане с 10 по 24 октября 2010 года. И вы в нем участвовали, выступали там. Скажите, пожалуйста, кто принял участие в работе Синода и каков основной повод его созыва?

О. Д.: В работе Синода участвовали семь патриархов Католической Церкви (Маронитский, Мелькитский, Сирийский, Халдейский, Армянский, Коптский и Латинский), а также епископы из 17-ти стран, от Египта до Турции и Ирана, включая Святую Землю (Израиль, Палестину, Иорданию и Кипр), Арабские Эмираты, Кувейт, Ливан, Сирию и диаспору Восточных Церквей Ближнего Востока.

Основная проблема, обсуждавшаяся на Синоде, – как остановить эмиграцию коренных христиан из стран Ближнего Востока, эмиграцию, все усиливающуюся и поставившую под угрозу существование христианских общин по всему этому региону. Христианские общины на Ближнем Востоке не только всюду составляют меньшинство, но часто они существуют в рискованных, а, порой, в опасных обстоятельствах.

Папа Бенедикт XVI, после мессы в честь завершения Синода, сказал: «...Конфликты, войны, насилие и терроризм слишком долго продолжаются на Ближнем Востоке. Мир, этот дар Божий, есть также результат усилий людей доброй воли, национальных и международных организаций, в особенности, государств, вовлеченных в поиски решения конфликтов. Нельзя нам примиряться с отсутствием мира. Мир возможен. Мир настоятельно необходим. Мир – обязательное условие достойного существования людей и общества. Он также является самым лучшим условием для прекращения эмиграции из стран Ближнего Востока. “Просите мира Иерусалиму” – говорится в псалме (122:6). Мы молимся о мире в Святой Земле. Мы молимся о мире на Ближнем Востоке, предпринимая попытки гарантировать этот дар Божий людям доброй воли, который следует распространить по всему миру».

Н. Б.: И какое можно вывести резюме после окончания Синода?

О. Д.: В ходе работы Синода, в результате многих дискуссий были определены девять основных задач, требующих решения.

В частности, – осуществлять необходимый диалог с мусульманским большинством на Ближнем Востоке и противостоять исламскому радикализму в союзе с умеренными мусульманами, которым он в равной степени угрожает; искать пути диалога с евреями в ситуации политического конфликта между Израилем и арабским миром; служить мостом над многочисленными пропастями, разделяющими регион. Израильско-Палестинский конфликт является центром напряжения, но существуют и прочие многочисленные конфликты, и здесь Церковь должна стать свидетельством мира и справедливости.

Кроме того, были сформулированы те положения, которые дают основания для сотрудничества и диалога, как с иудеями, так и с мусульманами. Известно, что нас объединяет одно Писание, ведь Слово Божие, Ветхий Завет, – одинаково важен и для христиан и для иудеев. У нас общая вера во все, что Бог говорит там, с момента призыва Авраама, нашего общего отца по вере, Праотца евреев, христиан и мусульман. Мы верим в обеты Бога и в завет Его, данный Аврааму и евреям. Мы верим в подлинность Слова Божия во веки веков. Пришло время нам вместе устремиться к справедливому и устойчивому миру. Слово Божие призывает к этому и христиан, и евреев. Слово это побуждает нас услышать голос Божий «о мире гасящий»: «Послушаю, что скажет Господь Бог. Он скажет мир народу Своему и избранным Своим». (Пс 85:9).

И с мусульманами мы объединены верой в Единого Бога и заповедью о любви к Богу и к ближнему. Совместно мы должны строить наше гражданское общество на основе справедливости, взаимоуважения и религиозной свободы ради мира, достоинства личности, ценности жизни и семьи.

Во многих государствах Ближнего Востока существует свобода вероисповедания, однако пространство этой свободы весьма ограничено. Необходима гарантия, – для всех членов различных религиозных общин, – истинной свободы жить и практиковать свою веру. Тема эта должна стать предметом диалога между христианами и мусульманами.

Н. Б.: А как вы лично считаете, что нужно сделать, чтобы христиане не покидали Ближний Восток?

О. Д.: У меня нет определенного решения. Но есть какие-то вещи, которые очевидны. Пока нет мира, нет справедливости, нет стабильности, нет возможности обеспечить безопасность и будущее своих детей, христиане будут убегать.

В тех регионах Ближнего Востока, где государство имеет жесткую конфессиональную определенность, христианам очень трудно явить свою идентичность. Здесь – это израильское государство и вокруг нас – мусульманские государства. И здесь, и там христиане теряют чувство своей конфессиональной принадлежности.

Н. Б.: Но ведь вы пытаетесь создать полноценную христианскую жизнь в Ивритоязычном Викариате св. Иакова, который вы с 2009 года возглавляете. Какова история возникновения Викариата?

О. Д.: История его связана с образованием государства Израиль в 1948 году, когда волны репатриантов и эмигрантов во много раз увеличили еврейское население, а среди прибывших были тысячи католиков, в основном, члены еврейских семей, которые оказались частью еврейского, ивритоязычного, израильского общества. По языковым, культурным и политическим причинам им не нашлось места в поместной арабоязычной Церкви.

Ивритоязычные католические общины с самого начала своего образования находятся под покровительством св. Иакова, брата Господня, первого епископа Иерусалима. В 1955 году возникла организация «Дело св. Иакова» для заботы о ивритоязычных католиках, призванная явить ту непрерывную связь, которая объединяет ивритоязычную общину в Израиле с ранней христианской Церковью, в которой ярко проявлялась её еврейская принадлежность. Как известно из «Церковной истории» Евсевия Кесарийского, первые 15 епископов Иерусалима были «все из обрезанных», и «вся Церковь Иерусалима состояла из верующих евреев». Кроме того, «Дело св. Иакова» было призвано развивать диалог между Церковью и еврейским народом. Пасторальный аспект организации трансформировался в Ивритоязычный Католический Викариат (в рамках Латинского Иерусалимского патриархата), деятельность которого расширялась в связи с новой волной репатриации,

в результате которой в страну приехали более миллиона русскоязычных граждан-евреев, и среди них – десятки тысяч христиан. И сегодня иврит также является языком Церкви на Ближнем Востоке.

Н. Б.: Как вы определяете на сегодняшний день цель и миссию Викариата?

О. Д.: Сегодня существуют семь ивритоязычных общин по всему Израилю. Они являются живым оазисом для тех католиков, которые составляют вдвойне маргинализированное меньшинство: находясь в обществе, где преобладает еврейское население, и в Церкви, которая, в основном, является арабской.

Поэтому мы продолжаем упорно работать, чтобы все составляющие церковной жизни – таинства, катехизация, молитва и братское общение – получали свое, как можно более полное, выражение на иврите. Мы, «встроенные» в еврейское общество, живем в своей христианской вере, языке, литургию, праздники и практику которой сформировали ранние христианские общины. Наша инкультурация в обществе, безусловно, напоминает первые христианские общины в Иерусалиме времен апостолов.

В то же время, мы призваны углублять единение с нашими арабскими братьями-христианами, молясь совместно о мире и справедливости для всех.

В течение ряда лет еще три группы населения начали жить «на иврите», тем самым пополнив общину ивритоязычного Католического Викариата в Израиле:

- десятки тысяч католиков – иностранных рабочих;
- тысячи беженцев, прибывших со всех концов земного шара;
- десятки семей арабов-христиан, которые переселились в еврейские регионы, где преобладает иврит.

В результате этих явлений, сегодня в Израиле тысячи христианских детей учатся в израильских еврейских школах на иврите и прекрасно адаптировались в новых условиях. Поэтому настоятельно необходимо расширять ивритоязычное католическое присутствие, с тем, чтобы евангелизация и религиозное просвещение этой части населения могли осуществляться как можно более

эффективно. На карту поставлено христианское самосознание всех этих детей.

Таким образом, мы видим, что у ивритоязычного Викариата двойная миссия. Первая – по отношению к Церкви в Израиле/Палестине и на Ближнем Востоке: он призван помочь Церкви перейти от отношений подозрения и неприятия (вследствие политического конфликта) к отношениям взаимного уважения религиозных и духовных традиций, что неразрывно связано с самими основами христианской веры. Вторая – по отношению к израильскому еврейскому обществу: помочь израильтянам понять Католическую Церковь, осознать глубоко укоренившееся присутствие Церкви и христиан в Святой Земле и обострить восприятие действительности, в которой существуют христиане. Тот факт, что евреи составляют в обществе подавляющее большинство, кардинально обуславливает диалог. Нигде и никогда прежде христианам не приходилось существовать в рамках еврейского государственного устройства. Положительный аспект самого факта еврейского большинства, существующего в безопасности в обществе, основанном на принципах и морали иудейской традиции, это – растущая открытость по отношению к христианам. Диалог должен помочь в поисках решения конфликта, а также осуществления для христиан возможности свидетельствовать о Воскресшем Господе на Земле, которая была Его земным домом.

Н. Б.: Да, значимость миссии Викариата трудно переоценить... Скажите, пожалуйста, была ли связь у Викариата с папой Иоанном Павлом II?

О. Д.: Да, многое связывает нас с именем папы Иоанна Павла II. Велик вклад Папы в развитии отношений между католиками и евреями. Ведь именно он стал инициатором установления дипломатических отношений между Израилем и Святым Престолом. Иоанн Павел II, впервые за всю историю Церкви, посетил синагогу в Риме в 1986 году. Он первый совершил паломничество в святые места иудаизма и еврейской истории, включая Стену Плача, посетил Главный Раввинат, мемориал Яд ва-Шем и концлагерь Освенцим.

Папа постоянно интересовался жизнью наших ивритоязычных общин, и среди его ближайших советником были люди, близкие к нашим общинам в Израиле – архиепископ Парижа кардинал Жан-Мари Люстиже и кардинал Жорж Котье, папский теолог.

Два священника из наших общин были удостоены особых личных аудиенций у папы Иоанна Павла II в 1984 году: брат Йоханан Элихай⁵ и отец Даниэль Руфайзен. Оба они рассказывали Святейшему Отцу о жизни наших общин и о нуждах ивритоязычных католиков в Израиле.

Н. Б.: Мы не были лично знакомы с Даниэлем Руфайзеном, хотя он и приглашал нас приехать к нему в общину в Хайфу. К большому сожалению, мы не смогли приехать к нему. Но мы перевели и опубликовали в 1994 году в «Христианосе-III», в сокращенном виде, его работу «Евреи-христиане в истории христианства». Это была первая публикация отца Даниэля на русском языке, и в ней были отражены его взгляды, позиция, его мысли о том, что было для него очень важным. Для многих читателей эта статья была открытием, – и потому, что мы не знаем здешней реальности, и потому, что историю знаем искаженно. Кто-то был шокирован позицией отца Даниэля, – думаю, опять же потому, что нельзя себе умозрительно, не находясь *внутри* Израиля, представить эту жизнь.

И в 1998 году в «Христианосе-VII», сразу после кончины Даниэля, мы опубликовали статью «Памяти отца Даниэля». И через наших друзей, которые были в его общине в Хайфе, и через тех, которые приезжали к нему, мы имели представление о его необыкновенном служении, о его личности, о жизни общины, в которой он был и отцом, и слугой, и братом, и другом, – «всем для всех»...

Хочу спросить вас, отец Давид, что вы думаете об отце Даниэле Руфайзене, о его служении, о его пути?

О. Д.: Это было потрясающее присутствие... Несколько недель назад, когда я прилетел в Рим, я вышел из самолета с изра-

⁵ См. беседу с малым братом Йохананом Элихаем в этом номере альманаха, стр. 237–253.

ильянкой, пожилой еврейкой. Я был в сутане, она улыбнулась. Я сказал ей: «Шалом!» Она мне: «Ты говоришь по-еврейски!» У нее эта встреча вызвала воспоминания о Даниэле, потому что для нее ивритоговорящая церковь – это Даниэль. И в этом смысле он являл собой что-то очень важное. Пионер того, что мы пытаемся сейчас претворить в жизнь здесь, что мы хотим воплотить. Но мир и общество меняются. И я не уверен, что все ответы Даниэля подходят для сегодняшнего дня. Но его основополагающая интуиция – очень верная.

Н. Б.: Все, что мы здесь о нем слышим от людей, свидетельствует, что он был отцом для всех, кто нуждался.

О. Д.: Это пастырское призвание. Даниэль был замечательный пастырь.

Н. Б.: Что, по-вашему, осталось в Израиле, в церкви, как его наследие?

О. Д.: Я думаю, что особенность его служения связана с интуицией, что церковь здесь должна воплотиться в общество, что мы должны жить внутри общества. Не изолированно, но именно внутри общества. И это правда. И он пытался это воплотить, и в этом было революционное что-то. Впервые в истории христианства церковь пытается стать действительно частью общества израильского.

Н. Б.: Отец Даниэль говорил, что Церковь без Иерусалимской апостольской общине евреев не может жить полноценно, что отрыв от корней и подмена Иерусалима Римом – трагедия для христианства «от языка», продолжающаяся до наших дней. Восстановление в правах Матери всех церквей должно принести исцеление другим Церквам. Даниэль хотел мира вместо споров и объединения при многообразии форм выражения.

О. Д.: Здесь нужно быть очень скромными. Не все слова Даниэля мне подходят. «Мы наследники апостольской церкви» – говорил он. Но ведь мы ее наследники вместе с нашими братьями и сестрами – арабами. Даниэль говорил: «Мы корень, а вы иностранцы». Он говорил это арабам. Нет, я не согласен. Я думаю, что исток церкви здесь, Иерусалим – Матерь церквей, но это была

очень разнообразная церковь первого века и она остается очень разнообразной. Это не только одно течение и всё. При том, что Даниэль был бесконечно смиренен, порой, мне кажется он очень нетерпеливым. Основатель, у которого грандиозное видение, очень часто нетерпеливый человек. Он хочет видеть результат в течение своей жизни. Церковь не рождается так быстро. Созидание тела Церкви – это очень долгая история развития. Но интуиция Даниэля была великолепна и абсолютна точна!

Н. Б.: Merci beaucoup, David!

*Ноябрь 2010 г., Иерусалим
Перевод с французского*

«НЕТ ДЛЯ МЕНЯ ДРУГОЙ ЗЕМЛИ, ХОТЯ ОНА И ГОРИТ У МЕНЯ ПОД НОГАМИ»

Беседа с малым братом Йохананом Элихаем

Наталия Большакова: Дорогой брат Йоханан, расскажите, пожалуйста, почему вы, француз, большую часть своей жизни провели в Израиле, что привело вас сюда более полувека тому назад?

Брат Йоханан: Я родился в 1926 году недалеко от Парижа, в христианской семье и о еврейском народе ничего не знал. Только в 1945 году, уже после войны мне открылась трагедия Катастрофы (Шоа). И я не мог об этом забыть. Когда мне исполнилось 20 лет, в качестве альтернативной службы вместо армии, на год я отправился в Ливан преподавать французский язык. В то же время я учился там в Маронитском семинаре арабскому языку и маронитской литургической музыке. Впоследствии мне даже удалось сочинить песнопение на иврите в маронитском духе: «Заповедь новую даю вам».

Потом я вернулся во Францию, встретился с малыми братьями Иисуса¹, думал о том, чтобы стать одним из них, жить не в монастыре, а – среди народа, поскольку малые братья, как правило, живя в разных странах, живут очень просто, разделяя жизнь с тем народом, среди которого они находятся. Я хотел быть малым братом среди евреев в Израиле. Это было в 1947 году, в период Британского мандата², и в этом же году, перед самым началом Войны за Независимость, я совершил паломничество в Иерусалим. Так

¹ Последователи блаженного брата Шарля Иисуса (Шарля де Фуко, 1858–1916). Братство было создано в 1933 г. в Сахаре, основатель – отец Рене Вуайом. См. подробнее о Шарле де Фуко и его последователях: «Христианос-VII». С. 75–126; «Христианос-X». С. 31–71; «Христианос-XV». С. 52–92; «Христианос-XVI». С. 78–98.

² Период, в течение которого на части территории распавшейся Османской империи на Ближнем Востоке был установлен режим управления Великобритании по мандату Лиги Наций. Он продолжался с 1922 года до 15 мая 1948 г.

состоялась моя первая встреча с еврейским народом. Он только начал возвращаться к жизни, к свободе на земле своих предков. Тогда я впервые понял: «Здесь происходит нечто исторически очень важное, но христианский мир этого не замечает»,

Н. Б.: Но переехали в Израиль вы не сразу.

Б. Й.: Нет. В 1947 году я вступил в орден малых братьев. Глава ордена – брат Рене Вуайом хотел, – поскольку я уже говорил по-арабски, – чтобы я пожил в мусульманской стране, но не в Северной Африке, а на Ближнем Востоке. И в 1949 году я и еще трое братьев (один из которых брат Рене Вуайом) приехали в Сирию, в Дамаск. Я пробыл там год. Осваивал сирийский вариант арабского языка. Помните, я говорил вам, что арабский ливанский и арабский сирийский – это разные языки? А у палестинских арабов – еще один язык.

Н. Б.: Это удивительно!

Б. Й.: Да! Литературный и письменный язык – единый для арабов всего мира, а варианты разговорного языка очень сильно отличаются друг от друга. Я сделал себе маленький словарь и в течение этого года в Сирии пополнял его.

Я говорил брату Рене Вуайому, что хотел бы жить среди евреев в Израиле. А он отвечал, что Израиль долго не продержится. И что если я хочу быть с евреями, – так есть марокканские евреи... Я приехал в Марракеш и стал учить третий вариант арабского языка – марокканский. Потом я заболел там. И тогда меня поняли: «Ты хочешь в Израиль?.. Иди в Израиль!» Я молился: «Господи, Ты Сам желаешь, чтобы я был в Израиле, почему же Ты дал мне растратить время... три года ушли на изучение разных арабских языков... зачем?» И я услышал: «Придет время, и однажды ты поймешь – зачем».

Н. Б.: Видимо, речь пойдет о составленных вами учебном курсе арабского языка в 4-х томах и о арабо-ивритском словаре?

Б. Й.: Да, кроме тех трех лет я работал над словарями и учебниками еще сорок лет. Поселившись в Израиле, я встретился еще с одним народом, который живет на этой земле уже много веков. Так я выучил палестинский диалект арабского языка, который

нравится мне больше других диалектов. Содействие в преподавании этого языка на иврите стало моим скромным вкладом в развитие взаимопонимания между еврейским и арабским народами, оказавшимися в трудной исторической ситуации.

Н. Б.: Мне говорили люди, которые учили иврит по вашему грандиозному учебнику *Жить, работать, радоваться на иврите (490 глаголов в 4000 предложений)*, что это великолепный учебник, содержащий в себе новую живую методику изучения языка.

И словарей до вас таких еще не было, и учебных курсов арабского – тоже.

Б. Й.: Кажется, не было. Я записал на 150 кассет семнадцать тысяч предложений на разные темы, которые я слышал вживую и по радио и по телевидению. Все это разговорный арабский палестинский язык. Ничего подобного в других книгах нет.

Н. Б.: И ведь по образованию вы – не филолог, не лингвист...

Б. Й.: Нет. Семь лет в молодости я был органистом, играл в храмах. Потом шесть лет изучал Библию, богословие, историю. Приехав в Израиль, я учился делать керамику у одного известного мастера. С ним вместе мы выполняли большие работы по оформлению стены и пола в зале «Помни» мемориала Яд ва-Шем. Это были названия нацистских концлагерей.

Н. Б.: Мы были там. Оформление этого зала производит очень сильное впечатление. Значит, вам удалось поучаствовать в этом...

Б. Й.: Да. А когда я два года жил в Галилее, в арабской христианской деревне вместе с двумя братьями, я делал керамику, занимался этим на жизнь. Братья всегда должны жить своим трудом.

Н. Б.: А в чем для вас суть служения малых братьев?

Б. Й.: Я бы сказал, что это – жить, как Иисус в Назарете. Что это значит для нас? Трудиться, ежедневно два часа молиться, быть в созерцании, в богообщении и жить среди людей. Но самое главное – это любовь. Никакой миссионерской деятельности. Главное – нести любовь, чтобы любовь распространялась в мире. Нести не религию, а любовь.

Н. Б.: Являть Божие присутствие среди людей... Это самое трудное.

А братство создавалось для того, чтобы жить в арабском мире?

Б. Й.: Сначала – да. Первое братство – в Сахаре, среди арабов. А потом мы поняли, что надо идти и к другим народам, по всему миру. Мы всегда молились и молимся о мусульманах. Но ведь брат Шарль думал обо всем мире. Малые братья есть и в Корее, и в Японии, в Бразилии, в европейских странах.

Н. Б.: Отец Александр Мень считал, что духовность малых братьев и малых сестер, их путь – это самое нужное в наше время. Именно то, о чем вы говорили – жить и трудиться среди людей, молиться внутри себя, не миссионерствовать, а любовью являть Бога.

Б. Й.: Да, но поэтому нас так мало...

Сестры, которые знали отца Александра, рассказывали нам о нем, я помню.

Н. Б.: Скажите, брат Йоханан, все-таки ради чего вы так стремились жить среди народа Израиля? Вы хотели что-то понять для себя, или помочь им? Или, может быть, что-то искупить?..

Б. Й.: Я говорил вам, что после освобождения Парижа от нацистов, гуляя по улицам, я вдруг увидел за стеклянной витриной фотографии, свидетельствующие о Шоа. В тот момент я испытал шок на всю жизнь. С тех пор стал думать о том, чтобы приехать в землю Израиля и жить с евреями. И желание это с годами не проходило, а только укреплялось. Я считал, что для христианина важно участвовать в возрождении Израиля, переживать эти исторические события вместе с еврейским народом.

Я понимал, что, с одной стороны, мне придется познакомиться с трагическим прошлым этого народа в христианской Европе на протяжении многих веков, узнать о глубокой травме, оставленной в его памяти этим прошлым. С другой стороны, мне предстояло открыть духовное богатство сынов Израиля, их горячее стремление к истине (вплоть до решительной критики собственных недостатков и ошибок), их «природное» знание Библии: ведь Книга Книг – это собственная история евреев, написанная на их родном языке.

Брат Йоханан во время беседы. Ноябрь 2010 г., Иерусалим

Христиане, как правило, очень мало знают об огромном богатстве их вековых традиций, которыми иудеи живут и сегодня. Часто христиане не знают, что многое из этого богатства питает и нас. Например, легло в основу христианского богослужения, обрядов, богословия, библеистики.

Н. Б.: И вы хотели христианам рассказывать об истории, страданиях и надеждах еврейского народа...

Б. Й.: Да! Встречи с посещающими Израиль христианскими паломниками вновь и вновь напоминали мне, как мало знают христиане о еврейском народе. Ведь и я был таким же невежей, пока не приехал сюда!

Н. Б.: А евреям вы хотели...

Б. Й.: ...прежде всего, дать свою любовь. Любовь – против христианской ненависти многих веков.

Н. Б.: Но ведь христианин не может ненавидеть еврея, – хотя бы потому, что это его самый близкий родственник, родной брат... Как замечательно выразил это родство папа Пий XI в 1938 году: «Духовно мы все семиты».

Б. Й.: Да, и настоящий христианин именно таков. Истинное понимание благовестия Иисуса Христа не оставляет места для антисемитизма среди христиан. Но если в Европе, после стольких веков христианства стало возможным на протяжении нескольких лет методично уничтожать евреев, то о чем это говорит?..

Поражает, что когда христиане говорят и пишут о Шоа – уничтожении нацистами шести миллионов евреев, в том числе, одного миллиона детей, – то они обвиняют в этом чуждую им нацистскую идеологию и считают, что христиане никоим образом не причастны к трагедии евреев в XX веке. Можно встретить такое утверждение: «Антисемитизм – это антихристианское явление». Так должно было бы быть. Но, к сожалению, шестнадцативековая традиция христианского антисемитизма, или, если выражаться точнее, христианского антииудаизма, опровергает это самонадеянное утверждение.

Архиепископ Кентерберийский доктор Роберт Ранси имел мужество сказать в октябре 1988 года, в 50-ю годовщину Хрустальной ночи: «Ярая ненависть Гитлера к евреям никогда бы не нашла такого сильного отклика в Европе, если бы этому не предшествовали многие века христианского антисемитизма. Холокост был бы немыслим, если бы христианское сознание не оказалось отравлено юдофобией».

Н. Б.: Где это берет свое начало?..

Б. Й.: Французский еврейский писатель Андре Шураки приходит к такому выводу, что «великий раскол Церкви и Израиля, оторвав христианство от его еврейских корней, вызвал нескончаемый поток несчастий, затормозил ход истории, исказил истинные перспективы и возможности для спасения...»

А кардинал Мартини, архиепископ Милана, рассматривая этот раскол как роковую потерю, сказал в 1993 году: «Мы пренебрегли еврейскими корнями, и эта рана на теле Церкви до сих пор оста-

ется открытой. Она не заживет, пока Церковь не вернется в Иерусалим».

Н. Б.: Сильный и убедительный вывод! И отсюда же берет свое начало христианский антииудаизм и антисемитизм.

Б. Й.: Несомненно! После победы императора Константина и провозглашения им Миланского эдикта в 313 году, в котором христианство объявлялось законной государственной религией, положение евреев значительно ухудшилось.

На Никейском соборе в 325 году было решено праздновать христианскую Пасху в такой день, чтобы он не совпадал с иудейской. Слова императора Константина достаточно ясно передают атмосферу неприятия евреев: «Было бы недостойно с нашей стороны праздновать наш самый святой праздник в соответствии с обычаями евреев, которые осквернили свои руки самыми ужасными грехами и потому до сих пор пребывают в духовном ослеплении... Мы не хотим иметь ничего общего с ненавистным еврейским соборищем».

Потом последовал ряд государственных законов, ограничивающих права евреев в городах. И в частности, в Иерусалим, из-за обилия христианских паломников, евреям было запрещено приходить. Византийские власти разрешали евреям совершать паломничества в Иерусалим раз в год, в день поста, 9-го ава и оплакивать разрушенный Храм. С евреев взималась плата за каждый час пребывания на Храмовой горе.

Н. Б.: И самое печальное, что все это идеологически подпитывалось некоторыми Отцами Церкви того времени. Особенной ненавистью наполнены сочинения Иоанна Златоуста. И мы, в Православной Церкви, и по сей день слышим проклятия, злобные обвинения в адрес еврейского народа на службах Страстной недели. Очень важно, что Католическая Церковь изъяла подобные тексты из богослужебного обихода.

Б. Й.: Да. Поэтому, понимая силу влияния литургии на духовенство и верующих, на протяжении христианской истории, не стоит удивляться тому, что после каждой Страстной недели в христианских городах начинались еврейские погромы. Трагическое

будущее евреев в христианской Европе проглядывало уже в первое тысячелетие, но с началом Крестовых походов развернулся яростный антисемитизм. Трагедия, повлиявшая на всю последующую историю евреев в Европе, разразилась в XI веке.

Отправляясь в Иерусалим освобождать Гроб Господень из рук «неверных», крестоносцы обнаружили, что гораздо проще начать с грабежа и убийств евреев еще в самой Европе. Известны в истории Церкви епископы, протестовавшие и пытавшиеся спасать евреев от гибели в разных европейских городах. Тем не менее, крестоносцы делали свое дело, что называется, в соответствии с официальным христианским церковным учением, которое на протяжении столетий представляло еврейский народ как «проклятый и наказуемый Богом».

Только с января по июль 1096 года было уничтожено десять тысяч евреев во Франции и Германии. Прибыв в Иерусалим, крестоносцы согнали евреев в одну из синагог и подожгли ее.

Н. Б.: Чудовищно!.. И это, так называемое, официальное христианское учение...

Б. Й.: Историк Жюль Исаак назвал его *учением презрения...*

Н. Б.: Оно абсурдное, потому что – богоборческое!

Б. Й.: И, тем не менее, оно узаконило жестокость по отношению к еврейскому народу на протяжении всей истории его пребывания в христианском мире. Это учение, в конечном счете, подготовило подходящую почву для массового уничтожения евреев нацистами в XX веке. Поразительно, что этот факт, признаваемый учеными, историками – неизвестен большинству христиан.

Нацисты переняли многое из того, что было утверждено церковными соборами против евреев. Например, Четвертый Латеранский собор в 1205 году постановил, что евреи должны носить отличительный знак на спине и на груди, дабы воспрепятствовать их контактам с христианами. Во Франции это был кружок из красного фетра, в Германии – желтое кольцо. Через много столетий нацисты приказали евреям носить желтую звезду. А еще была традиция – побивание камнями или битье палками евреев во время Страстной недели. И другая традиция, также перенятая нацистами – помечать дома евреев отличительным знаком.

Еще одна типичная вещь, существовавшая многие века и повлекшая за собой многочисленные жертвы, – это «кровавые наветы». Начиная с XII века распространялись слухи о том, что евреи убивают христианских младенцев с целью использовать их кровь для своей Пасхи. Все проводившиеся расследования показали, что для таких обвинений нет никаких оснований (об этом заявляли и Римские папы). Однако в самых разных странах сообщения об исчезновениях детей сопровождались убийствами евреев, с последующим строительством храмов в честь «маленьких мучеников» при полной поддержке местного духовенства.

Примечателен вывод, который делает церковный историк аббат Вакандар, занимавшийся исследованием этого вопроса: «Не известен ни один случай ритуального убийства, который был бы доказан исторически».

И вплоть до XVIII–XIX веков в различных странах Европы господствовало на разных уровнях – церковном, законодательном, бытовом – *учение презрения*.

Н. Б.: И ведь антисемитизм не исчез даже после страшных событий Второй мировой войны. Мне кажется, для христиан важно не заниматься самооправданием, а посмотреть правде в глаза, осознать преступления прошлого, последствия которых не изжиты до наших дней.

Католическая Церковь, начиная со второй половины XX века, очень много сделала и для осознания прошлого, для примирения между христианами и для преодоления пропасти между иудеями и христианами. Это всех нас очень вдохновляет.

И, можно сказать, что начало этих изменений в отношении Церкви к иудаизму и к еврейскому народу, подготовка исторических церковных документов, повернувших сознание многих христиан, идет отсюда, из Израиля?

Б. Й.: Да, можно сказать, что плеяда священников и монахов, приехавших из Франции и других стран Европы в молодое государство Израиль, и взявшаяся за изучение иврита, иудейской и раннехристианской традиций, серьезно повлияла на изменение церковного мышления.

Н. Б.: Кто были эти люди, кроме вас и отца Даниэля Руфайзена?

Б. Й.: Священники Жак Фонтен, Марсель Дюбуа и Габриэль Гроссман. Хочется сказать хоть несколько слов об отце Бруно Хускаре, доминиканце, приехавшем в Израиль из Франции в 1953 году. Бруно – один из основателей *Дела святого Иакова* (Oeuvre Saint Jacques) и *Дома святого Исаии* (Maison de Saint Isaïe), задуманного как Центр изучения иудаизма (а в Каире доминиканцы параллельно основали Центр по изучению ислама). Официально *Дом Исаии* в Иерусалиме начал свою работу в 1960 году и действует до сих пор.

Изучив иврит, еврейскую историю, узнав об отношении Церкви к евреям, Бруно был убежден в необходимости изменений в учении и позиции Церкви и в отношении христиан к евреям.

Отец Бруно встретил здесь христиан еврейского происхождения и христиан других национальностей, разделявших его чувства и убеждения, и вместе с этими людьми они составили ивритоязычную общину в Тель-Авиве – Яффо, настоятелем которой с 1955-го по 1959 год был отец Бруно. Они служили мессу на иврите. Вместе с пастырской деятельностью в общине, а также в *Доме Исаии*, Бруно участвовал и в других начинаниях, способствующих диалогу между Церковью и иудеями. Он участвовал в основании Rainbow Group (*Группы Радуги*), а также экуменического Братства богословских исследований.

Бруно и доминиканская община осознали всю важность собора, задуманного и созванного папой Иоанном XXIII. Бруно окунулся в работу по подготовке собора и сделал все, чтобы включить в темы, обсуждаемые на соборе, вопросы о перемене отношения к еврейскому народу. Он регулярно ездил в Рим, и был приглашен кардиналом Августином Беа участвовать в качестве эксперта в третьей сессии собора, где обсуждался текст, вылившийся в документ *Nostra Aetate*³ в 1965 году. Этот документ обозначил радикальное изменение официальной позиции Католической Церкви по отношению к иудаизму, а также к другим религиям.

³ *Nostra aetate* – «Наше время» (лат.)

Н. Б.: И ведь вы, брат Йоханан, столько лет трудитесь ради диалога, ради восстановления братских отношений между евреями и христианами.

Б. Й.: Иудео-христианский диалог уникален, и тому есть две причины: историческое христианство несет огромную ответственность за трагическое прошлое еврейского народа; еврейский народ всегда обладал и обладает в Божественном промысле особым статусом нашего «старшего брата» – что нам, наконец, необходимо осознать.

Сегодня мы переживаем период возрождения. Способность мужественно взглянуть в лицо неприглядной действительности, стремление исправить прошлые трагические ошибки христианства и открыть новую страницу в истории Церкви – это и есть знак действия Бога в сердце человека.

Н. Б.: А то, что уже более 50 лет на этой Земле Иисуса Христа, где Он основал Свою Церковь, вновь совершается Евхаристия на иврите, – тоже свидетельствует о возрождении, хочется надеяться, о возрождении «Церкви от Израиля».

В Русской Православной Церкви в 1847 году, по благословению святителя Филарета (Дроздова), митрополита Московского, был сделан перевод литургии Иоанна Златоуста на иврит. И сейчас, в Израиле, насколько мне известно, совершает православную литургию на иврите только один священник – отец Александр Виноградский.

А когда начали христиане в Израиле молиться на иврите?

Б. Й.: Уже в 1947-48 гг. братья и сестры Сиона стали молиться на иврите.

А я, в период моих занятий богословием (1951–1955), готовясь к Израилю, думал, что мы должны научиться петь на иврите – в духе еврейских молитвенных и современных израильских песнопений, но не петь в европейском стиле. И во время своей учебы я занимался еврейской традиционной музыкой, чтобы ввести это в богослужение.

В июле 1955 года я был рукоположен в священники и сразу попросил направить меня в Израиль. В тот период я серьезно думал

о литургии на иврите и разговаривал об этом в Риме с кардиналом Тиссераном. Тогда все должны были молиться на латыни по римскому чину. Кардинал сказал, что я могу получить право служить по сирийско-арамейскому чину и со своей стороны дал мне все необходимые для этого разрешения. Я стал учиться и готовиться, и тогда же перевел сирийско-арамейский чин мессы на иврите.

21 марта 1956 года на корабле я прибыл в Хайфу. Там меня ждали две малые сестры. С ними мы совершали мессу на иврите в женском монастыре в Хайфе. В те годы начались первые службы на иврите со временем I века.

Тогда же я встретился с Бруно Хуссаром и год жил с ним в общине в Яффо. Спустя год мы поняли, что сирийский чин не отвечает духовным нуждам верующих в Израиле. Тогда я снова обратился к кардиналу Тиссерану. Он понял нас и поддержал и ходатайствовал перед папой Пием XII с просьбой разрешить нам в Израиле молиться по Римскому чину, но на иврите. В результате обсуждений и дискуссий папа согласился. Бруно привез это разрешение из Рима в Израиль, и в феврале 1957 года, при участии монсеньора Вергани и членов *Дома Исаи*, я отслужил первый раз латинскую мессу на иврите. Однако нам разрешили служить на иврите только от начала мессы и до чтения Евангелия, после чего надлежало перейти на латынь, а начиная с «Отче наш», снова перейти на иврит. Только после Ватиканского собора стало возможным служить всю мессу целиком на иврите, как и на других языках.

Н. Б.: А Евангелие, Новый Завет когда и кто перевел на иврит?

Б. Й.: Еще в первые годы жизни в Израиле я, с помощью Йехошуа Блюма – израильского офицера, принявшего христианство – начал переводить на иврит Евангелие. Позже протестанты предложили мне работать вместе над переводом всего целиком текста Нового Завета. Меня попросили сотрудничать с Йосефом Ацмоном, мессианским евреем, главным ответственным за перевод. Мы трудились вместе три года. Перевод Нового Завета вышел в свет в 1976 году.

И, когда 50 лет тому назад мы с Даниэлем и Бруно начинали литургическое творчество, мы хотели прийти к местному чину литургии – ивритскому чину мессы, к созданию Церкви говорящих на иврите, которой будет дана возможность искать, чтобы вернуться к своим корням.

Н. Б.: Логично. Ведь Церковь родилась здесь...

Б. Й.: Да, верно. И если уж мы возвращаемся сюда, зачем нести с собой традиции и предписания поместных церквей, возникшие в европейской константиновой церкви, оторвавшейся от Матери-Церкви – Иерусалимской общине иудеев?

Н. Б.: И в Риме это поддерживали?

Б. Й.: Да, существует письмо кардинала Ратцингера в ответ на письмо одного священника из Израиля о том, что мы здесь хотим идти новым путем, чтобы вернуться к истокам. И кардинал пишет, что мы правы, что когда-то необходимо вернуться к тому, что было изначально – «Церковь от Израиля» и «Церковь от язычников», две сестры.

Кардинал Ратцингер понял и принял еще одну важную для нас особенность: то, что на иврите невозможно сказать «Матерь Божия» – для еврейского сознания это невозможно. Потому что Бог и в Ветхом и в Новом Завете – это невидимый непостижимый Отец. И как Мария может быть Матерью Бога?..

Н. Б.: И как же вы обращаетесь к Деве Марии и молитесь Ей?

Б. Й.: Все молящиеся на иврите говорят не «Матерь Божия», а «Мать Иисуса-Эммануила».

Н. Б.: Уже давно нет рядом с вами Даниэля и Бруно, вы, оставшись один, продолжаете начатое совместно литургическое творчество?

Б. Й.: Да, остался я один, последний динозавр... С их уходом утрачена сама атмосфера этого творчества.

Н. Б.: А что вы можете сказать о Даниэле?

Б. Й.: У меня есть одна отличительная черта: я всегда говорю правду. Я помню свою последнюю ложь. В шесть лет я соврал в последний раз. Бабушка мне сказала: «Как ты смел!» И с тех пор

для меня ничто так не важно, как правда – о братьях, о церкви, обо всем.

Я был очень близок к Даниэлю. Даниэль – особенный. Не очень много наследников у Даниэля. Взгляды у него были революционные, но иногда он преувеличивал, совершал ошибки... Когда он встретил нашего патриарха в Хайфе, он сказал ему: «Ты не мой епископ!» Это я называю ошибкой.

Мы были так близки с ним, я очень много получил от него, и мы много спорили, и я как-то сказал ему: «Даниэль, ты так сильно убежден, но ты не думаешь, что иногда ты ошибаешься?» Он ответил: «Ты не знаешь, как я молюсь! Сколько я молюсь! Если я ошибаюсь, ты останови меня!» Это прекрасно!

Наверно, он видел слишком далеко. Я думаю, что мы все когда-нибудь приедем к той перспективе, к тому, что он видел. Когда-нибудь... Но сейчас мы отступили несколько назад. С новым назначенным викарием ивритоязычных общин Израиля – Давидом Нойхаузом – мы отступили назад.

Отец Давид очень умен. Давид – еврей и прекрасно говорит на иврите, и проповеди его ясны и понятны. Но он находится в Католической Церкви и принимает в ней все так, как есть. Хотя он понимает, что надо что-то менять, но все же возвращение к истокам и корням для него не самое главное и срочное. Возможно, я ошибаюсь...

Вы спросили, продолжаю ли я то, что мы начинали вместе. Так вот, буквально вчера я работал над литургическими текстами на иврите. Ведь имеющаяся у нас литургическая комиссия не знает, как это делать. Вот я и хочу собрать и представить все, что сделано, ведь мы пятьдесят лет думали и работали в этом направлении. Тем более, что у нас есть один документ – письмо от кардинала Люстиже и одного монсеньора, который в Ватикане отвечал за Церковь на всем Ближнем Востоке.

У Даниэля был друг, священник, монах кармелитского монастыря в Хайфе, где и Даниэль жил. Он был традиционным католиком, но, поняв, что евреям нужен свой богослужебный чин на иврите, он написал в Ватикан прошение, чтобы они сотворили для

нас еврейский чин. И тот ответственный монсеньор в Риме и кардинал Люстиже, все обсудив и продумав, написали нам такой ответ: «Не мы в Риме должны создавать ивритский чин мессы, а именно вы, те, кто находится в Израиле, у себя на месте должны создать его». В этом документе прямо выражено пожелание создать новый, особый, отличающийся от других, литургический чин.

Н. Б.: Все-таки, иерархи не безнадежны! И Тиссеран, и Люстиже, и Ратцингер, ставший теперь папой Бенедиктом XVI, понимали и поддерживали ваши начинания.

Б. Й.: И папа Иоанн Павел II. Почему я написал этот труд – свидетельства христианской ненависти⁴? Потому что я был у папы целый час, был приглашен на ужин, это было в 1984 году. Во время нашей беседы я говорил о ивритоязычных общинах в Израиле, об их положении в Латинском Иерусалимском патриархате, и об антисемитизме, о страданиях еврейского народа, о духовных богатствах иудаизма, и преследованиях христианами евреев на протяжении многих веков.

Н. Б.: Какова была реакция папы?

Б. Й.: Папа очень искренне сокрушался, убежденно говорил о том, что главе Католической Церкви следует просить прощение у еврейского народа за грехи христиан.

Поэтому, выйдя от папы, я решил, что соберу весь этот исторический материал, и я много работал, много размышлял об этом, и в 1989 году я послал написанное мною папе. И получил от него в ответ: «Спасибо большое за то, что ты прислал!»

А во время беседы папа еще сказал мне очень важное: «Другие народы тоже ужасно страдали, но с еврейским народом случай особый – он был избранным народом, и он остается избранным народом. Это не было замечено, это не было понято, что очень прискорбно». Подобные мысли звучали и в публичных выступлениях Иоанна Павла II. Например, в Майнце он говорил о «народе Ветхого Завета, который никогда не был отвергнут», а в речи в

⁴ «Евреи и христиане». – *Прим. ред.*

Римской синагоге 13 апреля 1986 года сказал: «евреи по-прежнему остаются народом, который очень дорог Богу, Который принял их непреложным призванием».

Н. Б.: То, что папа Иоанн Павел II принес покаяние и просил прощение от лица Церкви, – это невозможно переоценить! Это – победа, она дает радость и надежду и для нас, его современников, и для будущего, потому что это – непреходящее событие. Оно еще будет набирать силу и плодоносить.

Б. Й.: Невероятно, что он это сделал. Блаженный папа Иоанн Павел II...

Н. Б.: А вы с папой говорили по-французски?

Б. Й.: Да, и труд свой я написал на французском, потом его перевели на итальянский, потом – на польский, на английский, на русский.

Даниэль Руфайзен тоже был у папы в 1984 году и говорил с ним полтора часа по-польски. Во время этой встречи папа сказал Даниэлю: «Это естественно, что Церковь заинтересована в добрых отношениях с Израилем, потому что Церковь – это “новый Израиль”». На что Даниэль заметил, что это выражение не совсем точно: «Судя по образу, который использует апостол Павел в своем *Послании к Римлянам* (11:11), Израиль подобен маслине, а все языческие народы были привиты природным ветвям этой маслины. Потому, может быть, лучше было бы сказать, что Церковь – это “расширенный Израиль”?» После некоторого раздумья папа произнес: «Да, вы правы, я ошибся, лучше сказать “расширенный Израиль”».

Нынешний папа Бенедикт XVI еще раз ясно выразил ту же мысль 12 декабря 2005 года, говоря об исследовании П. Десбуа, посвященному Шоа на Украине, что «единый народ Божий» это – «Церковь вместе с Израилем».

Н. Б.: А что вы думаете об этой большой теме – арабо-израильском конфликте?

Б. Й.: Ох!.. Я страдаю от этого каждый день. Это очень сложно. И никто не знает всего полностью. Никто не знает всей правды.

Н. Б.: Конечно, мы все надеемся на Бога...

Б. Й.: Бог все может, но в пределах свободного выбора человека. Он уважает нашу свободу, Он дал нам ее... Главное, не дать злу победить себя, а побеждать зло добром.

Н. Б.: А что для вас лично Израиль?

Б. Й.: Это моя земля, это мой народ! Меня нельзя отделить от этого народа, от этой земли.

Есть очень красивая песня (поёт на иврите): «Нет для меня другой земли, хотя она и горит у меня под ногами. И не замолчу, буду говорить ей, какая она. Я не буду молчать, потому что люблю свою страну, буду все ей говорить».

Я завещал, чтобы на моих похоронах пели эту песню.

Н. Б.: Спасибо вам за встречу!

Б. Й.: Я очень рад, что мы встретились.

*Ноябрь 2010 г., Иерусалим
Перевод с иврита*

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции

«Служение сопричастности» 5

ЕДИНЫМ СЕРДЦЕМ

«Хвалите Господа, все народы!» 11

Священник Матта-эль-Мескин

«Христианское единство» (Пер. с англ.) 39

«...И ВЫ – ТЕЛО ХРИСТОВО»

Священник Владимир Лапшин

«О единстве» 55

Священник Владимир Паргала

«Мы – разные?» 63

Священник Антоний Лакирев

«О Церкви, единстве и смысле слов далекого прошлого» 65

Протоиерей Олег Батов

«Вражда будет побеждена»

(О швейцарских святых 1-го тысячелетия) 75

Священник Георгий Чистяков

«Место для встречи» 84

Слово кардинала Андре Вен-Труа, архиепископа Парижского, во время его паломничества на Соловецкие острова

(Пер. с франц.) 96

МОНАШЕСКОЕ ПРИЗВАНИЕ – СЛУЖЕНИЕ ЕДИНСТВУ

Архимандрит Эммануил Лани «Об истоках одного монашеского и экуменического призыва» (Пер. с франц.)	101
Брат Энцо Бьянки «Монашеская жизнь и экуменический диалог» (Пер. с англ.)	111
Светлана Панич «Нести свет тем, кто во мраке...» (Из писем и дневников св. Терезы Калькуттской) (Пер. с англ.)	133

ИУДЕИ, ХРИСТИАНЕ, МУСУЛЬМАНЕ – ПОИСК ПУТИ К ДИАЛОГУ

Протоиерей Александр Мень «Иудейство, иудаизм, христианство» (Беседа)	161
Сандрин Канери «Евангелие, Ветхий Завет и устное предание» (Пер. с франц.)	176
Александр Кантор «Радуйся, Сионе, мати Церквей!»	194
Малая сестра Магдалина Иисуса «Испытание любви» (Из книги малой сестры Анны Иисуса) (Пер. с франц.)	200
Слово папы Римского Бенедикта XVI в Иерусалиме, в Мемориале Яд ва-Шем 11 мая 2009 года. (Пер. с англ.)	202
Молитва папы Римского Бенедикта XVI у Стены Плача.....	205

Раввин Давид Розен

«Диалог Церкви с ее старшими братьями» (Из речи Давида Розена на Синоде Католической церкви в Риме в октябре 2010 года) (Пер. с англ.)	206
«Мой учитель Иерусалим» Беседа со священником Рафиком Хури (Пер. с арабского)	216
«Церковь пытается стать частью израильского общества» Беседа со священником Давидом Нойхаузом (Пер. с франц.)	220
«Нет для меня другой земли, хотя она и горит у меня под ногами» Беседа с малым братом Йохананом Элихаем (Пер. с иврита)	237

SOMMAIRE

Le mot de la rédaction

«Au service de l’union de tous»..... 5

D’UN SEUL COEUR

«Louez le Seigneur, tous les peuples !»..... 11

Père Matta el Meskin

«L’unité chrétienne» (traduit de l’anglais)..... 39

«...VOUS AUSSI, VOUS ÊTES LE CORPS DU CHRIST»

Prêtre Vladimir Lapchine

«Sur l’unité»..... 55

Prêtre Vladimir Partala

«Sommes-nous différents?» 63

Prêtre Antony Lakirev

«Sur l’Eglise, l’unité et le sens des mots d’un passé lointain» 65

Archiprêtre Oleg Batov

«L’inimitié sera vaincue»

(Sur les saints suisses du premier millénaire) 75

Prêtre Georges Tchistiakov

«Un lieu de rencontre»..... 84

Discours du **cardinal André Vingt-Trois**, archevêque de Paris, durant son pèlerinage aux Iles Solovki (traduit du français)..... 96

LA VOCATION MONASTIQUE AU SERVICE DE L'UNITÉ

Archimandrite Emmanuel Lanne

- «Aux sources d'une vocation monastique et œcuménique»
 (traduit du français)..... 101

Frère Enzo Bianchi

- «La vie monastique et le dialogue œcuménique»
 (traduit de l'anglais)..... 111

Svetlana Panitch

- «Porte la lumière à ceux qui sont dans les ténèbres...»
 (Extraits des lettres et des journaux intimes de **sainte Thérèse de Calcutta**) (traduit de l'anglais)..... 133

JUIFS, CHRÉTIENS, MUSULMANS À LA RECHERCHE D'UNE VOIE DE DIALOGUE

Archiprêtre Alexandre Men

- «Judeité, judaïsme, christianisme» (Entretien) 161

Sandrine Caneri

- «Evangile, Ancien Testament et tradition orale»
 (traduit du français)..... 176

Alexandre Kantor

- «Réjouis-toi, Sion, mère des Eglises !» 194

Petite Sœur Magdeleine de Jésus

- «L'expérience de Bethléem jusqu'aux confins du monde» (Extrait d'un livre de petite sœur Annie de Jésus) (traduit du français)..... 200

Discours du pape Benoît XVI à Jérusalem,

- au Mémorial Yad-Vashem le 11 mai 2009 (traduit de l'anglais) 202

- Prière du pape Benoît XVI au Mur des Lamentations** 205

Rabbin David Rosen

«Le dialogue de l'Eglise avec ses frères aînés» (Extrait d'un discours de David Rosen au synode de l'Eglise catholique à Rome en octobre 2010)	206
(traduit de l'anglais).....	206
«Mon maître est Jérusalem»	
Entretien avec le père Rafik Khouri (traduit de l'arabe)	216
«L'église essaie d'être une partie de la société israélienne»	
Entretien avec le père David Neuhaus (traduit du français).....	220
«Pour moi il n'y a pas d'autre terre, bien qu'elle brûle sous mes pieds»	
Entretien avec le petit frère Yohanan Elihaï (traduit de l'hébreu)	237

CONTENT

Editorial

«Serving together».....	5

WITH ONE HEART

«Praise the Lord, All the Nations!».....	11

Priest Matta-el-Meskin

«Christian unity» (from English).....	39

«...YOU ARE THE BODY OF CHRIST»

Priest Vladimir Lapshin

«About our unity».....	55

Priest Vladimir Partala

«Are we different?»	63

Priest Antony Lakirev

«About the Church, the unity and the meaning of the words from distant past»	65

Protopriest Oleg Batov

«Hatred will be defeated» (About the Swiss Saints of the first millennium CE).....	75

Priest Georgy Chistyakov

«The meeting place»	84

A sermon by cardinal André Vingt-Trois , the archbishop of Paris, during his pilgrimage to the Solovki islands	

(from French)	96

MONASTIC VOCATION AS SERVING THE UNITY

Archimandrite Emmanuel Lanne

- «About the origins of a certain monastic
and ecumenical vocation» (from French) 101

Brother Enzo Bianchi

- «Monastic life and ecumenical dialogue» (from English) 111

Svetlana Panich

- «Bringing the Light to the ones in the dark...»
(from letters and diaries by St. Theresa of Calcutta)
(from English) 133

JEWS, CHRISTIANS AND MOSLEMS LOOKING FOR A DIALOGUE

Protopriest Alexander Men

- «Jewishness, Judaism, Christianity» (a sermon) 161

Sandrine Caneri

- «Gospel, Old Testament and the oral Tradition»
(from French) 176

Alexander Kantor

- «Hail Zion, the Mother of Churches!» 194

Little Sister Magdalene of Jesus

- «Tested by Love» (from the French book by Little Sister
Annie of Jesus) 200

A sermon by **the Pope Benedict XVI** in the
Yad Vashem Memorial, Jerusalem, 11th of May 2009

- (from English) 202

A prayer of **the Pope Benedict XVI** at the Western
Wailing Wall 205

Rabbi David Rosen

«The Church in a dialogue with its elder brothers» (from the Speech by David Rosen at the Synod of the Catholic Church in Rome in October 2010) (from English)	206
«Jerusalem, my teacher» A talk with priest Rafik Huri (from Arabic).....	216
«The Church aims at becoming a part of the Israeli society» A talk with priest David Neuhaus (from French)	220
«I Have no other land than this one which burns my feet» A talk with little brother Yohanan Elihai (from Hebrew).....	237

**Международным Благотворительным Обществом
имени Александра Меня (Рига, Латвия)
изданы (1991–2011)**

Альманах «Христианос» – выпуски I – XX

Книги:

Протоиерей Александр Мень

«Практическое руководство к молитве»

«Апокалипсис» – Комментарий протоиерея Александра Меня

«Крестный Путь» Молитвенные размышления и молитвы
Вселенского патриарха Варфоломея

Архимандрит Зинон (Теодор) «Беседы иконописца»

Владимир Френкель «Время пустыни». Стихи

Малая сестра Магдалена Иисуса

«По следам брата Шарля» (Зеленая тетрадь)

Иеромонах Габриэль Бунге «Скудельные сосуды» –
практика личной молитвы по преданию Святых Отцов

София Рукова «Отец Александр Мень»

Протоиерей Александр Мень «Истоки религии»
(«Relīģijas pirmsākumi») на латышском языке

Артуро Каттанео «Брак: дар и служение»

Иеромонах Габриэль Бунге

«Другой Утешитель. Икона Пресвятой Троицы
преп. Андрея Рублева»

Светлана Домбровская «Пастырь»

(Повесть об отце Александре Мене)

Иеромонах Габриэль Бунге

«Вино дракона и хлеб ангельский» –
учение Евагрия Понтийского о гневе и кротости

Священник Владимир Лапшин
«Деяния Святых Апостолов» – Комментарии

Иеромонах Габриэль Бунге
«Акедия» – духовное учение Евагрия Понтийского об унынии

Наталия Большакова
«Христианство осуществимо на земле»
(История создания и жизнь монастыря
Покрова Пресвятой Богородицы в Бюси-ан-От (Франция)

Священник Владимир Лапшин
«Послания к Коринфянам»
«Послание к Галатам» – Беседы

Священник Владимир Лапшин
«Послания к Фессалоникийцам»
«Послание к Римлянам» – Беседы

Наталия Большакова
«Жизнь и служение епископа
Кампанского Мефодия (Кульмана)»

Священник Владимир Лапшин
«Послание к Филиппийцам»
«Послание к Колоссянам»
«Послание к Филимону»
«Послание к Ефесянам» – Беседы

Адрес редакции:
Alexander Men' International Charity Society
Kr. Valdemara Str., 121 – 1
Riga LV 1013
LATVIA
Phone: +371 29147350
E-mail: vasilij@mailbox.riga.lv